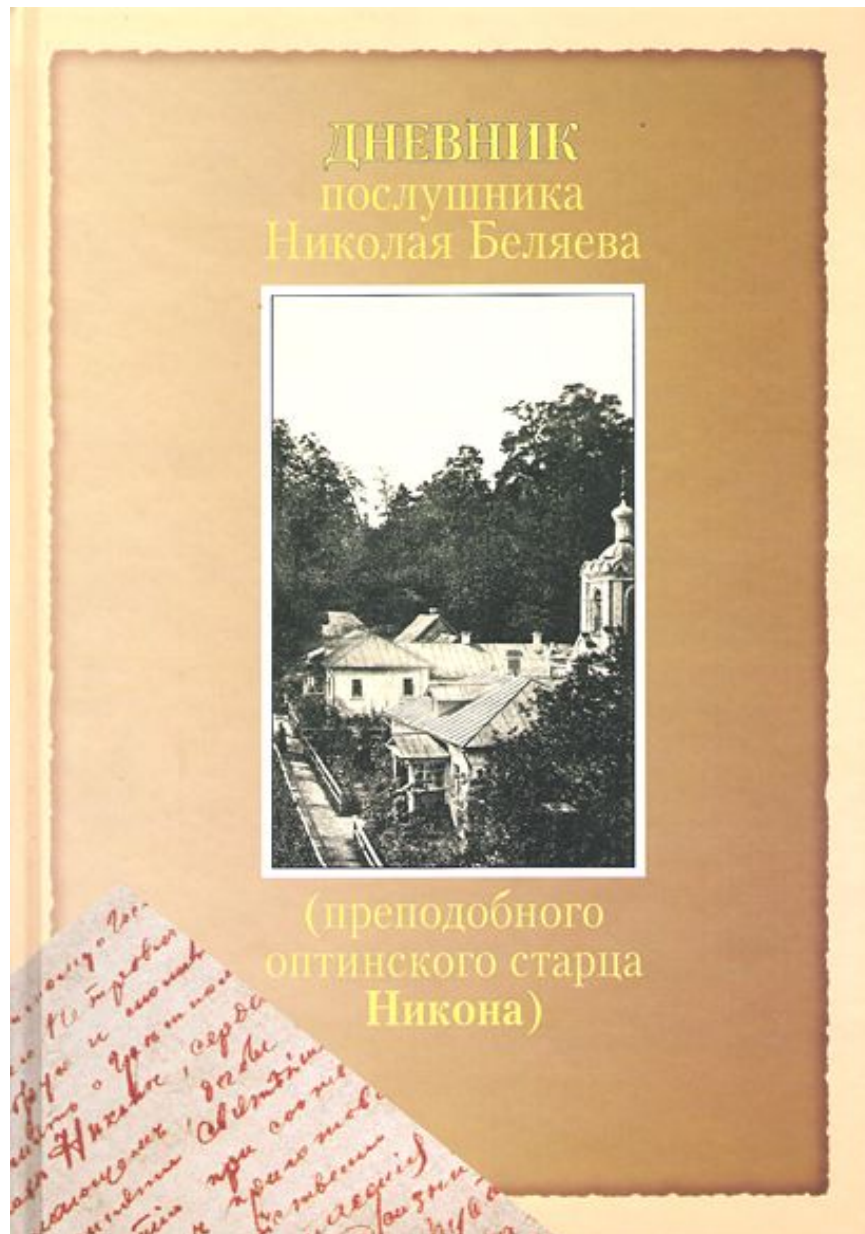

преп. Никон Оптинский (Беляев).
Дневник. 1907-1910

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из трех тетрадей Дневника послушника Николая Митрофановича Беляева (1888–1931) (впоследствии иеромонах Никон, последний духовник Оптиной пустыни перед ее закрытием в 1927 г., исповедник; канонизирован в сонме Преподобных Старцев Оптинских Архиерейским собором Русской Православной Церкви 1996 г.), осталась только одна, из которой утеряно несколько начальных страниц. Но и на основании сохранившегося текста можно составить достаточно полную картину о духовных поисках будущего старца, о его первых шагах в подвижнической жизни, о его исключительных для нашего времени взаимоотношениях с духовным наставником. Перед читателем живо предстают два ярких образа – начальник Оптинского скита, духовник обители, старец и по духовному, и по телесному возрасту преп. Варсонофий и, с другой стороны, двадцатилетний юноша, искатель Истины,

решившийся стать на путь не рассудочного только, но деятельного Ее познания. Дневниковые размышления самого послушника Николая и, тем более, записанные им наставления старца Варсонофия представляют собой одну из последних ценных страниц двухтысячелетней духовной традиции Православной Церкви – традиции борьбы со страстями, делания заповедей, молитвы...

Но любой дневник – это всегда личный, в той или иной мере субъективный документ. Это почти каждодневная череда всех – не только светлых, но и негативных переживаний, всех – не только истинных, но и ошибочных суждений и мыслей. К тому же, автор дневника, даже если речь идет о святом подвижнике, пишет, как правило, лишь для самого себя, вряд ли помышляя о том, каким образом написанное им может быть понято и воспринято другим человеком. Кроме того, дневник – это еще и совокупность мелких подробностей (фактов, наблюдений, замечаний), которые, будучи, может быть, важными вехами в судьбе этого конкретного человека, вряд ли могут представлять существенную значимость для людей, живущих в иных условиях, в иную эпоху.

Поэтому при подготовке данного издания к печати мы не сочли необходимым публиковать полный авторский текст. Из оригинала были опущены: во-первых, второстепенные (бытовые, биографические и т.п.) подробности, которые увеличили бы объем и без того немалой книги и потому сделали бы ее менее доступной для широкого круга читателей; во-вторых, факты, наблюдения, мысли, носящие, сугубо личный характер (сложные взаимоотношения с братом Иваном, негативные оценки, данные конкретным лицам, примеры отеческой любви и заботы старца Варсонофия по отношению к автору и т.п.), – публиковать их, по нашему мнению, просто неуместно; в-третьих, некоторые суждения преп. Варсонофия, которые, отражая индивидуальные черты его собственного духовного и жизненного склада, не вполне согласуются с опытом большинства православных святых, и потому могли бы, на наш взгляд, стать “камнем преткновения” для многих читателей; наконец, те места, в которых мысль автора выражена недостаточно внятно и потому может быть искажена и перетолкована.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что, готовя “Дневник” к изданию, редактируя его, мы руководствовались исключительно соображениями духовно-нравственной целесообразности, а не “цензурными” опасениями. В отличие от редакторов книги “Дневник последнего духовника Оптиной пустыни” (СПб., 1994), которая как раз и представляет собой пример жесткой и весьма тенденциозной цензуры, мы сохранили в нашем издании все (видимо, показавшиеся слишком “острыми”) места “Дневника”, которые затрагивают и сложные вопросы русской истории (например, так называемый еврейский вопрос), и животрепещущие проблемы церковной жизни (упадок монашества, отсутствие подлинного духовного руководства, бедственное состояние духовного образования, развращение нравов в русском обществе и народе в целом и т.д.).

Надеемся, что данное издание будет интересно и, главное, полезно не только всем, шествующим уже по пути духовной жизни, но и всем, ищущим этот путь, всем, готовящимся по нему пойти.

Преподобный Никон Оптинский (Беляев) ДНЕВНИК 1907-1910 гг.

28-29 января 1907 г.

Теперь я в первый раз намереваюсь серьезно и осмысленно говеть. Я как бы только теперь понял всю необходимость, всю святость, все величие этих двух

Таинств – покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых. Все пророки, апостолы и Сам Христос Спаситель и Его Предтеча Иоанн Креститель, все они начинали свою проповедь словом: "Покайтесь!"

Тяжело, когда осознаешь себя виновным; нам прямо необходимо покаяться, сознаться в своих грехах, высказать все, что нас тяготит, а когда мы высказываем все это, нам становится уже как-то легче. А здесь наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он разрешит нас от ужасного бремени греховного, успокоит нашу совесть и подкрепит нас. Вот что нам дает это Таинство, но только в том случае, если мы искренно сознаем себя виновными, искренно каемся в своих грехах и надеемся на Божию милость, ибо Он принимает всякого грешника, самого ужасного, утопающего во грехах, будь только он смирен сердцем. Сознай свою виновность и приди ко Христу с покаянием, не показным, а с искренним. Вот если мы будем смотреть на покаяние так, то, приступая к нему, мы должны будем сознать все величие этого Таинства и потому приготовить себя надлежащим образом.

Приготовление к Таинству покаяния должно состоять в самоуглублении, посте и молитве. Для того, чтобы познать все свое недостойнство пред Богом, увидеть все свои грехи, увидеть всю грязь и низость своей жизни, необходимо углубиться в самого себя и разобрать все свои поступки. Пост необходим для нас при этом как умерщвление плоти для того, чтобы оторваться от плоти и всего земного и мыслить о Боге и небесном. Справедлива пословица: "Чем больше ешь, тем больше хочется есть". Если мы утолим только голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отрывать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал. Тогда как-то чувствуется, что сущность жизни не в еде, не в чем-либо земном, а в высшем духовном мире человека, не в утолении страстей, а в стремлении познать истину – это есть первый признак духовной жизни человека. Без этого человек духовно умирает. Если же мы угождаем плоти, то ее потребности растут неимоверно быстро, так что подавляют всякое духовное движение души. Нас не интересуют тогда высшие духовные вопросы, весь наш интерес сосредотачивается исключительно на земном удовлетворении страстей и похотей плоти.

Жалок тогда человек, хотя очень часто не сознает этого. Напротив того, человек постящийся, так сказать, отрезвляется, совершенствуется нравственно. Конечно, пост, если не сопровождается молитвой и духовной заботой, не имеет почти никакой цены. Пост есть не цель, а средство, пособие, облегчающее нам молитву и духовное совершенствование. Молитва, если только искренна, имеет великую силу. Сам Иисус Христос о силе молитвы, произносящейся с верою, говорит: "Все, что просите от Отца во имя Мое, даст вам" (см. Мф. 21, 22; Мк. 11, 24; Ин. 14, 13), и "Если с верою скажете горе сей: иди и ввергнись в море, будет вам" (Мф. 21, 21). Потому мы, не будучи в состоянии сделать что-либо доброе, должны прибегать к молитве, как единому спасительному средству в нашей немощи.

Знаю по себе: хочу и не могу сделать добро, делаю зло. Я даже не могу отличить белого от черного – зла от добра. Жалкое, ужасное состояние, в котором только и может помочь молитва, молитва покаянная. Да, я вижу единый исход из моего положения – это покаяние и приобщение Святых Таин. Прежде должен очистить себя покаянием, а затем принять в себя Тело и Кровь Христа.

Великое Таинство – покаяние, а еще более величия и святости являет причащение. Здесь я принимаю в себя Самого Иисуса Христа, Его Пречистое Тело, Его Кровь, Его Божество. Я соединяюсь с Ним самым тесным образом. "Пий Мойю Кровь и ядый Мойю Плоть во Мне пребывает, и Аз в нем" (Ин. 6, 56), – говорит Сам Спаситель. Всю важность, всю необходимость этого Таинства для нас мы видим из слов Спасителя, что только вкушающий Плоти Его живет, а тот, кто не вкушает, не

имеет в себе жизни. Да, велико и необходимо для нас это Святое Таинство, но и страшно! Как я, недостойный и грешный, подойду к Святой Чаше? Ведь я не жизнь, а осуждение найду в Ней, ибо всякий, вкушающий недостойно, "суд себе яст и пьет" (1 Кор. 11, 29).

Да, страшно... Потому я должен всю седмицу, начиная с понедельника, ходить в церковь и дома молиться, и, углубившись в себя и сознав свое недостойство, приступить к Таинству покаяния с искренним желанием исправить и переменить свою жизнь. Затем, все-таки будучи очищен, я со смирением и уже не с таким страхом приступаю к принятию Тела и Крови Христовой. Это, несомненно, поможет моему желанию стать человеком и, может быть, хоть немного, да откроет глаза. Я не имею в себе жизни, теперь это мне вполне понятно. Я ни разу не говел, не исповедовался, не приобщался. Ни разу. Это ужасно. Что толку, что я каждый год ходил говеть? Какой смысл в таком говении? Еще в прошлом году я, пожалуй, молился, когда приступал к Чаше, но этого далеко недостаточно. Я помню, мне жалко было расстаться с миром, с плотскими наслаждениями, да я и не хотел вовсе с ними расставаться. А это разве покаяние? Нет, тут только одна форма, внешняя сторона. Так не должно быть!

Теперь я решил исправиться, хочу переменить жизнь и, кажется, хочу искренно. Если так, то для меня теперь имеет смысл говеть, ибо я намерен говеть по-настоящему, как следует. Я даже надеюсь, что это послужит основанием в моей дальнейшей жизни и деятельности. Я еще хотел в Рождественский пост говеть, но прозевал; да и мои теперешние мысли тогда едва нарождались. Завтра (впрочем, это будет сегодня), если даст Бог, я пойду к бабушке, поговорю, авось разъяснит хоть немного, да, как человек уже пожилой и, по-видимому, искренно верующий, даст, может быть, добрый совет.

29-30 января 1907 г.

Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Мне вдруг подумалось, а может быть, это не так?.. Я подумал и вижу, что сказал вчера правду. В древности Сократ, ученейший философ, умирая, сказал: "Я знаю только то, что ничего не знаю". Да, истина непостижима. В то время, как приближаешься к истине, по крайней мере видишь ее все выше и выше над собой, все слабее и ничтожнее кажется нам наш ум в сравнении с ней. Все это так, но Сократ жил до Рождества Христова, и ему истина, возвещенная Христом, была неизвестна, для нас же она открыта. Да, нам указано, где истина, где ее искать. Она во Христе Иисусе, но все-таки она непостижима, мы можем только более или менее приближаться к ней. Она открывается нам по мере того, как мы стремимся к ней. Сама же по себе истина никогда никому не откроется, если человек того не захочет, и путь к познанию истины труден, очень труден, особенно для меня и всех подобных мне грешников. Но путь этот труден только сначала, потом он становится более приятным. Путь этот, путь к познанию истины, есть добродетель любви и жизнь по совести при вере в Бога. Трудно попасть на этот путь, ибо он требует самоотвержения, готовности на все, чтобы там ни представилось. Смиранный человек может пойти по этому пути, а гордый не сможет. Вот этот-то путь к познанию истины и есть духовная жизнь человека, а человек, не идущий этим путем, мертв духовно. <...>

10 января 1908 г.

<...> Когда мы [с братом Иваном – ред.] были здесь [в Оптиной пустыни] 7 декабря, в день святителя Амвросия, в день, когда именинником бывает старец Амвросий, Батюшка решил нас принять. В этот день за обедней Евангелие, Апостол и запричастное пение псалмов говорили об отречении от мира. "Про вас это

говорится", – сказал о. Варсонофий и решил нас принять. Он нас благословил ехать домой, устраивать свои дела.

Когда все было готово, мы получили благословение Владыки: "Вы восходите на крест, поэтому я даю вам в благословение крестики, помогай вам Бог", – и благословил нас крестиками. Затем мы получили благословение и от мамы. Мама нас благословила иконами Покрова Пресвятой Богородицы.

Мы отправились из Москвы 22-го и прибыли в Оптину 23 декабря, а утром 24 перебрались в свои келии. Здесь мы отслужили молебен, окропили келии святой водой. Таким образом, мы поступили в Скит накануне Рождества Христова.

В прошлом году, когда я начал стремиться к жизни во Христе, я не читал никаких книг, а только Евангелие, которое и читал месяца два, да "Путь ко спасению" епископа Феофана.

2 февраля 1907 года я в первый раз хотел сознательно исповедоваться и причаститься Святых Христовых Тайн, что и исполнил. Насколько это было искренно, я не знаю, знаю только, что было такое желание. Таким образом, начало мое было положено в день Сретения Господня. Помогите мне, Господи, довести до конца то, что я начал.

Батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его, Господи. Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а только отдельные наставления:

– Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келье ничего съестного не держите, всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусною. <...> В церковь ходите обязательно и всегда до начала, первыми старайтесь прийти. Утренняя – одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу. <...> За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем необязательны.

11 января 1908 г.

<...> Батюшка говорил много хорошего, но где же все упомянуть. Буду опять писать так же кратко и отрывочно.

– Краеугольный камень иноческого жития есть терпение, смирение и послушание, [с которыми] можно применить к жизни и прочие добродетели в телесном отношении. Если есть гордость, все пропало, подобно тому, как погибают, делаются ничем пятисотрублевые кредитные билеты, брошенные в огонь. Пока они вне огня, они имеют громадную ценность, но лишь только попали в огонь, они превращаются в пепел, ничего не стоящий. Человек же с великими добродетелями, но гордый, подобен огромному кораблю, нагруженному всякими драгоценностями, но не входящему в пристань, а гибнущему среди моря. Так, с одной стороны, для нас гибелен порок гордости, а с другой – спасительно смирение. "На кого воззрю: только на кроткого и смиренного, и трепещущего словес Моих", – говорит Господь (Ис. 66, 2). А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно.

Это непонятно человеку, не вступившему на этот путь: нужна практика. Перед вами огромная завеса, она начинает перед вами снизу только чуть-чуть приподыматься. Вся земная жизнь, правда, имеет некоторый смысл и цель, главным образом, для доставления удобств в земной плотской жизни, по сравнению же с иночеством она ничто, или, лучше сказать, копейка в сравнении с миллионами. Один известный мне человек, высокообразованный, получивший европейское образование, учился в Московском Университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что

он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества.

О еще более высоком назначении инока св. апостол Павел говорит, что в будущей жизни будут различные степени блаженства: "Ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе" (1 Кор. 15, 41).

Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимое количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего назначения живущие, будут в числе серафимов. Вот как велико назначение инока.

Поэтому как должны вы благодарить Бога, что Он привел вас сюда, в Скит.

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. "Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его" (Ин. 6, 44). От Бога дана нам свобода, и с вашей стороны свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, не мы спасаемся, но Он, Милосердный, спасает нас при нашем на то желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в миру. Сами поразмыслите теперь, за что Господь оказал вам такую милость, что привел вас сюда, в монастырь, в наш укромный, тихий Скит. Да... Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь!

Вот идет инок своим путем по тропинке, ведущей среди обрывов и скал, идет и приходит к обрыву по острым камням, подходит к самому краю – и далее нет дороги. Под ногами обрыв, пропасть в две версты, впереди за обрывом скала в версту. Налево, направо – кругом всё скалы и обрывы. Кажется, что более уже нельзя и шагу ступить. Возвращаться же назад опасно, да и обвалы уже были после того, как он прошел. Один исход – прыгать на скалу за пропастью на выдающийся на ней камень. Страшно, да и камень, быть может, обрушится – что тогда делать? И вот Господь говорит: "Не бойся, будь тверд, Я помогу", – и посылает Ангела Своего. Ангел берет за руку трепещущаго инока: "Ну, с Божией помощью!" – "Страшно!" – "Не бойся, надейся, верь, что одолеешь препятствие!" Весь трепеща, бросается инок через бездну – и благодарение Богу! Невредимо стоит на камне: "А! Да это вовсе не так страшно! Теперь я больше бояться не буду". И так далее, и так далее, и все ближе и ближе к Престолу славы Царя Небесного. Вот каков путь инока. И с Божией помощью его проходят многие легко, ибо: "Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть" (Мф. 11, 30).

На первый взгляд кажется, есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних благой, а с другой – он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен только для тех, кто вступает на него или по принуждению, без внутреннего расположения, или из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряды иноков с твердым, чистым желанием и намерением служить Господу Богу в духе и истине, он легок. Правда, бывают скорби, но это облачка на чистом, лучезарном небе.

Вот вы, Николай Митрофанович, поживете здесь, если только Господь сподобит нас такой милости, два-три года, и увидите, какое блаженство иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро идет здесь время. Пройдут года, пройдут десятки лет, а вам будет казаться, что вы поступили только вчера.

Я спросил раз у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: "Долгим ли показалось вам время, прожитое в монастыре?" – "Нет, – отвечает он, – мне кажется, что я здесь пятьдесят дней, а не пятьдесят лет. Да и не пятьдесят дней, а пятьдесят минут". Да, очень быстро летит время в монастыре...

Живите здесь, еще, Бог даст, соберемся на беседу, только запомните то, что я говорю вам, и старайтесь жить по-монашески. <...> Смиряться, смиряться, смиряться...

Читайте теперь книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет

читать. Хотеться будет почитать, да не будет на то времени, жалеть будете, что мало читали, когда была на то возможность. От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на одну сотую сантиметра, другому – на тысячу верст. Одному много, другому мало. Но и малого достаточно для жизни ему. В жизни нашей действует вера, любовь и надежда. Сии три для нас необходимы. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр: "Ты еси Христос, Сын Бога живаго" (Мф. 16, 16), – исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком, но и из апостолов он является представителем веры. Любвию обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов.

Представителем надежды является Иаков. Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, то преобразился именно пред сими учениками.

Я вам все стараюсь разъяснить и показать, что такое иночество. Краеугольным камнем иночества является смирение, как я уже сказал...

Между прочим, Батюшка рассказал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями – терпением и непрестанной умной молитвой, произносимой в сердце. Один монах, видя огненный столб от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в огне, стоящего на коленях и молящегося. <...> Смирение, терпение и непрестанная умная молитва – вот чем он обладал. Это молитва, о коей мы и понятия не имеем. <...> И не важно, какое исполнять послушание, а важно, как исполнить послушание: со смирением, терпением и молитвой.

<...> Придя в келию, я помолился о том, чтобы милосердный Господь продлил дни жизни батюшки о. Варсонофия и нас его наставлениями поставил на ноги и укрепил, как об этом молился и сам Батюшка. Спаси его, Господи, и помилуй! Я первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед, как у Батюшки.

Помню, прошлый год мы беседовали с Батюшкой, с каким вниманием и сладостью слушал я тогда его! В тот день я понял не умом, а сердцем значение и высоту монашества. Я, пожалуй, и не ответил бы на вопрос: "Что же Батюшка сказал о монашестве?" Теперь почти совсем ничего не помню из того, что Батюшка тогда говорил. Но я же все это понимал сердцем, глубоким, внутренним моим сознанием! От того, что говорил Батюшка, как-то радостно, хорошо мне было тогда. Да и в этот год недавно такая беседа была, что Батюшка сам признался, что он, пожалуй, никогда ни с кем так не беседовал. Если будет возможность, запишу то, что вспомню из той беседы. <...>

13 января 1908 г.

<...> Сегодня у меня времени целый час, постараюсь припомнить что-либо из батюшкиных бесед. <...>

– Всякий человек начинает учение с азбуки, заучивая постепенно букву за буквой. Вот и вы подошли к первой букве. Первая буква в азбуке "А".

По-славянски оно произносится "аз". Что же это значит? "Аз" значит "я", т.е. вам теперь предстоит рассмотреть самого себя, свое собственное "Я".

Всмотритесь вы и увидите в себе все пороки, страсти, которых вовсе в себе не предполагали. Вы увидите и гордость – мать всех пороков, и уныние, и леность, а там, вглядываясь внимательно, вы увидите и осуждение, гнев и сребролюбие, и зависть, и злобу, и скажете: "Неужели я злой? Вот уж не думал!" А злоба есть.

А там глядишь, встанет исполин – блуд. "Все пороки, все страсти во мне есть, Господи! Какой я грешник! Нет надежды на спасение, я не могу бороться, нет сил! Но что же я отчаиваюсь? Христос приходил призвать не праведных, но

грешных на покаяние. Господи! Немоощен есмь аз, помоги! На Тебя вся надежда, Господи! Я вижу теперь, что я сам по себе ничего не могу!"

Тут вы, познав свою немощь, выучив первую букву, обращаетесь за помощью к Богу, переходите ко второй букве "буки": это древнеславянское слово, значащее "Бог", собственно, не "буки", а "Бук". Здесь вы, сознавая свою немощь, будете надеяться на Бога, жить по Божию велению, по заповедям. Будете падать, спотыкаться, но ничего, не надо терять надежды на Бога. Упали – так не лежите, надо вставать скорее, и опять в путь, и так дальше и дальше. Вы больше и больше будете смиряться, видя свою немощь. Вот это вторая буква. Затем идут буквы "веди", "глаголь", "добро".

Итак, вы по мере того, как будете преуспевать в богоугодном житии, будете подходить к третьей букве "веди", то есть вы постепенно начнете ведать истину. Ваш разум будет мало помалу проясняться и очищаться. А затем "глаголь", "добро", то есть "от избытка сердца начнут уста глаголать". Так вот видите, что не все сразу делается, а постепенно. <...>

15-го января 1908 г.

<...> Надо записать, что Батюшка говорил о Евангелии и вере:

– Без веры во что-либо нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну, хоть ваш брат, желает стать врачом? Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде, во всем. Точно также для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. "Мы не можем верить, – говорят иные, – нет на то доказательств. Иное дело наука, там все доказано". Хорошо, но прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Наша вера зиждется на Евангелии, вот и испытайте, что это за учение. Св. Иоанн Богослов прямо говорит, что надо испытывать "дух". Но надо испытывать на практике! Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле, правда ли, что "блаженни нищии духом" (Мф. 5, 3), "блаженни кротции" (Мф. 5, 5), и т.д. Раз вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие – ерунда! А многие так говорят. Но на Страшном Суде этих людей спросят: "Что, читали ли вы Евангелие?" – И получится обязательно три ответа: первый – "нет", второй – "кое-как", третий – "да, читали конечно, только не поняли". Да, обязательно получатся эти три ответа. <...>

17 января 1908 г.

<...> Продолжу еще немного, самый конец:

– На первый ответ можно прямо сказать, что они сами виноваты, никто не запрещал читать, напротив, просили даже читать, теперь самих себя вините. На второй ответ почти то же можно ответить. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелие, то есть поверить. Но они также безответны. Вот был дан ключ разумения: "испытывайте духов, от Бога ли они" (1 Ин. 4, 1). Почему вы не хотели испытать? Значит вы сами и виноваты. Таким образом и эти безответны. <...>

20 января 1908 г.

Батюшка болен, но ему немного стало лучше, а то он не мог без помощи чужих двигаться. Что Бог даст завтра? А то мне нет-нет, да и вспомнятся его слова, что ему "жить недолго".

Я припоминал его наставление, и вспомнил, что он говорил:

– Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо – сразу скорби, и искушения, и оскорбления.

Этим он хотел мне сказать, что необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби.

– Монахи, вообще, вся наша братия – тоже люди, а раз люди, то обязательно есть и свои страсти, пороки: один гордый, другой злой, третий блудник и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться – кто от чего, и вылечиваются при помощи Божией. Я это говорю потому, что вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать – это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страсти, мы должны прощать. <...>

Оптинский старец Варсонофий - 7 февраля 1913 г.
(Фотография подарена Александре Лаврентьевне Швецовой,
сестре матери перосхимонаха Никона Беляева)

22 января 1908 г.

<...> Потом коснулись немного науки и настоящего времени. Батюшка говорил: – Наука не только не препятствует, а даже способствует духовному, религиозному развитию. Об этом говорят таким же образом св. Василий Великий, св. апостол Павел и другие. Наукой злоупотребляют – это правда. Но возьмите брак – это Таинство. Если брак совершен в церкви и если он честен, то плохого ничего нет. Св. Николай Чудотворец, св. Василий Великий были плодом таких честных браков хороших, честных людей. А можно обольстить и растлить девицу, что теперь очень часто бывает. Теперь это бывает часто так: сначала развратить ум новыми учениями Маркса, нигилизма и тому подобным, а потом и сердце, и

нравственность. Злоупотреблять всем можно.

Раздражение и осуждение – это такие страсти, с которыми приходится бороться всю жизнь. Когда я поступил сюда при о. Анатолии, я ему говорил, что хотелось бы мне жить поединеннее. "В затворе?" – "Да", – говорю я. – "Что же и в баню ходить не будете?" – "Конечно". – "Да вот я про то-то и говорю, что в баню ходить не будете". – "Вы, Батюшка, – говорю я, – что-то под баней разумеете иное?" – "Да! Пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить и не грешить, по-видимому. Нам нельзя там познать свою немощь, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и проч. А здесь нас чистят, как начнут шпиговать, только держись, мы и будем познавать свои немощи и смиряться. Здесь без вашей просьбы начнут вас чистить. Когда только поступаешь, все кажутся ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше: с этим надо бороться".

Духа надо держаться, буква убивает, а дух животворит (см. 2 Кор. 3, 6). Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа.

Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие – нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, встать в сторонке, поплакать, умилиться, ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает. <...> Меня иногда смущали мысли о том, что монашество уклонилось от своего идеала. Я это высказал.

– Да, да, уклонилось. Однако диаволу и это не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд.

<...>

Послушники братья Николай и Иван Беляевы

30 января 1908 г.

<...> Батюшка нам четки и сказал:

– Вот вам оружие, нещадно бейте этим невидимых врагов. Прежде всего, имейте всегда страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в Скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: "Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, как это можно?" – и тому подобное. Но не бойтесь. <...>

У о. Архимандрита скоропостижно скончался келейник о. И. Это я сказал Батюшке.

– У меня вчера был этот о. И. Мне, как духовному отцу, все известно про него.

Последнее время на него прямо напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Приходит ко мне и говорит:

– Благословите уходить. – Я ему:

– Разве могу я благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью, на море буря, пароход летит на всех парусах. И вот ты говоришь мне: "Благословите броситься в эту бездну и темь..." Вот тоже и теперь.

– Да это, Батюшка, не то!

– Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось? Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь его там перед смертью погубить, столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже гибельно.

Был здесь один случай, что какой-то сын миллионера поступил в Скит. Прежде жил очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь?! Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту и более ничего... Но о. И., слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

<...>

5 февраля 1908 г.

Сейчас был у Батюшки и попросил у него позволения прийти к нему вечером.

Батюшка благословил прийти в 8 часов. Когда я был уже в дверях, Батюшка начал говорить про смирение:

– И о. Макарий, и о. Амвросий, и о. Моисей, и все наши старцы всегда говорили: "Смиряться, смиряться". Подобно тому, как ап. Иоанн Богослов под конец своей жизни только и говорил: "Чадца! Любите друг друга!" Так и наши старцы твердили: "Смиряться!.." Эти две добродетели – любовь и смирение – как бы обуславливают одна другую, равно как теплота и свет. Как огонь невозможно вообразить без теплоты и света, так и здесь. <...>

6 февраля 1908 г.

Сейчас был у Батюшки, удалось побеседовать минут двадцать-двадцать пять. <...>

– Сомнения у меня, Батюшка... хульные помыслы...

– Да, сомнения, равно как и блудные помыслы и хулы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры (ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения не ваши), то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: "любить" и "хулить". Очевидно, что есть какая-то сила злая, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это – серафимский ум. Поэтому несколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие. Не обращайтесь на них внимания.

Сколько было искренно верующих людей, которые сильно пострадали от того, что

принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей, Белинского – какая разница у него в первой и во второй половине его жизни. Лермонтов тоже был сильный ум, Тургенев и другие, Пирогов, хотя "этот" его под конец совсем раздавил, как червяка...

Поэтому надо презирать эти сомнения, хулы и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят. Особенно если будете открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу.

Особенно блудные помыслы: засыпать скорее, зарыть надо навозом (кажется, так сказал Батюшка) эту смердящую яму, а не копать в ней. Ну, теперь, что же у вас есть? Какие сомнения, помыслы?

– Да вот, Батюшка, из братии у одного я вижу то, у другого другое...

– Ну, это диавол всегда так. Он иногда нам представляет взгляд брата совсем другим, не таким, какой он на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно для тебя, а на самом деле этого вовсе нет. Так диавол может представить нам что-либо другое.

Вот какой был здесь случай. Был здесь один иеромонах о. В. и еще монах о. А., монах хорошей жизни. Он почти не выходил из келии вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Однажды о. В. идет к себе в келию, а у крыльца о. Анатолия [Зерцалова] видит – стоит о. А., взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит. О. В. посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Идет он и только что начал заворачивать за церковь, ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет о. А. Лицо у него веселое, подходит он под благословение. О. В., еще больше удивляясь, спрашивает: "Где ты был?" – "У о. Т." – "Как? Я тебя сейчас видел около крыльца батюшки о. Анатолия". – "Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду". Тогда о. В. пошел за разрешением сего к батюшке о. Анатолию. "Ну что же здесь удивительного? А ты еще иеромонах, и этого-то не знаешь? Это был, конечно, бес в образе о. А.", – сказал о. Анатолий.

<...>

– Ну, а еще что? – спросил Батюшка.

– Горд я, Батюшка, очень... Тщеславие.

– Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что у всякого, даже у святого, есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза! Не горды только ангелы – они чисты, да еще те, которые переходят отсюда туда, на небо. А так у всех есть гордость. Ну, будет. А остальное потом понемногу будем разъяснять.

<...>

8 февраля 1908 г.

<...> Батюшка спросил:

– Как внутреннее устройство? Имеете ли на устах имя Иисусово?

Я говорю:

– Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

– В этом-то и дело, чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова. Но не удивляйтесь, что все забываете. Надо только стараться. Ведь не сразу вы в университет пошли, а сначала азбуку выучили, так? Авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги, как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел и на духовные книги. Да, так всегда бывает...

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет пробыл в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря ему привозили пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял

его подвиг. Когда он возвратился, о. Архимандрит при духовнике его спросил: "В чем, главным образом, заключалась твоя деятельность, и много ли ты преуспел, скажи нам, мне и твоему духовному отцу?" Он отвечал, что акафисты, все службы, все заменял он Иисусовой молитвой. "И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита".

Вот какая глубина! А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так вам нечего удивляться. Это приобретается годами, и не сразу, в один день невозможно этого приобрести, хотя и бывают исключения, но общее правило такое.

10 февраля 1908 г.

Сегодня Батюшка очень ласково принял меня. На его вопрос, как мне, я ответил:

– Слава Богу, хорошо, спокойствие духа.

– Да, и я два года наслаждался миром душевным, а потом, а потом... Какие ужасы были у меня, я вам не буду рассказывать. Прежде всего, помыслы напали, но я, видя зарю, старался скорей пробежать эту темную улицу. Когда не стало батюшки о. Анатолия (Зерцалова), лишился я опоры...

По всему видно, что Батюшка много претерпел. Все не удается побеседовать. А так припоминаются мне батюшкины некоторые наставления, я их буду стараться записывать. Вот мне припомнилось, Батюшка не один раз говорил:

– Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами – слова Иисусовой молитвы.

<...> Я спросил батюшку:

– Что, посещать мне церковные и обще келейные службы (по будням обыкновенно у нас службы церковной нет, она совершается у нас только в субботу и воскресенье и праздники, а так служба у нас "на правиле". Вся братия сходится в определенную для этого келию и вычитывает там положенное дневное молитвенное правило в определенное время)?

– Обязательно, обязательно! Хотя послушание и выше поста и молитвы, но это понимать надо с рассуждением. Потом, лет через семь, тогда дело другое, а теперь обязательно. Монашеское дело прежде всего, а главное всего – молитва.

11 февраля 1908 г.

Сейчас на благословении удалось побеседовать минут пять. Я говорю:

– Вот, Батюшка, часто у меня бывает тщеславный помысел о принятии монашества.

– Да вы и так приняли монашество!

– Да, но у меня про пострижение в мантию... – Я не помню, как Батюшка сказал, но смысл был тот, что это, то есть пострижение, не самое главное. Я говорю дальше:

– Вот, даже приходят помыслы о иеромонашестве.

– Да, – отвечал Батюшка, – а завтра помысел скажет: "Уходи вон отсюда". Всегда так: то в огонь, то в воду, то в огонь, то в воду – старается закрутить, сбить с толку.

<...>

14 февраля 1908 г.

Сейчас от Батюшки. Батюшка мне сказал, что необходимо смиряться. Без смирения никакая добродетель и вообще ничто не принесет никакой пользы.

У батюшки всегда много народу бывает.

– Я получаю известия каждый день, мне и газет не надо. Что делается в белокаменной Москве! Какие ужасы! Даже то, что вы мне тогда, помните, рассказывали, тускнеет. Какой ужасный разврат! <...>

18 февраля 1908 г.

<...>

– Ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этою "живописью". А вы пришли сюда искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога – это цель монашеской жизни.

Потом Батюшка сказал, что можно и жить в монастыре, да не быть монахом, ничего не достигнуть... Смысл был такой, а как Батюшка сказал, я забыл.

– Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки – все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдать заповеди, особенно смирение, поступить в монастырь. Они же не хотели соблюдать заповедей, особенно не хотели смиряться. Хотели пройти как-либо переулками, поближе, покороче. О целомудрии были весьма смутного понятия. Вот, например, Байрон... или Рафаэль – развратнее его трудно найти, а писал Мадонну...

Знаете стихотворение Пушкина "Пророк"? Там он говорит: "В пустыне мрачной я влачился". Пустыня – это жизнь. Он понимал, что жизнь – пустыня. Влачился, да, прямо-таки ползал всем телом. Далее: "И шестикрылый серафим на перепутье мне явился". Здесь он, может быть, имел в виду себя, не знаю, являлся ему он или нет. Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится так, что он постиг и "херувимов горнее стремление, и гад морских подводный ход". Ангелы чисты, они только "горняя мудрствуют". А в нас есть и "гад морских подводный ход". Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только "горняя мудрствовать". Это не сразу достигается, а только ход гад морских будет все тише, и можно достигнуть того, что будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть... Вот я вам и говорю: смиряйтесь и смиряйтесь. Помогите вам Господи!
<...>

20 февраля 1908 г.

<...>

– Не говорите, что, мол, я того-то не делаю, что делают другие, а вот это делаю. Нет, считайте себя хуже всех и ниже всех!..

23 февраля 1908 г.

<...> Батюшка сел на диван и начал говорить о бывшем у него только что брате.

– Вот он жалуется, что у него много сомнений и недоумений, что он многого не понимает, совсем забросал меня вопросами: "А это как? А это почему? А это? А это?" Я говорю: "Простите, не могу принять. Я-то уж все равно, а вот келейник мой сегодня в четыре часа утра встал, все время на ногах". – Ушел... Вот он говорит:

– Другие хвалят авву Дорофея, а я не понимаю в нем ничего.

Потому скорбит.

– Неужели ничего не понимаете? Вероятно, что-нибудь да понимаете. Вот благодать Божия одному отпускает 10 пудов, другому 2 пуда, а третьему, хоть вам, например, один золотник, и за это благодарите, и то хорошо. Старец батюшка о. Макарий говорил: "Когда я был послушником, мне казалось, что я понимаю авву Дорофея, а теперь, когда читаю, многого не понимаю". Если о. Макарий, ангельский ум, не понимал эту книгу, то что же удивительного, что вы не понимаете. Недаром эта книга прошла двенадцать веков и все ее читают, и не только у нас, но и на Западе, в тамошних монастырях. Она составляет основу для монашеской жизни. Вот какая глубина в этой книге, ибо она написана от Духа

Святого.

– Почему же я сегодня не утешен вами?

– Не знаю. Но ведь это скорбь, а за скорбь надо благодарить Бога, ибо Промысл Божий лучше знает, что нам полезнее.

Он искренно ищет спасения, да хочет все сразу понять умом, приобрести голословные знания. Когда я поступал, у меня тоже была эта замашка. Придешь к батюшке о. Анатолию и начнешь его спрашивать: "Как", да "что". А Батюшка: "Э, да это ты, брат, не с того конца!" Поговорит, скажет кое-что, а потом: "Идите, идите!" – "Да как же это, Батюшка, да вот..." – "Нет, брат Павел, смиряйтесь, смиряться надо! Идите, идите теперь!" Вот только теперь, через семнадцать лет, начинаю я понимать эти его слова. Ложный путь, если мы будем стараться постигнуть все одним умом, будем обращать внимание на разные сомнения да вопросы, стараясь сразу уяснить себе их, – враг закидает тогда, совсем забьет.

На самом деле, сам он (послушник, который не понимал авву Дорофея) говорит, что, когда он идет с правила, сомнения начинают утихать, и по мере того, как подходит к моей келии, утихают они все более и более, и когда войдет ко мне, не знает, что спросить. Очевидно, что вся эта буря поднимается от врага по его наветам.

Чем более живет монах в монастыре, тем больше узнает, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещался ум свыше. Возьмите в пример земного царя. Ведь он может, встретив нищего, дать ему несколько тысяч или даже десятков тысяч рублей, и нищий стал богат, хотя до сих пор самый большой капитал его был сорок копеек. Так же и Господь может просветить разум человека. Одно дело – ум, другое – рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас есть дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно не рассудительным, может удовлетворять самым низменным скотским потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные, эти повыше плотских. И, наконец, есть люди духовные. Разница между душевными людьми и духовными громадная. Ибо, как говорит Апостол: "Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием" (1 Кор. 2, 14), он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию одним словом, но духовного рассуждения не имеет.

Здесь я напомнил батюшке Апостола: "Слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть" (1 Кор. 1, 18).

– Да, да, для них это юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. Да. И заметьте, сказано: "Спасаемым", а не "спасенным", и "погибающим", а не "погибшим". Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано: "погибающим", ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Батюшка здесь ли или в каком другом месте сказал:

– Вот я и говорю: надо смиряться.

<...>

Потом я сказал, что также у меня бывают помыслы.

– Какие же? Скажите.

– Да вот, – говорю я, – часто приходят такие мысли, что когда я поеду в солдаты, я сделаю то-то, да то-то, например, зайду к тому-то в гости, там напоят чаем с хлебом (ведь здесь мы пьем чай без хлеба) и тому подобное.

Сегодня, например, положительно всю вечернюю были такие мысли: когда я поеду в солдаты, я там захвораю и буду лежать в лазарете, потом буду для больных читать молитвенные правила и тому подобное, всякая ерунда. Или бывают тщеславные помыслы о пострижении в мантию с разными подробностями...

– Да, это очень важно, что вы мне сказали об этом. Вот Промысл Божий! Господь знал, что вам нужно это было мне высказать, поэтому и привел вас теперь ко мне (я уже написал, что Батюшка принял меня очень неожиданно). Враг вас еще водит с целью отвлечь ваши мысли от монастыря. Бросает вас то в огонь, то в воду. То выманивает из монастыря под предлогом военной службы, то сбивает тщеславием. Не поддавайтесь. Не входите в разговор с ним, а отвечайте: "Почему ты знаешь? Как ты можешь знать?" А на помыслы о военщине отвечайте: "А может быть, я умру до тех пор?" Вообще презирайте его, и он оставит вас, ибо он горд.

– Я отвечу, Батюшка, да это будет не прочувствованно.

– Пускай будет, а вы все-таки ответьте.

– Теперь я, Батюшка, стал больше замечать немощи братии, – говорю я.

– Да это его первое дело указывать на немощи братии, погодите, еще и на большие немощи будет указывать! А что у монахов есть немощи, это нисколько не удивительно, монахи – люди. У всех в миру есть страсти. Когда человек приходит в монастырь, то он не сразу становится бесстрастным, нет, все его страсти и немощи остаются при нем, только в миру он не боролся, а здесь, хотя и побеждается страстью, но борется.

Было уже около одиннадцати часов. Батюшка устал.

– Вот каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти семидесятилетний старик, и вот, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям. Отмолили. Потом Батюшка начал говорить о старчестве.

– Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление, им разрушаются все его сети. Везде он старался его погасить и погасил! Есть монахи исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась только одна форма монашеского жития, одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы?

При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина прямо закрывала монастыри, старцы и ученики бежали кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, Паисий Величковский, бежал на Афон (здесь я не упомянул, как он очутился, кажется, на Западе, в Молдавии, и что дальше, помню только, что ученики его насадили опять старчество у нас и в других обителях после того, как было позволено им снова возвратиться в Россию; и старчество процветало, а теперь везде угасло, забыто).

Враг начинает с невинных вещей, завлекает в грехи. Подымет головную боль да и скажет, что надо пойти пройтись, голова и пройдет, ибо душа наша может слышать слова бесов. Пойдет из келии по Скиту, подойдет к воротам: "Почему не выйти?" Выйдет. Смотрит: лужайка, скамейка. "Почему не посидеть, здесь очень хорошо!" Сядет, понравится ему здесь. И на следующий день выйдет, и каждый день начнет ходить. Выходит, садится там однажды, и вдруг подходит девочка, начинает заговаривать с ним, он отвечает, познакомились. Вот и идет к себе в келию и думает: "Что же это я делаю?" Опомнился. Идет к старцу и кается. Старец говорит: "Да, это не хорошо, больше не ходи туда, если встретишь где-либо, не кланяйся". Тот слушается старца, и весь злой план дьявола рушится.

А план был таков, чтобы свести их вместе, чтобы она забеременела и родила,

принудила его выходить из монастыря и жениться. А там в миру завертит его совсем, враг заведет у его жены любовников, он будет ревновать. Наконец застанет жену с любовником и сгоряча убьет его и себя. Вот и пропали, погибли бы три души. А старец все разрушил. Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

– Да, Батюшка, – говорю я, – когда хочу только записать то, что вам сказать, мне уже становится легче, я это замечал.

– Да, только что вы пишете, а он уже бежит!..

<...>

24 февраля 1908 г.

Пока есть время, допишу, что припомню. Батюшка, когда говорил о старчестве, упомянул о Французской революции. Я не помню, как и что он говорил, но она была у него в связи с историей старчества: “Враг воздвиг эту Французскую революцию, имея в виду не только Францию, а главным образом православную Россию...” А далее я ничего не помню, какое отношение имела она к старчеству. Припоминаю, что Батюшка говорил о Вольтере, Дидро и других, распространивших тогда свои учения. Эти учения проникли и в Россию. Известно, что императрица Екатерина была в переписке с Западом, увлекалась этими учениями и под влиянием их начала притеснение монастырей и гонение на старчество. Кажется, так.

Потом я сказал батюшке, что мне здесь, действительно, очень хорошо, покойно, скорбей никаких нет, если бывают какие-либо соблазны от братии или мысли, то они быстро проходят и особенно не тревожат меня. Я иной раз даже думаю, уже не равнодушные ли это ко всему. Не помню как, но Батюшка сказал, чтобы я не обращал особенно внимания на эту мысль о равнодушии. На самом деле, думаю, что это меня, недостойного, утешает Господь, желая показать мне, дать мне предвкусить сладости иночества. Ибо, как вижу и слышу, все только и ищут спокойствия духа, ясности, светлости, а меня сейчас ничто не смущает, и лучшего не желаю. Правда, иной раз мелькнет какая-либо мысль о покое, но быстро исчезает.

<...>

25 февраля 1908 г.

Ныне первый день Великого святого поста. Хорошо здесь встречают и проводят это святое время! Великое утешение – великопостная служба. Поют далеко не артистически, но, в общем, все как-то хорошо. Для подкрепления сил – скудная холодная пища, однако, вполне достаточная для поддержания бодрости. Вместо чая пьем или кипяток, или завариваем мяту с медом один раз в день. Вообще при собственном на то желании можно здесь жить очень хорошо. Побольше надо следить за собой, а не за другими. И когда будешь замечать чужие немощи и гордиться перед другими, мысленно надо отвечать помыслу бесовскому: “Я хуже всех”, – как говорил мне Батюшка, и хотя не прочувствованно, а все-таки сказать.

Еще Батюшка мне говорил, что враг всегда особенно нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Например, завлекая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо он этим может разрушить свою работу: пожалуй, человек станет скупиться и для угождения чреву. Или, завлекая в сети сребролюбия, он не станет еще напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал: с тех пор, как я сказал Батюшке про мои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не беспокоят; и я помню, Батюшка сказал, что они меня оставят, даст Бог, и действительно оставили, – другие всякие приходят в голову, а этих нет по батюшкиным молитвам.

Я замечаю, что, пожалуй, мне этот год легче стоять на службе и вставать, чем прошлый год, хотя и прошлый год мне было хорошо. Слава Богу, слава Богу!
<...>

2 марта 1908 г.

Вот уже прошла первая седмица святого Великого поста, и с Божией помощью я, слава Богу, легко и даже с утешением духовным провел ее. Чем меньше ешь, тем меньше хочется, теперь я это испытал на самом деле! И я заметил, что я больше, чем обыкновенно, слушал службу и более она мне нравилась. Теперь я начинаю понимать смысл поста: и телу и душе становится как-то хорошо. Вообще я замечаю, что мне здесь все начинает более и более нравиться. Как понравилась вчера мне всенощная, особенно первая часть ее, вечерня, как хорошо слушал я стихиры на "Господи воззвах"! Как приятно было мне стоять за шестопсалмием в этом мирном полумраке!

Сейчас я читал Псалтирь и по окончании, идя сюда в келию, как хорошо чувствовал я себя. После молитвы на душе мирно и тихо, как и всё кругом: и эта чудная ночь, луна, чистое небо и чистые звезды, тишина, снег блестит, вокруг вековые ели... Хорошо!

Слава Богу, что Он, Милосердый, вселил меня, грешного, сюда, под покров Божией Матери и пророка Своего Крестителя Иоанна. Здесь мне везде хорошо, а в келии своей, когда я один, мне кажется, лучше всего. Из келии я никуда не выхожу без дела, обыкновенно выхожу только в церковь, на правило, на послушание, в трапезу, – более никуда. Если случатся какие дела, то иду, а если возможно, откладываю иногда, а в монастырь прямо не люблю ходить: шумно, людно очень там. За ограду Скита выхожу обыкновенно только за водой на Амвросиев колодец. Вообще утешает меня Господь, и не в тягость мне моя теперешняя жизнь скитского послушника. Я ничего лучшего не желаю: ни еды, ни службы, – посему я узнаю, что мне здесь очень хорошо.

3 марта 1908г.

Сегодня ночью, вернее, уже утром, после утрени, часа в четыре, когда я лег по обыкновению спать, со мной делалось что-то бесовское. Состояние, в котором я находился и телом, и душой, невозможно описать. В этом роде со мной уже не один раз бывали случаи, и я помню, Батюшка на мой вопрос о них сказал, что это, конечно, диавольское, и потом прибавил: "Может быть, больше этого не испытаете", – или: "Может быть, ничего не испытаете" (что-то в этом роде, я теперь хорошо не помню, ибо это уже давно сравнительно было, я еще ходил в мирском костюме). И до сих пор с того времени ничего со мной не было. В таких наваждениях бывает мне страшно, и я все время творю Иисусову молитву. Да будет воля Господня!

5 марта 1908 г.

Вчера вечером я окончил читать Псалтирь в 8 часов и пошел к Батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с ним. Когда я вошел, Батюшка сказал мне сесть на стул под часами и побезмолвствовать, а сам ушел. Через некоторое время, довольно скоро, Батюшка пришел и начал занавешивать окна. В окна прямо из-за деревьев светила луна. Уже подряд три-четыре ночи были такие же красивые, как я описывал раньше. Батюшка указал мне на это:

– Видите, какая красота?

– Да, Батюшка, а вот когда теперь я иду к себе в келию после Псалтири, мне все это нравится: и луна, и снег, а когда приду к себе в келию, мне там еще лучше.

– Конечно, в келии лучше.

Я не помню хорошо, но кажется, Батюшка прибавил: "А на душе еще лучше!" – или что-то в этом роде.

Потом Батюшка стал рассказывать про одного нашего монастырского монаха о. Феодула.

– Живет на кухне монах, совсем простой, может быть, даже неграмотный. Никто о нем ничего не знает. Даже о. архимандрит не знал, чего он достиг душой. Ну а мне, как духовному отцу, известно все. Он постоянно молчал и произносил Иисусову молитву. Все видели, что четки постоянно при нем и всегда в движении, но никто не предполагал, что у него делается внутри. Устную молитву он до того усвоил, что начинал подходить уже к внутренней. Редко мне приходилось с ним беседовать, но когда случалось, это доставляло великое наслаждение. Заболел он и лег в больницу, а я, когда на первой седмице исповедовал братию монастырскую в больнице, зашел к нему, поговорил. Спрашиваю, не хочет ли он чего.

– Нет Батюшка, ничего.

Потом я его опять спросил, не хочет ли он чего.

– Ничего... Да вот разве Батюшка кисленького чего-нибудь, кисленького.

– Хорошо, – говорю я.

На следующий день принес ему два яблока да два апельсина. И как рад был он! Как мало нужно для монаха! Не то, что в миру: там дадут миллион, – мало, давай другой. Все хотят забрать. А здесь такой пустяк и сколько доставляет радости.

Потом я его как-то спросил:

– Как тебе?

– Да скучно здесь, Батюшка, жить!

– Да где же весело? – спрашиваю я.

– Вон там, – указывая на небо, сказал он.

– Да, там весело, если только примут. А ты готов?

– Да то-то и дело, что не готов. Я грешник, хуже всех.

На следующий день прихожу и спрашиваю:

– Не надо ли тебе чего?

– Нет, Батюшка, ничего. Единого желаю: разрешиться и со Христом бытьи (ср. Флп. 1, 23). Помолитесь о мне, Батюшка. Далекий, незнаемый путь предлежит мне, – благословите, Батюшка, иди.

– Бог благословит, иди. Когда будешь предстоять Престолу Господню, помяни меня, своего духовного отца.

– Хорошо, помяну, аще буду.

– Ну, уж, конечно, если будешь...

Сегодня прибегает послушник и говорит, что о. Феодул скончался. И верую, что пошел в райские селения. Вот как здесь умирают и как в миру: предавшись сатане, с раздробленным черепом, с проклятием на устах идут они на дно адаво. И вот на Страшном Суде узнается, кто был разумнее: профессора, художники, ученые, или такие простецы, как о. Феодул.

Потом Батюшка посадил меня вместе с собой на диван и сказал:

– С первого же раза я расположился к вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить. Живите здесь, одно только мешает – военная служба... Ну и это, Бог даст, ничего. Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись. <...> Вы что теперь читаете?

– Да вот, Батюшка, кончил авву Дорофея, благословите начать Петра Дамаскина.

– Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные, таинственные места. Там

увидите, как святые начинают познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимого механизма вещей, а смысл их они понимают. Подобно тому, как мы пользуемся часами и нам никакого дела нет до устройства механизма и химического состава их. Или еще, мы едим яблоко, ощущаем приятный вкус и не заботимся о том, какой его химический состав. <...> Слышали, был писатель Баратынский, поэт? Он поклонялся германскому поэту Гете, – не знаю, поклонялся ли он Христу? Когда Гете умер, он на его смерть написал стих (Батюшка прочел наизусть это стихотворение, оно оказалось знакомым мне, но наизусть я его не знаю). Видите, здесь говорится, что Гете был великий гений, ум, который понимал всю природу: и журчание ручья, и шелест травы, – все, все. Но едва ли это было так, скорее, это у Баратынского просто художественная гипербола. Но оставим Гете, возьмем одно это стихотворение. Белинский написал на него критику, где сказал, что "таков идеал человека". Да, он правду сказал: святые действительно начинают познавать смысл видимой природы. Вы понимаете меня? – Да, Батюшка. Я понимаю так, как говорится в псалме: "Всякое дыхание да хвалит Господа" (Пс. 150, 6).

– Да, да. Конечно, не само творение хвалит Бога: как, например, снег будет хвалить Его? Но он сам собою доказывает славу и премудрость Создавшего его. Также огонь, ветер, град не сами хвалят Бога, а только показывают собою славу, силу и премудрость Господа. А сознательно прославляющим Бога является уже человек, который, познавая творение, прославляет Творца. В этом смысле и сказано: "Всякое дыхание да хвалит Господа".

– А вот и некоторые поэты говорили подобное, например Лермонтов: "Когда волнуется желтеющая нива..."

– Да, это стихотворение вы хорошо напомнили... да... В таком же смысле вообще всякое творение говорит. Что, например, птицы имеют свой язык, это даже признают некоторые ученые. Поет соловей – конечно, славит Бога. (Если Бог даст, завтра допишу).

6 марта 1908 г.

<...> Батюшка также упоминал о книге одного архимандрита, жившего в Боровске:

– Тогда в Боровске было не то, что теперь. Хотя и теперь там Оптинский архимандрит (то есть бывший прежде в Оптиной), но уж с братией все равно ничего не сделаешь. Так вот он там, в тишине, и писал из собственного опыта об Иисусовой молитве, – нечто вроде дневника. Эту книгу надо читать уже преуспевшим, а для новоначальных она совершенно непонятна, как логарифмы непонятны ученику приготовительного класса. Все слова понятны, а общий смысл невозможно уловить. Эту книгу печатать нельзя, она и у меня в рукописи. Прежде ее и не пропустили бы в печать, а теперь пожалуй, напечатают, да никто читать не станет. Сочтут или глупостью, или ересью. Теперь такими вопросами не интересуются. Всё изменилось. Братья не признают. Повсюду разврат.

Я, как духовный отец, много узнаю на исповеди. Конечно, говорить этого не могу, – у меня на губах двадцать пять замков. Ужасы открывают мне. И сами говорят, что не знали, что делали. Например, в 1905 году шли на баррикады, думая, что идут за правое дело, как им сказали. Да, они хотели сделать то же, что сделали во Франции во время ужасной Французской революции. Везде подготавливали – и в Москве и в Петербурге – к тому, чтобы учредить новое временное правительство и заставить всех присягать ему, как и было во Франции. Тогда всех, кто не отрекался от старого правительства и Христа, казнили всенародно на площади. Для более быстрого совершения казни изобрели даже гильотину и казнили два миллиона человек. Как Господь будет судить погибших, не знаю. Хотя вера не правая, но все-таки христиане и умерли мученически за

Христа... Потом [революционеры] выпустили всех арестантов, то есть предоставили полную свободу всякому беззаконию. Потом первым делом осквернили храм. Внесли в собор на роскошном троне парижскую красавицу. Внесли в алтарь и нагую ее посадили на престол. Затем, надругавшись достаточно над святыней, посадили снова эту красавицу на трон, накинули на нее одежду и на руках понесли по всем улицам по городу, заставляя всех поклоняться ей. Вот тоже самое хотели устроить и в России. И уже почти все было готово, но Господь не допустил. В это время в Москву приехал Дубасов и принял надлежащие меры. Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно для них есть ярмо, мешающее жить вольно, свободно творить грех. Еще Гете один раз выразился про христианство так: "Только две вещи ненавижу я: клопов и христианство!" Смотрите, какая насмешка, какое кощунство. Когда он умирал, то закричал: "Света больше! Света!" Страшные слова. Значит, на него уже надвигалась адская тьма. Вот так и теперь ненавидят христианство и по смерти идут на дно ада. А здесь, в тиши, спасаются, как, например, о. Феодул.

Про него с самого начала Батюшка сказал:

– У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что "Лице Его бе грядущего в Иерусалим" (Лк. 9, 53), такое восковое. Он уже и не думал ни о чем мирском, – потерял всякое пристрастие к миру. Такое выражение лица я замечал еще у художников. Например, на одном вечере Майков и Полонский читали свои произведения, и у Майкова оно чуть было заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления. Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам... Да, его лицо "бе грядущего в Иерусалим".

Когда Батюшка говорил мне про смирение, он рассказал следующее:

– В древности одна женщина, еще молодая, как-то попала на необитаемый остров, – во время ли кораблекрушения, или еще как, но только она там провела одна, никого не видя, лет сорок. Конечно, одно утешение в молитве – и она начала подвизаться в посте, бдении и молитве, налагала на себя разные подвиги. Потом как-то к острову пристал корабль, и ее взяли с собой. Когда ее привезли, она для проверки своих подвигов отправилась к одному великому святому подвижнику и говорит: "Пробыла сорок лет одна, и так, и так подвизалась, – скажи отче, много ли преуспела и приобрела?" – Старец же ее спрашивает: "А что, принимаешь ли ты хуления, яко благословение?" – "Нет, отче". – "Иди, ничто же имаши!" Вот видите, чем испытывается преуспеяние. Поэтому я говорю: есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже, говорят некоторые, спастись одним смирением без всяких трудов.

<...>

7 марта 1908 г.

На это [рассказ о наваждении] Батюшка сказал:

– Вот и увидели большее. И чем более будете стараться жить по-монашески, тем более будете испытывать.

Я припоминаю, что во время сего наваждения, когда мне стало страшно, я порывисто начал творить Иисусову молитву, и на первом же слове, лишь я произнес: "Господи", – сразу все прекратилось, хотя, может быть, и на время, я теперь уже и не помню. Когда я сказал и об этом, Батюшка прибавил:

– Да и познали силу молитвы.

<...>

Кстати, запишу еще кое-что из наставлений, бывших на исповеди.

– Когда у вас бывают какие-либо мечтания, то вы сами им не противоречьте и не отгоняйте, а просто возьмите, да "Камнем" их, а "Камень" есть Имя Христово, Иисусова молитва. Не гордитесь и не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед

другими. Сказано: не трубите перед собой и перед другими (ср. Мф. 6, 2), а считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслию, что вы приговорены к адским мучениям, что вы достойны их и что избавиться от них можете только по милости Божией. Хотя это не легко, и только святые достигают того, что считают себя достойными адских мучений и худшими всех считают самих себя.

<...>

Я еще припомнил, как Батюшка говорил о совершенствовании человеков и духов: – Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь, на земле, но главным образом в будущей жизни. На небе все бесплотные блаженные духи все время совершенствуются, низшие подражая высшим (Батюшка перечислил чины, но я не запомнил их). Самые высшие духи – это серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, и они подражают Богу, насколько им возможно. А серафимам уже подражают херувимы, и так далее, и наконец человек подражает ангелам. И так, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога. Но полностью ни познать, ни увидеть Его никогда не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть существо беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограничены.

Была одна попытка не только сравняться с Богом, но даже стать выше Его, и окончилась она тем, что сей серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И потому так и ненавидит гордость, что это есть диавольская, сатанинская черта.

<...> И еще припоминаю, как Батюшка говорил, что человек должен исполнять заповеди: "Будите святы, якоже Аз свят есмь" (Лев. 11, 45).

10 марта 1908 г.

Начал читать Петра Дамаскина. Мне нравится эта книга. Это серьезная и глубокая книга, и читать ее быстро я не могу. Я сказал Батюшке об этом, и он подтвердил мои слова:

– Эта книга глубже аввы Дорофея. Еще бы, авва Дорофей – это азбука монашеской жизни, хотя, читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию (что-то вроде этого). Она имеет берег, и от берега можно ходить сначала по колению, потом глубже и глубже. А иной – сразу в глубину.

<...> Есть маленький секрет, чтобы вставать легко к утрени и не просыпаться: не осуждать тех, кто просыпает и опаздывает. Если не будете осуждать других, и вам будет легко. <...>

14 марта 1908 г.

<...> В эти дни Батюшка на благословении кое-что говорил. На мой вопрос о страхе, который находит на меня в темноте, Батюшка сказал, что это, конечно, вражье.

– Отгоняйте страх псаломским словом, как учили старцы: "От страха вражия изми душу мою" (Пс. 63, 2). Спице шесть часов, три из них должно быть непрерывного сна, так нужно для монаха (то есть три часа непрерывного сна), а если проспите и семь часов, ничего, не смущайтесь, а то враг будет говорить: "А! Что, проспал, проспал?!"

Когда послушник уезжает из монастыря в солдаты, враг всячески старается закрутить, столкнуть его в пропасть, первым делом подсунуть девчонку.

Книги читайте, но не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь

Богу, да просветит ваш ум. Мне так сказал батюшка о. Анатолий. На мой вопрос: "Почему так?" – Отвечал: "Запутаетесь!" Вот так и я говорю вам.

Когда я оделся в подрясник и пришел к батюшке о. Анатолию, он мне сказал: "Ну, брат Павел!" – и какой музыкой раздались эти слова в моих ушах! Я, вышедший из вонючего болота – мира, весь в грязи, в тине, и я – "брат"! Меня называет этот великий старец своим братом! Вот и я называю вас "брат Николай", а Николай Митрофанович остался там, за воротами.

Когда мне дали келию и я в ней поселился, у меня была самая простая обстановка. Кровать из трех тесинок, покрытых войлоком, свернутым вдвое, табуретка, простой некрашенный стол, простые разножки с холстом, немного белья, иконы... И мне было гораздо лучше, чем теперь. У монаха вся радость состоит в смирении, смирении и смирении... и простоте...

<...>

16 марта 1908 г.

Вчерашнего дня уже началась Крестопоклонная неделя. А я и не заметил поста. Он не заметен: то одно, то другое, и уж вечер; свободного времени очень мало, так как почти все время теперь, с начала поста, прохожу послушание помощника библиотекаря, а в библиотеке сейчас очень много дел. Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного: совершенно не тягочусь постом, даже лучшей пищи не желаю, бывают помыслы о прежнем, да это так мимолетно, даже не беспокоят.

Вот иное дело вообще мирские воспоминания и картины – эти беспокоят, особенно за службой, хотя сама служба мне начинает более нравиться, и я не тягочусь ей (собственно церковной). Стараюсь слушать службу, хотя это далеко не всегда удается, – обыкновенно бываю очень рассеян за службой.

Прежде я ругал монахов, а теперь, когда сам живу в монастыре, то вижу, как трудно быть истинным монахом. И живу я как в миру, несколько не изменился, все те же страсти, пороки, грехи, остался таким же развращенным, страстным человеком, только живу в келии, в Скиту, а не в миру. И не стал сразу ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора, молодой ли он или старый и сколько живет в монастыре, не желая ничего принимать в соображение. Теперь я начинаю понимать, что практическое знание собственно только и имеет смысл.

Очень легко разглагольствовать, но очень трудно дело делать.

Батюшка сказал:

– Читайте теперь, читайте, пока еще есть время. Помяните мое слово, что придет время, когда уже некогда будет читать.

Я говорю, что и теперь времени нет для чтения.

– Ну хорошо, всю неделю работайте, а субботу и воскресенье на чтение употребляйте. Субботу хоть с послеобеденного времени на чтение, а после повечерия можно еще часок почитать.

<...>

19 марта 1908 г.

<...>

Еще коснулись того, что нужно делать, если, например, мне явится ангел:

– Ни в каком случае не доверять, а перекреститься и счесть себя недостойным видеть ангела. И Господу будет угодно это смирение, хотя бы это был настоящий ангел, а не сатана в образе ангела.

<...>

27 марта 1908 г.

<...> Когда я пришел к батюшке на благословение, и он начал говорить, что ужасы теперь делаются в миру, повсюду страшное разложение... Антихрист открыто идет в мир.

– Я, пожалуй, уже не доживу, а вы, верую, доживете до страшных времен, но все-таки спасетесь. Хотя и доживете, спасетесь в тихом пристанище. Благо тем молодым людям, которые отошли от мира, а то он совершенно затянет. Про мир, что и говорить... Но этот дух плотоугодия вторгается и в святые обители. Поступают в монастырь для того, чтобы поскорее получить рясофор, мантию, священнический сан да должность какую-либо. Или хотят поближе к ящику стать, и, конечно, не смотрят на него, а знакомятся с содержанием, совершенно забывая, что это святотатство, что они крадут у Бога. Ради "куса" идут в монастырь, а не ради Иисуса. И при всем этом желают славы, чтобы их почитали святыми. Ищут славы, от которой прежде не знали куда убежать.

<...>

Потом, вечером, я опять сказал Батюшке, что последние два дня в особенности приходят мне в голову воспоминания, припоминается, что было за год, два. Вот за всенощной и обедней никак не мог слушать службу, неизвестно, где была мысль, – ничего не слышал, так что без всякого чувства ушел от службы. Очень неприятно.

– Этим вы не смущайтесь, а укоряйте себя за холодность.

– Да, вот еще, Батюшка. Вы дали мне книгу Игнатия (Брянчанинова) часа в четыре до вечерни, и я успел прочесть страниц десять. Во время чтения – одна мысль за другой, одну отгонишь молитвой – другая, эту отгонишь – третья. Очень трудно сосредоточиться. Не то, чтобы одна мысль все время, так сказать, клевала меня, а все разные. Даже такие мысли, что, может быть, у Игнатия (Брянчанинова) неправда написана, ибо я читал, что он и епископ Феофан говорят об этом различно.

– Это брань. Враг видит, какую книгу вы хотите читать, и старается воспрепятствовать сему. <...> Еп. Игнатий имел с бесами дело лично, только он об этом не говорил, как, например, и Серафим Саровский не имел обыкновения рассказывать. Поэтому эта книга написана с опыта личного. <...> Вообще, еп. Игнатий не говорил про себя, что было именно с ним, а выражался иногда так: "В общежитии борются с бесами, как с голубями, а в затворе, как с тиграми". Веруйте, что на пользу будет вам то, что исполняете за послушание. По вере вашей и я говорю то, что для вас нужно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется: вспоминается прочитанное и слышанное и говорится на пользу по вере вопрошающих. А бывает, что приходят просто из любопытства, или когда вообще не имеют целью пользу душевную, и тогда я положительно ничего не могу сказать, говорю: "Молись!" – и больше ничего. Я забыл, что, когда Батюшка говорил про ужасы в миру, он в то же время прибавил:

– И среди других находятся такие чистые души! Господи, Господи! Истинно: "И свет во тьме светит и тьма его не объят!" (см. Ин. 1, 5).

<...>

16 апреля 1908 г.

Время летит... Уже прошла половина Светлой седмицы, сегодня среда. Хорошо здесь. Нет сильного подъема чувств, как бывало в миру, а ровно и тихо на душе. Я за это время даже забыл как бы, что есть мир со своей мнимой радостью и наслаждениями, даже забыл о родных, хотя молюсь за них за всех каждый день. Я вполне удовлетворяюсь здешнею жизнью. Не говорю, что я удовлетворяюсь своей жизнью, своим поведением, нет, я говорю про келию, устой сей жизни.

В миру я даже более в свое время был доволен своею жизнью, не замечая и не чувствуя своих грехов и проступков против Бога и ближнего, а здесь я начинаю чувствовать некоторые свои грехи. Здесь совесть больше обличает, и я стараюсь очищать ее по мере возможности у старца искренним откровением помыслов и поступков. Говорю "искренним", потому что говорю Батюшке все от себя, никто меня к тому не принуждает, но есть все-таки у меня желание оправдаться, хотя я и в этом самом каялся Батюшке. И я познал, кажется, силу и необходимость откровения, ибо сам на себе чувствую то великое облегчение: то успокоение и умиротворение совести, которое бывает после откровения. Проступок, который все время помнишь и который тебя беспокоит, почти забываешь, когда скажешь о нем Батюшке. Поэтому я решил всегда быть откровенным с Батюшкой и всячески хранить свою совесть.

<...>

А что касается службы, то она более утешает, чем в миру, даже утренняя, на которой прежде я стоял и только думал, как бы поскорее до келии добраться и в постель. Теперь нравится, в особенности теперешняя, пасхальная, и я не устаю и не дремлю по Божией милости. Вот я и думаю: вовсе не тот счастлив, кто имеет многое и многим наслаждается, а тот, кто большего не желает, чем то, что имеет, удовлетворяется тем, что у него есть.

Наступает весна, все оживает, днем бывает тепло. Птички пищат, поют, прыгают... Вся природа хороша. Я заметил, что с прошлого года я стал более любить природу, немного чувствовать ее красоту. Прежде я любил ее почти только в одном воображении, в мечтах... Сижу я все время у себя в келии, и никого, и ничего мне не надо. Пишу и читаю, – и мне хорошо.

Сегодня за трапезой читал один мантейный монах, он мне казался всегда довольно странным, грубым, даже холодным. И вот сегодня он читал очень хорошо, с чувством, с выражением... и вдруг заплакал от умиления. Он, по-видимому, очень сдерживал себя и продолжал читать далее. Вот как легко обмануться в человеке. Поэтому никогда нельзя осуждать кого-либо, особенно по наружному поведению и виду. Удивительная эта страсть, и трудно с ней бороться. И не хочешь осуждать, а все-таки осуждаешь!

19 апреля 1908 г.

Вчера получил телеграмму от епископа Трифона. Поздравляет с праздником. Вот ее текст: "Да благословит вас Воскресший Спаситель. Епископ Трифон". Коротко, но утешительно для нас, то есть для меня и Иванушки. Это единственная полученная нами к празднику весть из Москвы, и, вообще, откуда-либо. Благодарение Богу. Я об этом сказал Батюшке, и ему, по-видимому, приятно было слышать. "Спаси его, Господи, за вас! – говорил он. – Великое дело – архипастырское благословение. Сам епископ может быть и грешен, как все люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу, как диавол ни восставал против вашего поступления в монастырь, какие бы препятствия ни строил, чтобы опять столкнуть вас в то вонючее болото, все одолели его святые молитвы..."

<...> Затем Батюшка спросил, не играю ли я на каком-либо музыкальном инструменте. Я отвечал:

– Нет, пробовал немного, да ничего не вышло.

– А брат Иван?

– Да.

– Так вам, значит, предстоит играть в душе по слову: "Пою Богу моему дондеже есмь" (Пс. 103, 33). Это чудная гармония замечается у Пифагора, но он был язычник. У него могли быть только чуть заметные намеки. Из его сочинений почти до нас ничего не дошло, маленькие отрывочки. А полнота этой гармонии у пророка

и псалмопевца Давида в его псалмах. Это пение – достояние иночества...
Более не помню. Кажется, дальше Батюшка ничего не сказал. Я сам сказал ему, что вспоминаю теперь всякие вещи, случаи, слова, поступки, игры, бывшие несколько лет, даже лет за пять-десять, иногда с мельчайшими подробностями. На это Батюшка только сказал: "Да", – и больше не помню. Прежде на то же самое мне Батюшка сказал, что это брань. Действительно, только Иисусовой молитвой и можно отогнать ее, да и то иной раз несоро и не особенно легко.
Читать иногда почти совершенно не дают. Кроме того, теперь еще эта скоромная молочная пища расслабляет как-то после поста, спать хочется во время чтения. Читаю я теперь опять Петра Дамаскина. Иногда, когда понимаю, замечательные мысли и вещи попадают мне, как-то открывают они глаза на дело; так просто и ясно кажется все и в то же время премудро.

22 апреля 1908 г.

<...> Как-то на шестой седмице поста, чуть ли не в среду, заходил к нам в келии Батюшка. Иванушка поставил самоварчик, попили чаю. Говорили более о практической надобности. Благословил помыть и почистить келии к празднику, да и сказал, чтобы было в келии чисто и прибрано всегда.

– Вот Георгий, Задонский Затворник, – у него все было самое простое и нигде ни пылинки.

Затем Батюшка благословил купить конфет <...>.

– Это не грех, только надо меру знать, а то некоторые, когда поступают, чуть ли не по весу пищу едят, а потом в излишество впадают; так лучше, зная меру, иметь конфетки и укорять себя.

Затем по вопросу Иванушки коснулись немного смысла одного псалма. А потом Батюшка рассказал, как был поврежден текст вообще всех книг Ветхого Завета. Случилось это таким образом:

– По Воскресении Христовом Апостолы указывали евреям на пророчества, которые исполнились на Иисусе Христе, доказывая им истину их собственными книгами. Тогда они дерзнули вычеркивать и изменять те места, которые относились ко Христу и Его Воскресению. Таким образом они повредили все книги. Но Господу было угодно сохранить текст непреложным для всех последующих верующих. За несколько сот лет до Рождества Христова царь Птоломей пожелал перевести Библию евреям на греческий язык, как общеупотребительный в то время. Это, конечно, было промыслительно. Для этой цели он вызвал ученых людей, знавших хорошо оба языка – и греческий, и еврейский – и поручил им перевод Библии. Они переводили каждый в отдельности, и потом все сверили. Так образовался греческий перевод 70-ти толковников, и в нем мы имеем истинный текст Библии...
Вы затронули важный вопрос! А началось все с того, что стали сведущие люди сверять псалмы на русском языке, переведенные с греческого, с иным, тоже русский переводом, [но с еврейского].

Еще Батюшка сказал, что теперь евреи печатают и продают для русских евреев именно искаженный текст [Библии]. Распространяются эти книги книгоношами, и потому можно налететь, так сказать, на "историю", что, конечно, нежелательно. Книгу Игнатия (Брянчанинова), том третий, я уже давно окончил, теперь читаю опять Петра Дамаскина и, если Бог даст, начну Игнатия (Брянчанинова) том второй, том третий мне очень понравился.

Как-то я батюшке сказал, что несмотря на то, что вообще мне книга понравилась, есть в ней некоторые места, в которых я чувствовал некоторое сомнение, например мытарства, или еще престол на небе, чины ангелов, рай и тому подобное.

– Все это, – отвечал Батюшка, – надо духовно понимать, это только намек на

самую действительность. А некоторые, не понимая, что здесь все сказано в вышнем, духовном смысле, соблазняются. Например, на небе пред престолом Бога завеса, которая раздвинулась, когда подошла к ней блаженная Феодора... Конечно, это надо понимать в другом смысле. Подобно тому, как говорят, что у евреев было на глазах покрывало. Ведь не значит это, что действительно над всеми евреями было некое вещественное покрывало. Или еще: говорится про серафимов, что они закрывают лица крыльями. Какие же могут быть у них крылья? Это значит, что они не могут видеть всей славы Божией.

24 апреля 1908 г.

<...> Видимо, Господь подкрепляет меня, грешного. На самом деле, не привыкший к физическому труду, хотя и обладаю некоторой физической силой и выносливостью, я сегодня работал почти целый день. Встал я в 6.30 утра, убирал келию, до восьми часов молился (часы). Затем поставили самовар и к получасу девятого я был уже на работе. Работали без отдыха до трапезы, т.е. до одиннадцати часов. После трапезы я отправлял по обыкновению правило – от двенадцати до часу тридцати. После него чай до двух часов, и сразу на работу. До пяти тридцати работали с отдыхом одним минут в пятнадцать. Потом я умылся, переоделся и пошел читать Псалтирь (к вечерне не ходил) и до восьми часов вечера читал. Из этого времени на трапезу минут пятнадцать-двадцать, и теперь я в келии. Уже полчаса девятого, мне читать еще вечерние молитвы и пятисотницу справлять, и я чувствую в себе достаточно для этого сил. Почти весь день на ногах: одиннадцать с половиной часов на ногах за работой и на молитве, и почти два часа (немного более) на отдых в сидячем положении за трапезой, чаем и на работе, которая не из особенно легких: копали и возили на себе навоз для удобрения. И еще на ногах за молитвой пробуду, аще сие Богу угодно, часа полтора. И, слава и благодарение Богу, не устал. Аппетит хороший чрезвычайно после работы, трапеза еще слаще кажется, чем обыкновенно. До утренней трапезы есть очень хотелось, даже маленько ослаб, а подкрепившись, опять ничего. Начинаю узнавать, что такое физическая работа как работа, а не развлечение, как бывало в миру.

Слава Богу за все!

<...>

30 апреля 1908 г.

<...>

– Перебирать четки без молитвы нужно или нет? Ибо я слышал, что надо, а это мне кажется странным.

– Без молитвы, это, конечно, бессмысленно, – один процесс перебирания шариков и только. Другое дело, когда при разговоре с другими быстро перебирают четки с молитвой: "Господи, помилуй! Господи, помилуй!" Иногда говорят и другие молитвы по четкам, например "Богородицу" сто раз, такая епитимия бывает. А без молитвы не надо.

<...>

– Вот, Батюшка, авва Дорофей, преп. Петр Дамаскин, еп. Игнатий (Брянчанинов), все говорят, что необходимо внимать себе, проверять свою жизнь за день вечером, а за ночь – утром. Так вот благословите вы мне также проверять себя!

– Бог благословит! Проверяйте себя и кайтесь в согрешениях своих. Конечно, утром припоминать можно только грубые отступления, – например, проспал и опоздал к утрени, осудил за утренией кого-либо, вольно держал себя и тому подобное, ибо ночь у нас проходит во сне, а у древних Отцов она проходила во бдении. Еп. Игнатий говорит: "То, что св. Отцы древних времен относят к

новоначальным, может теперь относиться только к значительно преуспевшим инокам". Действительно! И вы, должно быть, согласитесь, что теперешнее монашество мало и походит на прежнее.

Проверка своей жизни приводит к познанию своих грехов, познание своих грехов приводит к познанию своей немощи и покаянию, а это приводит, в конце концов, к мысли о Боге и смерти. А вполне определенного здесь ничего не может быть.

Поэтому достаточно будет, если мы будем вспоминать свои согрешения, проверять свою жизнь и каяться в своих согрешениях, бывших за день или за ночь: "Прости мне, Господи, что я оскорбил брата или соделал то-то и то-то!"

– Эти дни мне совершенно некогда было читать, а когда я читал последний раз, читать мне было очень трудно: самые разнообразные мысли не давали сосредоточиться, от этого даже пропадала охота читать.

– А вы выйдете на терраску, посидите, – и мирный вид будет наводить на вас молитвенное чувство. Стоит только взглянуть на нашу церковь... Помыслы отогнать не в вашей силе, а не принять – в вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно попускается помыслу беспокоить вас, – надо потерпеть помысл, не соглашаясь, однако, с ним.

У батюшки о. Амвросия не было особенно приближенных учеников, только вот о. Анатолий был действительно его приближенным, сотоварищем, так сказать. Врагов у него не было, он всех любил, даже тех, которые его не любили; он их как бы более любил, чем других. А такие были, и сейчас есть в монастыре, которые не могут слышать даже про батюшку о. Амвросия. Воистину: "Несть пророк без чести, разве во отечествии своем" (Мк. 6, 4). Преподобного Серафима Саровского почитала вся Россия, а в монастыре его ненавидели. Да. "Несть пророк без чести, разве во отечествии своем".

4 мая 1908 г.

В будни я продолжаю работать в саду. Сегодня воскресенье. Хотел сейчас читать, да не могу что-то. Думаю, с Божией помощью, записать кое-что. 1-го мая мне опять удалось поговорить с Батюшкой немного, и я очень был доволен. И Батюшка был очень ласков и говорил хорошо. Одним словом, я остался очень доволен этим вечером.

– Ну что, ходили на колодец?

– Да, Батюшка.

– Понравилось вам?

– Да.

– Да, я тоже ходил десять лет. Бодро себя чувствуешь. Отчасти это от прогулки на свежем воздухе, а главным образом, это – благодатное.

– Только я сегодня немного проспал, простите, Батюшка. К обедне не опоздал, даже до начала пришел, а утренних молитв не прочитал. Конечно, я их вычитал после обедни.

– Ну, что делать. Другой раз, если подобное случится, то можно сделать так: начните читать молитвы в келии, а окончите их на дороге (ведь вы знаете их на память). Утренние молитвы можно так, а вечерние – неудобно, ибо их надо читать с открытой головой, даже клобуки снимают во время чтения их. А утренние можно.

– А вот, Батюшка, если пропустишь проверку себя утром или вечером? И если проверяешь себя, то вам потом все говорить, что было, или нет?

– Пропустил, так пропустил, что делать. Не сразу можно привыкнуть. Цель такой проверки себя – получить навык в этом. Сначала будете пропускать, может быть, по три дня, потом эти пробелы будут все меньше и меньше, и через десять лет вы уже приобретете этот навык – всегда проверять себя. А после проверки говорить

мне не надо. Только самое важное, только грубые отступления.

– Ну, например, проспал?

– Да, это важно.

– Или еще пустословие? И самому неприятно, что пустословишь.

– Да, это очень важно. Это в вас зачатки внимательной жизни. Когда кто пустословит, тогда он не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия – молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная жизнь – цель монашества. Сказано: "Внемли себе". Молчание, без которого никак нельзя жить, есть подвиг. Ибо когда кто молчит, то враг тотчас говорит другим: "Смотри, какой он гордец, даже говорить с тобой не хочет". А это вовсе не так. Отсюда скорби. Поэтому, если кто решается на этот подвиг, тот должен подготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и не легко дается. Оно так высоко и необходимо, потому что "молчание есть тайна будущего века". Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни. Батюшка о. Макарий это часто говорил: "Посмотрите, все святые молчали: о. Серафим Саровский молчал, Арсений Великий молчал, да потому он и Великий, что молчал". Когда преп. Арсения спрашивали, почему он все время молчит, он отвечал: "Поверьте братья, что я вас всех люблю, да не могу быть и с вами, и с Богом, поэтому я и убегаю от вас". И Иоанн Лествичник говорит: "Когда я говорил даже о душеполезном, я часто раскаивался, а в том, что молчал – никогда". Батюшка о. Макарий говорил: "Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это – Игнатий (Брянчанинов). Это был великий ум!" Еще в прошлую беседу про Игнатия (Брянчанинова) Батюшка сказал:

– Вы не знаете, что было, когда хоронили еп. Игнатия?

– Нет, Батюшка.

– Ангелы дорносили его душу и пели: "Архиерею Божий, святителю отче Игнатие". Вот была ангельская песнь...

Я помню, еще до Пасхи Батюшка говорил мне:

– Есть еще один Скит вроде нашего, на белом море за Соловками. Были бы и еще, только старчества нет в них... А у нас здесь благодать. Вот в монастыре все завалены послушаниями, а сюда к нам не хотят, не могут жить в Скиту. То, что для нас самое приятное – сидеть в своей келии, того они и не хотят...

Да, поистине хорошо у нас в Скиту. Начинаю, кажется, понимать батюшкины слова:

"Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты оторвал нас от мира и привел сюда?!" Теперь я одного прошу от Господа: "Еже жити мне вся дни живота моего в дому Твоем" (ср. Пс. 26, 4). Я только смысл написал этого псаломского изречения, но порядок слов в нем иной. Иванушка сказал мне, что ему Батюшка говорил, что эти слова прямо относятся к нам, монахам. Воистину так!

Вечером. Сейчас от Батюшки. Я, кажется, ни одного слова сам не сказал, разве только на вопросы. А сам Батюшка начал говорить и рассказал следующее:

– Был у меня один знакомый, который и сейчас еще жив. Это очень образованный и артистически настроенный человек. У него были аскетические наклонности. Не раз мне приходила мысль о том, чтобы ему поступить к нам сюда, в Скит. Я ему об этом говорил, когда еще не был в мантии. Говорил, что мир со своими обольщениями силен, чтобы он опасался. Он отвечал, что его идеал слишком высок, чтобы снизойти ему до таких низин. И вот когда я поехал в Манчжурию, я получил известие, что он женился. Я очень опечалился этим известием. Потом узнал, что, пожив годик с женой, он расстался с ней чуть ли не с проклятиями на устах... Да, не вотще сказано в Евангелии: "Имей мя отреченна". – Почему? – "Жену поял", "супруг волов купил" и т.п. И сказано далее: "Разгневался Царь. Идите на перепутья и соберите убогих, и наполнился дом" (см. Лк. 14, 16-24).

Господь звал к Себе в генералы, в министры, а они не пошли. Не хотят, так не надо! Господь, создавший вселенную, может себе и еще, кроме них найти... Да, обыкновенных иноков много. Но есть и такие, которые горят особенною любовью, поклоняются духом и истиною Господу. Это чистейшие идеалисты, без всякой примеси, таких вот и ищет Господь особенно, зовет к Себе. Вот я и думал, что, быть может, этому моему знакомому Господь благословит быть старцем, он мог бы им быть. А теперь и не знаю, что из него выйдет... Сейчас не могу более писать. Может быть, что и опустил, некогда думать. Если Бог даст, то вспомню и в другое время напишу.

14 мая 1908 г.

<...> Настроение обычное. Жизнь кругом течет по-прежнему, ровно и мирно, – и я вместе с общей жизнью. Теперь очень хорошо в Скиту: все распускается, зеленеет, аромат... То, что я сейчас получаю от природы, было до сих пор мне неизвестно. Этим может наслаждаться только человек, живущий среди природы. Здесь у нас в Скиту рай земной (если так можно сказать), который для меня всего дороже, главным образом потому, что им я надеюсь приобрести рай небесный. Утешает нас Господь, нас, живущих среди природы, нас, бежавших от мнимых удобств, суеты и зловония городской жизни. У нас на вратах, на стороне, обращенной к Скиту, к церкви, написано: "Коль возлюбленна селения Твоя, Господи Сил!" (Пс. 83, 2). – И воистину так. Сколько раз Батюшка говорил мне, вернее сказать, при мне: "Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты вселил нас здесь!" Кажется, свет этих слов начинает проникать в сознание и чувства. Батюшка еще говорил мне: "Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. Если что-либо есть и было с вашей стороны, то это только то, что вы не противились".

Да, это так. Я помню обстоятельство поступления моего в Скит и мои чувства... Я вижу, чувствую, что сбылись надо мною слова, прочтенные мною у еп. Феофана, в книге "Путь ко спасению", что благодать, действуя в человеке, показывает ему, дает чуть-чуть ощутить сладость духовной жизни и быстро скрывается, поставляя человека на точку безразличия, где и требуется уже от самого человека произволение на новую жизнь. Вот то, что я был на точке безразличия при поступлении в Скит, я теперь хорошо, ясно вижу. Почему я склонился на иноческую жизнь, не знаю. Теперь я склонен думать, что меня перетянули сюда молитвы Батюшки, который очень желал, чтобы я и Иванушка поступили сюда, а также молитвы еп. Трифона. Кроме этого, за нас еще молились и в миру, и здесь – в Скиту и в монастыре, и в московском Чудовом монастыре, о. Серафим в Богоявленском, о. Иона с келейником о. Михаилом...

Сначала нас сюда не принимали. Когда же приняли, уже после того, как мы уговорились с Батюшкой, у меня явились мысли подождать или же идти в другой какой монастырь и другие скверные мысли (оправдались батюшкины слова, что диавол сразу нападет). Но Батюшка снова меня успокоил, и я очень спокойно решил все бросить в миру и перебраться в Скит. Не знаю, почему я все это записал. На днях мне в голову приходили подобные же мысли...

<...>

20 мая 1908 г.

<...> Как-то вечером мы с Батюшкой даже погуляли по Скиту несколько часов (два-три). Всего не упомнишь, что говорили, к тому же многое в разговоре не относилось к моей духовной жизни. В общем, мне приятно было. Батюшка действительно обходится прямо с братской простотой не только со мной, но и со всеми, что даже некоторые несправедливо ставят ему это в укор, говоря, что он

все-таки начальник. А Батюшка говорил: "В древних монастырях между аввою и учениками не было начальнических отношений. Да и наши оптинские старцы учили, что натянутых отношений быть не должно".

Ну, так я, собственно, хотел записать батюшкины слова о молчании.

– Вот, Батюшка, – говорю я, – мне молчать очень понравилось, так что всякий разговор тяготит меня, и я стараюсь скорее уйти. Я понял, что вы благословили мне молчать.

– Да, больше молчите. А если что спросят, даже в церкви, ответьте без всякой раздражительности и не показывая угрюмого вида. Бог благословит.

Теперь я уже забыл, а Батюшка говорил еще что-то о "Слове о молитве Иисусовой" еп. Игнатия (Брянчанинова). Кажется, Батюшка сказал, что тут вся монашеская жизнь изображена. Прошлый год, на Пасху, Батюшка давал мне почитать книгу еп. Игнатия "О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником". При этом он сказал: "С внешней стороны вы уже немного ознакомились с монашеской жизнью, с ее внешним строем. А вот тут вы увидите внутренний смысл монашества", – Батюшка сказал что-то вроде этого; не помню, сказал ли он слово "смысл" или нет.

<...>

31 мая 1908 г.

<...> Вот я однажды пришел к Батюшке.

– Ну, что? Все хорошо? – спрашивает Батюшка.

– Да, все хорошо, слава Богу.

– Да, новоначальные всегда радуются, если идут в монастырь от всего сердца.

Сказано в псалме: "Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом" (Пс. 2, 11). Вот такие и трудятся для Господа со страхом, боясь Его чем-либо оскорбить. И радуются. Как? С трепетом.

Я, Батюшка, теперь как-то начинаю бояться мира. <...>

Это ничего, это спасительный страх. Вы ушли от этого ужасного чудища-мира, и Бог даст, совсем отойдете от него... Один раз я видел сон. Иду я будто бы по лесу и вижу: лежит бревно. Я спокойно сажусь на него и вдруг чувствую, что бревно шевелится. Я вскочил и вижу, что это огромный змей. Я скорее бежать, выбегаю из леса, оборачиваюсь и вижу, что весь лес горит и вокруг него, кольцом охватывая его, лежит змей. Слава Тебе, Господи, что я убежал из леса! Чтобы со мной было, если бы я остался в лесу? И сон этот был для меня непонятен.

Потом мне один схимник растолковал этот сон. Лес есть мир. В миру грешат и не чувствуют, не сознают, что грешат. В миру все пороки – и гордыня, и лесть, и блуд, и воровство... Да и я так жил и даже не думал о том. Но вдруг я увидел, что если так продолжать жить, то, пожалуй, погибнешь, ибо за гробом жизнь или благая для благих, или вечная ужасная мука для грешных. Я увидел, что чудовище шевелится, что сидеть на нем опасно. И вот, когда я убежал от мира и смотрю на него из монастыря, то вижу, что весь он горит в своих страстях. Это – то "огненное запаление", про которое говорится в Великом каноне Андрея Критского.

Ко мне приходил один человек, уже семейный, и говорил, что он влюбился. "Я весь горю!" – говорил он. И, действительно, он горел...

Более я не помню, что Батюшка говорил. В это время много говорить не приходилось? Припоминаю только, что я еще сказал:

– Вот, Батюшка, я никогда не вижу и не видал снов таких.

– И хорошо, и никаким снам не доверяйте.

– Я теперь начинаю каяться, то есть сознавать, правда одним только умом, что я живу не особенно хорошо, я живу плохо: Иисусову молитву забываю, молиться

ленюсь, ем лишнее, и вообще, надо бы жить лучше. Но я очень беспечный человек, мало об этом думаю (вот так я и сказал Батюшке). Как же творить Иисусову молитву? Я ее читаю, а не творю. Постоянно горжусь, других осуждаю. И все это я сознаю как-то равнодушно, одним разумом, но не чувствую этого вовсе.

– Что ж делать. Хорошо, что читаете. А сразу и нельзя ничего сделать. Я ведь говорил, что это наука из наук. А все-таки понемножечку начинайте, хотя и не можете все сразу, – ответил Батюшка.

<...>

12 июня 1908 г.

Сегодня Господь сподобил меня, недостойного, поисповедаться. После исповеди в заключение всего Батюшка сказал:

– Все это хорошо, то есть покаяние даже в мелких грехах, которые многие даже не считают за грехи, но надо больше всего заботиться о самом главном. Купцы, когда торгуют, заботятся, чтобы добыть как можно больше золота. Все металлы – и железо, и олово, и серебро, и медь – сами по себе очень ценны, однако купцы заботятся более всего о золоте. Так и нам более всего должно заботиться о приобретении смирения: смиряться, смиряться и смиряться. Есть смирение – все есть, нет смирения – ничего нет, хотя бы человек даже и чудеса мог совершать. Смиряться!

– Да это очень трудно, Батюшка.

– Конечно. А золото разве легко добывать?

<...>

16 июня 1908 г.

Слава Богу! Сподобился я, грешный, принятия Святых Христовых Таин в субботу. Сбываются на мне батюшкины слова: времени у меня свободного совершенно нет ни в будни, ни в праздники, иной раз даже устанешь под конец дня. Но, благодарение Господу, ничего, хорошо себя чувствую. Кое-когда и приходится заглянуть в книгу. Я все читаю еп. Игнатия (Брянчанинова). Очень утешаюсь я его сочинениями. Не знаю, как благодарить Господа и Батюшку, что имею такое сокровище. Особенно хорошо мне теперь читать у него про молитву Иисусову. Да, кажется, у него все особенно хорошо.

22 июня 1908 г.

<...> Удивительно, как сразу начинает смиряться человек, поступая в Скит – здесь какая-то особая, благоприятная для смиренной жизни атмосфера. Молю Господа, да смирит меня, окаянного: я всегда был и сейчас есмь гордец. Гордыня с самых малых лет моих была неотлучным спутником моей жизни и даже доньне. Мои мечты в младенчестве, детском возрасте и юности пропитаны были гордостью. Я питал в себе гордыню. Теперь я стараюсь не мечтать, отгонять мечты, но когда приходят ко мне мечты, они по-прежнему пропитаны гордыней. Да оно и понятно: от болезни не сразу исцеляются, а, придя в баню, я должен сначала тщательно омыwać все свое тело, чтобы смыть грязь и стать чистым.

Сегодня Батюшка сказал мне: "Блаженни чистии сердцем, да они Бога узрят" (ср. Мф. 5, 8). Батюшка часто напоминает нам о смирении, которого я не имею, и, к сожалению, даже не хочу переносить болезнь сердца, которая последует, и сопровождает, и предшествует всему, что смиряет естество, пропитанное гордостью.

Как-то на днях о. Никон спросил меня, как явилось у меня желание идти в монастырь, что побудило, какая была сему причина? Я ни на один из этих вопросов не мог и не могу ответить. Господь привел меня сюда. Не знаю, следует

ли вспоминать то, что связано с миром. Помню, что я часто, даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую отрасль науки, какой сообразно с этим путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал.

Был у меня переворот в жизни, когда все вокруг было заражено социальными идеями, в том числе и в нашем юношеском кругу. Мне эта маска, которой прикрито дело дьявола, ведущее в пагубу, сначала как бы понравилась. Хотя я и не мог совместить ее с верой в Бога. Впрочем, о вере я никогда и не размышлял и не давал себе в ней отчета, имея о связанных с ней вещах, например монашестве, самое превратное понятие. Сначала я совсем не давал себе отчета в том, что такое монашество, потом осуждал всех монахов вообще, и даже за несколько месяцев до первого приезда в Оптину я еще сомневаться в монашестве: богоугодно ли оно? И сомневался до последнего времени, до самого поступления в Скит, и, вероятно, даже по поступлении были сомнения. Теперь, слава Богу, все затихло и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Как благодарить мне Господа? Какого блага сподобил меня Господь? Чем я мог заслужить это? Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Действительно, как я сам мог прийти в Скит, не веря в идеал монашества, не имея положительно никакого о нем понятия, осуждая монахов, живя самую самоугодливую жизнь, не желая подчинять свою волю никому из смертных, не молясь ни утром, ни вечером (хотя, правда, довольно часто бывая в церкви), читая только светские книги (исключая книгу еп. Феофана, которую прочитал пред самым отъездом в Оптину), думая даже о браке. Один ответ: Господь привел. Прав и прав был Батюшка, когда говорил мне об этом. Тогда это не так на меня подействовало, я только запомнил это, и более ничего. А теперь начинаю понимать батюшкины слова.

Возвращусь немного назад. Итак, переворот моей жизни начался, как мне кажется, с социальных идей. Кроме того, тогда же в мечтах (именно в мечтах, ибо я даже не был знаком с тем, чем несколько увлекался) я идеализировал человека. Это была жажда впечатлений, про которую, описывая одного юношу, говорит в "Пути ко спасению" еп. Феофан. Этот юноша был страстно увлечен одной особой и, находясь в таком ненормальном состоянии, был на всех и на вся озлоблен. Я в то время тоже удалялся от всех и от всего. Перестал ходить в свою приходскую церковь. Замечу еще раз, что, может быть, именно церковь (этому я придаю огромное значение) была одной из самых главных причин, приведших меня в обитель и к Богу, если так можно выразиться, если я имею право так сказать. С лет двенадцати-тринадцати я ее не покидал, несмотря ни на что. Я стоял в церкви во время службы, упиваясь мечтами. Я жил мечтой, не имея нигде удовлетворения (эти мысли меня мало тревожили). Я думаю, однако: не эта ли обособленность привлекала меня к беседе с Батюшкой, к молитве, к теперешней моей жизни в Скиту? Другого ничего, кажется, особенного не было. Моя жизнь вышла из колеи безразличного отношения ко всему именно в то самое время, именно тогда произошел переворот, который надо считать в своем начале вполне отрицательным. О, коль благ Господь, пресекающий зло или же обращающий его к добрым следствиям Своим человеколюбным Промыслом! Кончаю, довольно. Может быть, это все пустословие, может быть, мне не следовало бы писать этого? Но помолюсь, да простит мне Господь вольная моя согрешения и не вольная. Быть может, все это не так, как написал. Но что уже написано, то написано.

28 июня 1908 г.

Вчера каялся я Батюшке, что не исполнил правила вследствие усталости.

– Бог простит, но все-таки нужно укорить себя. Так учили наши великие старцы. При самоукорении это даже приносит пользу. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть невидимое восхождение. Подобно тому, как человек не замечает, как он растет, как из маленького мальчика становится взрослым, так и духовный рост человека идет совершенно незаметно для него. Этот невидимый духовный рост человека и есть самоукорение. <...>

– Когда я творю Иисусову молитву или справляю пятисотницу, я бываю очень рассеян, мысль так и перескакивает от одного к другому, она везде побывает, только не в словах молитвы.

– А все-таки уста освящаются именем Господа Иисуса Христа, – сказал Батюшка. <...>

Недели две назад о. Иоанн (Иван Васильевич Полевой) благословился у Батюшки пройтись немного по лесу и взять с собой меня. Я пошел. Я заметил, что о. Иоанн, глядя на сосны, на небо, вообще на всю природу, вспоминал про Бога, смерть, бессмертие, жизнь вечную и так далее. Ему вся природа вещает о Боге и дивных делах Его. А я, грешный, глядя на все существующее, совсем не переношусь от временного видимого к бесконечному невидимому. Поговорили немного о смерти и памятовании о ней. И я вспомнил про далекое прошлое, бывшее в моем детстве, лет тринадцать назад. Помню глубокую полночь, по крайней мере все братья, жившие со мной в одной комнате, спят. Мне лет шесть-семь. Мне не спится, думаю о Боге, смерти и бесконечной вечности – или благой, или полной ужасных мук. Я мыслил, конечно, совершенно по-детски. Но что же, мне представлялось, что по смерти наследую блаженство? Нет, мои мысли от представления о смерти моментально перелетали к вечным мукам, которые постигнут грешников и которым не будет конца. Ужас охватывал все мое существо, я весь содрогался, в трепете утыкался лицом в подушку и горько плакал. Особенно меня поражало то, что будущая жизнь не будет иметь конца.

По-видимому, я тогда верил во все это. Даже более: я живо представлял себе то, о чем думал (хотя и по-детски), иначе эти мысли не могли бы так действовать на меня. Кажется, я даже утешал себя, стараясь отогнать страх. Помню, даже приходили хульные мысли, например, если будут такие муки, так лучше бы было, если бы Бога не было. Ибо, если Бога нет, то нет и греха, следовательно, и мук... Но нет, если даже и будут муки, то все-таки лучше, если есть Бог. Ибо, если Бога не было бы, то люди заживо погрызли бы и друг друга, и себя... Так мыслил я. Почему так? Не знаю. Помню, я этим успокаивался, то есть последнюю мыслью. Более не помню, какие мысли приходили мне в голову, на чем я останавливался и как заснул в эту ночь. Не помню, были ли еще подобные ночи, дни и часы...

Помню еще, что мысли о Боге, смерти и нравственном долге, молитве и тому подобном приходили ко мне в возрасте тринадцати-семнадцати лет. Но я быстро прогонял их. Как тяжелые, неприятные для меня, я топил их в веселых, льстящих мне безумных мыслях – это бывало также по ночам. Но отгонял я их не на веки: я их отгонял с мыслью (о, безумие!), что им придет своя пора – именно в зрелом возрасте, или под старость, когда мысли о другом перестанут волновать воображение. И продолжал коснеть в равнодушии. Теперь и желал бы иметь подобные мысли, да их нет...

29 июня 1908 г.

Я помню, что особенно сильно на меня действовала мысль о бесконечности и неизменности загробной участи. Мой ребяческий ум совершенно терялся при этой мысли. Одни слова "не будет конца" приводили меня в ужас и трепет. Теперь я к подобным мыслям остаюсь совершенно равнодушен, они не производят на меня ни

малейшего действия.

Теперь я начинаю бояться мира, хотя мысли о нем и лезут в голову. Про эту боязнь я говорил Батюшке, и он сказал, что она спасительна. Припоминаю батюшкины наставления о боязливости вообще, которая скорее гибельна, чем спасительна. <...>

– Бояться надо только грехов, – говорил Батюшка (мира, конечно, я боюсь, потому что он всегда и всем давал повод склониться ко греху, он весь полон искушений, которым я не могу сопротивляться). – А боязливых, сказано в Священном Писании, не любит Бог. Никто не должен быть боязлив, труслив, а должен возлагать надежду на Бога. Почему Бог не любит боязливых, трусливых? Потому что они близки к унынию и отчаянию, а это – смертные грехи. Боязливый и трус – на краю пропасти. Истинный монах должен быть чужд такого устройства. <...>

5 июля 1908 г.

<...> Вчера от нас из Скита в монастырь перебрался о. Анатолий [Потапов]. Более 20 лет прожил в Скиту и теперь его перевели в монастырь. Там умер о. Савва, бывший духовником (как говорят) многих из братий; к нему обращались и многие мирские. И вот на его место и перевели о. Анатолия. Третьего числа он простился с нами в трапезе, смиренно поклонился в землю, кажется, два раза. Да, он раб Божий. Всегда смиренный и никогда не унывающий. По крайней мере, я его иным не видел. Это единственный иеромонах, которого я видел встающим на колени пред Батюшкой (я видел еще о. Нектария, ставшим однажды на колени перед Батюшкой). Спаси его, Господи!

<...>

7 июля 1908 г.

<...> Вчера на благословении Батюшка сказал мне:

– Дьявол вам не даст сделать ни одного шага, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при постройке храма? – В одной руке – заступ, а в другой – меч. Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, вы должны исполнять Евангельские заповеди, а с другой – отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

– Батюшка, а как я должен отбиваться, какой это меч?

– У нас один меч – это молитва Иисусова. Сказано: "Бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле". Если вдуматься в эти слова внимательно, страшно подумать, ибо нет более сильного оружия даже на небе. "О имени Иисусове всяко колени поклонится небесных и земных, и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос..." (ср. Флп. 2, 10). Какие страшные времена придут...

Да, молитва Иисусова – вот оружие, а я, окаянный, совершенно забываю про нее. Да, не так скоро дается все истинно духовное, Божие, как я думал.

10 июля 1908 г.

<...> Вечером на благословении я сказал Батюшке, что прочел одну статью о молитве Иисусовой Игнатия (Брянчанинова).

– Я не знаю, как я жил бы без познаний, которые я там почерпнул, – сказал я.

– Да.

– Вот, Батюшка, не благословите ли вы по времени и все его сочинения прочесть?

– Да, по времени. Да у него все на одном и том же – на молитве Иисусовой. Какая ширина! Теперь вы видите это. А прежде, может быть, видели вы в монастыре, как и большинство мирских, одну редьку, квас и глубочайшее

невежество. Да и понятно. Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь (ср. Пс. 33, 9). Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое это блаженство.
<...>

24 июля 1908 г.

Прошлый год весной, когда я возвращался из Оптиной в Москву, все меня спрашивали: "Я слышал (или слышала), вы ездили в монастырь? Ну как? Что?.." Все чрезвычайно удивлялись, что я хочу поступить в монастырь. Я помню, одна молодая дама, лет 22-24, еще только года два-три замужем (с мужем и вообще она живет ничего, хорошо, хотя и среднего состояния), встретив меня на дворе, предлагала подобные вопросы. Я отвечал утвердительно.

– Счастливы вы человек, – сказала она.

– Да, слава Богу.

– Да, не все могут... Прощайте!

Мы разошлись. Так может говорить человек, который не удовлетворяется своей жизнью, то есть если он другого считает счастливее себя. А почему бы не удовлетворяться ей своим положением? Мало денег? Да нет, их достаточно, чтобы вполне прилично, даже щеголевато одеваться, иметь прислугу, квартиру чистенькую в несколько комнат, быть сытой и в тепле. Чего же не хватает? И такая неудовлетворительность очень у многих в миру: ищут, ищут и не находят, ибо ищут, как Батюшка говорит, не там, где можно найти.

Я воссылаю мою неблагодарную благодарность Господу Богу, что я здесь, в нашем милым Скиту. Я боюсь мысли, что придется покинуть Скит, и молю Бога, да умиосердится надо мной, недостойным Его милости.

Я не знаю, как живут мои товарищи по гимназии, не получаю никаких известий, и слава Богу. Но что я, будучи еще в миру, узнал о некоторых из них – неутешительно. Двое застрелились (забыл по какой причине). Один перерезан поездом и отошел в вечность с неизвестным для меня состоянием духа. Он был из "красных", в последний год не приобщался Святых Христовых Таин. Еще один – в тюрьме за социально-революционную деятельность. Затем: один – за новые идеи в неприязненных отношениях с родителем (выразившемся о своих сыновьях: "У меня нет детей"). Далее – большинство неверующих, или маловерующих, зараженных новыми ложными идеями... Вот состояние моих сверстников-сотоварищей! Боже! Боже! За что Ты так милостив ко мне, что Ты взял меня под покров Божией Матери и св. Иоанна Крестителя в эту животворную скитскую тишину от всех этих ужасов, которыми полон мир!.. Этими, подобными и еще большими ужасами полна, как приходилось видеть и слышать, вся жизнь в миру. Благодарю Тебя, Господи, что я здесь, в Скиту! Я не умею и не знаю, как благодарить Тебя! Помилуй меня!

31 июля 1908 г.

29 июля Оптину посещал Преосвященный Никон, еп. Вологодский. <...> В храме св. Иоанна Предтечи Владыка говорил нам, всем скитянам, речь. Мне понравилось, как он говорил. Говорил он о необходимости и пользе для нас скорбей:

"Если бы у нас не было скорбей, то есть различных обид и неудовольствий, если бы нас никто не трогал, если бы не было никаких искушений, то как бы могли мы познать себя, свои страсти, свои грехи. Если меня никто не будет трогать, то я не буду раздражаться, сердиться. Если нам будет житья покойно, без всяких скорбей, то возомним о себе, что мы праведники, бесстрастные, и будет расти наш внутренний фарисей, нас обымет гордыня.

Если же мы терпим скорби, обиды, то невольно познаем свои немощи, страсти. Мы и не думаем, что мы горды, что у нас злоба и другие страсти. Когда же нас

обидят, то сразу зашевелиятся, как гады, наши страсти, поднимутся из глубины нашего сердца, и сразу мы увидим, что мы очень немощны, что мы полны страстей, и невольно будем смиряться. Отсюда ясно, что мы не должны сердиться на людей, причиняющих нам скорби, ибо они – лучшие наши благодетели, указавшие нам наши немощи, которых мы в себе не предполагали. Мы должны обойтись с ними кротко и помолиться за них. Кроткое обращение совершает чудеса, растапливает каменные сердца, приводит к пути спасения. Да отчего собственно у нас и есть скорби? Каждый человек несет свой крест. Под крестом разумеются скорби и невзгоды, которые встречаются человеку на его жизненном пути.

Из чего образовывается крест? Вот, посмотрите на вещественный крест. Он составляется из двух линий: одна идет прямо вверх, а другая пересекает ее. Так же образуется и наш жизненный крест. Воля Божия тянет нас снизу вверх, от земли на небо, а наша воля становится воле Божией поперек, противится ей. Отсюда скорби, ибо в нас происходит борьба и причиняет боль сердцу. И стоит нам только во время скорби или искушения сказать: “Да будет воля Твоя, Господи!” – как сразу же нам становится легче на сердце, мы успокаиваемся. Как только мы свою волю направим по воле Божией, то уже креста-то и не получается, подобно тому, как случается и с вещественным крестом, когда обе линии направим в одну сторону.

Хорошо у вас здесь, отцы святые, помогите вам Господи. Еще чувствуешь в наших святых обителях, что есть еще вера Христова, несмотря на то, что теперь сатана явно для всех вооружается на нее. Мирские люди стараются приехать в монастырь поговорить, чтобы отдохнуть, получить совет, наставление, как бороться со страстями, немножко пожить в святой обители. Мирские духовники обижаются, что к ним не идут на исповедь, они, бедные, и не понимают причины этого..."

Здесь я подумал про себя: да, мирские спешат в обитель хоть на минутку, а я, грешный, здесь все время живу. Как же я счастлив! Как же и чем заслужил я это? Господи! Господи!

Всего написать не могу, да и не упомнишь. В общем, мне очень понравилось, как Владыка говорил в церкви, у о. Иосифа и у батюшки. После речи в церкви он всех нас благословлял. Вчера вечером, говорят, уехал. В миру, в Москве, я о нем слышал только плохое, ибо он черносотенец. "Теперь всюду красные идеи и рационализм, взимающиеся на разум Божий (ср. 2 Кор. 10, 5), только во святых обителях тихо". – Да, истинно сказал Преосвященный Никон.

Завтра начинается Успенский пост. Аще жив буду и сподобит Господь своей милости, буду готовиться [к Причащению]. А в миру одно время шла речь, как я слышал, об упразднении постов. Безумие! И не понимают эти люди, что исполняют злую волю диавола во вред себе и всем. Спаси, Господи, и помилуй!

1 августа 1908 г.

Прошлый год, когда еще мирскими мы приехали сюда поговорить, то пошли в больницу (и весь Великий пост мы ходили туда мыть посуду, иногда исполнять еще кое-какие послушания). Был Петров пост. Батюшка исповедовал на больнице монастырскую братию, а в то время, как мы пришли, он отдыхал в саду. Мы подошли под благословение, и Батюшка с радостью приветствовал нас. Не помню уже, о чем мы говорили. Из всего разговора удержал я в памяти одно:

– Монахи есть битые черепки. Монаха все бьют – и бесы, и мирские люди. От всех он постоянно терпит унижения и уничижения. Бьют его, и остаются от него одни битые черепки. А Господь возьмет его да и склеит; только происходит это не здесь, а там (Батюшка указал рукой на небо). Вот что такое монах.

<...>

3 августа 1908 г.

Вчера получил письмо от сестры-кумы, пишет, что крестница наша и ее мать очень больны. Из письма я понял так, что можно даже опасаться за их жизнь. Помянули их сегодня за обедней о здравии. Батюшка благословил написать письмо, и я написал: утешил как мог, сказал, что молюсь за них. Невольно вспоминаются слова апостола Павла, что живущие в миру, брачной жизнью, будут иметь "скорбь по плоти" (1 Кор. 7, 28). Вот и моя бедная кума пробыла в замужестве лет пять, не более, и сколько скорбей она понесла! В это столь короткое время она потеряла мужа и двух детей-младенцев, одну падчерицу. Каково перенести такие скорби, следующие одна за другой?! Помоги ей, Господи! Еще она, спаси ее Господи, не теряет веры в Господа, хотя сама, как говорила мне, роптала, когда муж умер.

Я перенес три смерти близких мне людей: дедушки, бабушки и папы. Более других на меня повлияла смерть дедушки: это была первая смерть, первая скорбь после счастливой детской жизни (мне было лет 11-12). Но как долго скорбеть веселому, здоровому мальчику, окруженному толпой шалунов? Две следующие смерти я перенес гораздо легче, ибо тогда, после детской впечатлительности и чувствительности, уже начало меня охватывать мое "окамененное нечувствие". Поэтому я не могу войти в положение кумы, но сочувствую ей. Спаси ее, Господи! Блажен, блажен монах, отвергший все, не знающий таких скорбей, забот, работающий единому Господу. Тем более блажен истинный монах, ибо беспечальной земной жизнью он достигнет вечного блаженства, жизни нескончаемой.

<...>

12 августа 1908 г.

7-го числа в Оптину принесли икону Калужской Божией Матери. Ее приносят, как говорят, каждый год 8-го числа в 3.30 утра. Я будил братию, и мы пошли за иконой в монастырь. Принесли ее прямо в церковь, отслужили молебен в новом храме, потом, приложившись к ней, понесли в храм Предтечи, затем к батюшке о. Иосифу и далее по келиям. Это мне понравилось. А когда ходили во время Крестного хода вокруг монастыря, было много мирских, очень суетливо. Но я знал, что быть на Крестном ходе необходимо, и потому только не ушел. Как же я рад был, когда опять вошел в Скитскую ограду! Шел я обратно в Скит с о. Арсением. Как ни осуждаю я по своей гордости скитскую братию, а все же считаю ее родною, своею. На Крестном ходу я чувствовал себя чужим и старался быть поближе к скитским, приятно было идти рядом с кем-либо из братии. Я все более и более начинаю любить Скит, и все то, что в нем прежде мне не нравилось, начинает нравиться. Слава Тебе, Боже!

15 августа 1908 г.

<...> Хотел я еще записать рассказ о. Иоанна (Ивана Васильевича Полевого). О. Иоанн – хороший человек. Однажды мы говорили с ним о смерти, и он рассказал: – Послушайте, я вам расскажу один случай (я вам, кажется, не рассказывал этого). Был у меня родственник, а у него – дочь либерального образа мыслей. Он был человек крутой, но ходил в церковь каждое воскресенье, Бога признавал, других подробностей я не могу сказать. Он заболел и был плох, но не настолько, что можно было бы ожидать его скорой смерти. Однажды дочь сидела на стуле среди комнаты, а он лежал на диване. Вдруг дочь видит: он начинает во что-то всматриваться все более и более, и на лице его изобразился ужас. Лицо приняло ужасное выражение, глаза выкатились... Он со все большим ужасом по-прежнему всматривается... и... скончался. Дочери его стало так страшно, что она убежала с

криком из комнаты и, выбежав, упала. Ее, конечно, подняли, успокоили... Очевидно, что он видел бесов. Потом, когда его хоронили, ехали в одной карете я, его дочь и старик-доктор, человек со скептическим духом, но умный. И ему эта дама рассказала, как умер ее отец, заключив: "Что же, от боли это он так изменился сразу? Чем это объяснить?" – "Нет, он что-нибудь увидел", – отвечал доктор. На самом деле, какой от боли может быть ужас? От боли может изобразиться на лице страдание, но не ужас. Спаси нас, Господи, и помилуй! (Он перекрестился). Да, как ужасен этот переход из этой жизни в мир духов для человека, живущего плотскою жизнью!..

А вот какой случай был с моим дедушкой, – продолжил о. Иоанн. – Он заболел предсмертною болезнью. И вот однажды он говорит своей жене, моей бабушке: "Аннушка! Видел я бесов!" – "И что же?" – "Да я сказал: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго! – И они от меня и побежали". Эти рассказы хорошо повлияли на меня, и я решил их записать.

21 августа 1908 г.

<...> Когда Батюшка говорил, насколько нам нужно соблюдать пост, он сказал, что надо есть досыта, только не пресыщаться:

– Кушайте, сколько требуется вам, и не смущайтесь. Измерьте свою потребность. У всякого человека своя потребность. Иному нужно сорок ложек, чтобы быть сытым, другому – двадцать, третьему – даже десять. Вот и измерьте. Удобнее всего это сделать, посчитав, сколько требуется вам ложек пищи, чтобы быть сытым. А сколько другие едят, не смотрите, – это их дело...

<...> Как-то тоже пришел я к батюшке, сказал, что было нужно, и хотел было уже уходить, как Батюшка (спаси его, Господи!) вдруг сказал:

– У меня есть до вас дело, погодите...

Затем он ушел к себе и, возвратившись через несколько минут, дал мне один фунт чая Губкина-Кузнецова, в два рубля. Мы стали говорить о чае, о чайных фирмах, и Батюшка сказал:

– Пока есть, слава Богу, большие и богатые фирмы русские, мы еще можем получать более или менее хорошие чаи. Но везде пробираются евреи. Везде кричат: "Высотский! Высотский!" А какой у него чай? – Он в чай подбавляет дубильной кислоты. Его чай в два рубля тридцать копеек, кажется, должен быть хорошим, но я сравнил его с нашим братским в один рубль шестьдесят копеек (Губкина-Кузнецова), так наш гораздо лучше. Удивляюсь, как он может конкурировать с большими нашими русскими фирмами в Москве, в Петербурге!.. Страшно подумать, чем они (евреи) будут поить нас, когда возьмут верх над русскими... Я уж не доживу, а вы доживете до таких времен, попомните мои слова.

<...>

Слава Тебе, Господи, что я здесь, в Скиту, а не там, в миру, где это чудище-мир то и дело глотает души человеческие.

<...>

29 августа 1908 г.

<...> Несколько дней назад со мной случилось несколько греховных происшествий более обыкновенного, так что я как-то почувствовал, что я – грешный человек. Прихожу вечером к Батюшке на благословение, не успел еще и слова сказать, как он сам начинает говорить:

– Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. "Боже, милостив буди мне, грешнику!" (ср. Лк. 18, 13) – вот эта молитва прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите, мытарь хоть и сознает себя грешным, но в

то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: "Я пришел спасти не праведных, а грешных" (ср. Мф. 9, 13). Кто здесь разумеется под праведными? Это, конечно, относится к людям, хотя и не сознающим своей греховности, но все-таки грешным. Но также это сказано и про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят пред Богом, мы себе даже представить не можем. Мы не можем понять, с какой ненавистью относятся они к Богу. Но "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" (Иак. 4, 6). Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или завистливым, или еще каким-либо, а сказано, что именно гордым? Потому что бесовское это свойство. Гордый становится как бы уже сродни бесу. <...>

Еще Батюшка рассказал про одну девицу, приехавшую сюда с сестрой и матерью, что она одержима бесовской силой и повредила умом, хотя ее ум, сознание, иногда возвращаются, как например, тогда, когда она была у Батюшки и очень просила его, чтобы он спас ее. Батюшка говорит: "Я спасти не могу, спасает только один Бог". – "Но ведь через вас же, Батюшка", – сказала она.

– Видите, – сказал мне Батюшка, – начинает рассуждать, а на гостинице свою мать бранит всякими скверными словами. Такого там шума наделала! Ругается, кричит, стекла в окнах побила. Какая бесовская сила движет ею!
<...>

7 сентября 1908 г.

Сегодня память старца о. Макария – день его кончины. Вчера за бдением, вместо обычного чтения поучений, Батюшка немного сказал о старце. Очень хорошо сказал. Между прочим, Батюшка сказал, что в письмах о. Макария разъясняется, как нужно читать и понимать в настоящее время святоотеческие древние писания. И Батюшка благословил всем прочесть или жизнеописание ("к сожалению, очень краткое; его жизнь вполне необъятна"), или какой-либо том его писем к монахам. "А то мы его совсем забыли" (то есть о. Макария).

Рассказал Батюшка еще, как один купец видел видение. Он видел о. Макария и о. Льва, и о. Лев сказал: "Он (то есть Макарий) превзошел меня смирением".

Всего не могу записать, некогда. Батюшка заповедал нам обращаться молитвенно к о. Макарию. И ничего не делать самочинно, без смирения и благословения старца, ибо ни пост, ни бдение, ни молитва не приносят пользы, если совершаются без смирения и благословения. "Постом, бдением и молитвою небесные дарования прием". Иным ничем нельзя получить их, другого пути нет, но к этому необходимо нужно, как основание всего, смирение. У о. Макария и было глубокое, великое смирение.

9 сентября 1908 г.

<...> Однажды Батюшка дал мне прочесть маленькую статейку (забыл уже, из какого журнала) для характеристики автора этой статьи. Она заключала в себе картины из жизни преп. Серафима, начиная с его детства и до смерти, картины, написанные поэтической рукою верующего человека. "Прочтите это, вам будет даже полезно, это вас укрепит", – что-то вроде этого сказал Батюшка.

Я прочел, мне понравилось, и с тех пор я чувствую, что стал более уважать и почитать преп. Серафима. Сколько раз мне думалось: вот истинный монах, а ты кто такой? Так ли жил и подвизался преп. Серафим, как ты живешь? И невольно подумаешь: какой я маленький, непохожий даже на монаха в сравнении с великим подвижником преподобным Серафимом.

17 сентября 1908 г.

Сегодня память св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. Теперь в Москве

бесятся. Праздник делают попойкой, весельем, исключительно плотским. В знакомых мне семьях тоже есть именинницы, и, вероятно, как и прежде, идет пир. Наступает вечер, съезжаются гости, говорят друг другу комплименты, пьют, едят и к ночи уезжают каждый в свой дом. Сколько суеты, сколько пустоты! О Боге, вере редко говорят – это неинтересно, устарело; все идет вперед, а это – детские сказки. Правда, есть люди верующие и хорошие, но большинство, к сожалению, не веруют, или веруют, да "по-новому".

Сколько раз мне так думалось... Сажу я в храме, особенно в Предтечевом и Макарьевском, мир, тишина кругом, лампадки теплятся пред святыми иконами, бдение еще не начиналось. Тихо и чинно входят братия, молятся и молча садятся на свои места в ожидании службы. Какая мирная картина! Так хорошо здесь... А там, за оградой, – суета, пустота, хотя все бегают, о чем-то заботятся, все заняты. Это еще ничего. А может быть, сейчас где-нибудь происходят убийства, грабежи, ссоры, насилия, дикие оргии пьянства и разврата. Какое забвение Бога, существования души, загробной жизни! Прежде и я находился в этом круговороте: и жил, и мог жить такой жизнью! А теперь (как благодарить Господа, не знаю) я здесь, в тихом Скиту. Воистину дивно, как Господь оторвал меня от этого страшного чудища-мира.

Вот и представляются мне такие две картины: мир со всеми его ужасами и, как полный контраст, эта тихая церковь с лампадочками в полумраке. И спокойно, радостно на душе. Слава Тебе, Боже!

18 сентября 1908 г.

Говорят, Батюшка заболел. Надо узнать наверное. Последнее время Батюшка часто ходил к утрени, на правило и обыкновенно говорил поучения, и говорил хорошо. Кое-что из этих батюшкиных поучений я думал при Божией помощи записать. Да и на благословении Батюшка давал мне маленькие наставления.

– Авва Дорофей, – говорил Батюшка, – поучает нас рассматривать свою жизнь, чтобы видеть, в каком мы устройении, много ли преуспели. Это рассматривание себя, это внимание себе необходимо. И кто этого не делает под предлогом неумения и незнания, тот пусть знает, что преуспевание заключается, главным образом, в смирении. Преуспели мы в смирении – значит идем вперед. И никто пусть не смеет отговариваться.

Оскорбил один брат другого. Рассердился, обиделся обиженный брат, идет жаловаться начальнику на своего брата, а если и не идет, то волнуется внутренне. Может быть, и ответит ему. Какое же тут смирение? Смолчать, перенести обиду, простить – вот что нужно было сделать. Это и сделал бы смиренный.

Или еще пример. Идет брат, а навстречу ему другой. Этот брат кланяется ему, а тот в это время увидел на дереве два прекрасных яблока и, машинально взглянув на брата, снова устремил свой взор на яблоки, желая их сорвать. Поклонившийся брат обиделся: "Я ему кланяюсь, а он, гордец, словно не видит, посмотрел да отвернулся, разговаривать не хочет". А тот действительно так увлекся яблоками, что как бы даже и не заметил брата, нисколько не желая и не думая обидеть его. Какое же тут смирение? Смиренный подумал бы: "Я не стою того, чтобы брат взглянул на меня", – и нисколько бы не обиделся. А у нас, значит, мало смирения.

Второй случай Батюшка рассказал мне на благословении, когда я попросил разъяснения его слов, сказанных утром на правиле.

– В каком положении тела должно проверять свою жизнь? – спросил я.

– В каком угодно, лучше же всего сидя. Выберите полчаса, сядьте и проверьте себя. Монах не может быть в одном состоянии, он нравственно и духовно идет или

вперед, или назад, ни одной минуты он не стоит на одном месте, он все время находится в движении.

Сон и чрево связаны между собой. При наполненном желудке монах много спит и просыпает более положенного. Я вам говорил и говорю: кушайте досыта, но не до пресыщения. Сыты – положите ложку. А иной уже сыт, а все-таки ест да ест, – глаза не сыты – это уже грех...

На утрени Батюшка опять говорил, что должно иметь любовь друг к другу и удаляться празднословия.

– Пророк Давид сказал: "Оскуде преподобный". Почему же оскудел? Потому что "умалишася истина, суетная глагола кийждо" (см. Пс. 11, 1-3), потому что не говорят о душеполезном, а повсюду празднословие, только и говорят о пустяках (Батюшка, кажется, сказал, что настанет такое время, когда будут говорить только об одних пустяках).

Одному иноку было видение. Стоят несколько монахов и празднословят, и видит он, что между ними и кругом их бегают грязные кабаны. Это были бесы. Потом увидел он монахов, говорящих назидательное душу, и между ними стояли ангелы светлые. Потщимся, братие, не погублять своих трудов за послушаниями празднословием, а более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: "Смирихся и спасе мя Господь". Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в одном псалме: "Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя" (Пс. 24, 18). Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда.

Я по нерадению позабыл, что Батюшка говорил о старце о. Льве, помню только следующее:

– О. Лев подвергся по клеветам недоброжелателей гонению (он – основатель старчества в Оптиной пустыни), и даже преосвященный Николай, увидев его, окруженного толпой народа, с упреком сказал ему: "Что ты делаешь?" – "Пою Богу моему, дондеже есмь!" (Пс. 103, 33). Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа. Да, батюшка о. Лев пел Богу всем строем своей жизни...

Недавно я получил письмо от одного знакомого студента Московского Университета. Он был прельщен спиритизмом, потом, по милости Божией, он бросил его. Господь избрал меня и Иванушку орудием в этом деле. Я уничтожал даже все вещи, употреблявшиеся при сеансах. Была привезена из Успенского собора святыня, отслужен молебен. Я думал, он уже твердо стал на ноги. Но, получив письмо, вижу, что он снова в ужаснейшей прелести: он сладостно молится, видит Самого Христа, видит кресты с Распятием и тому подобное.

Я показал Батюшке письмо.

– Страшное письмо, – сказал Батюшка, прочитав его. – Мне подумалось, что Господь приездом вашим в Скит отвел вас и от него (студента). И прежде трудно было жить в миру, а теперь почти совсем невозможно. Или неверие и беспечность, или прелесть, если кто старается жить по вере. Благодарите Бога, что вы здесь. Вот он пишет: "Как вы живете?" – Как? Попросту. Да, будем стараться, чтобы в келии у нас все было просто. Простые бревенчатые стены, ну, ничего еще, если и обои есть... А главное, позаботимся, чтобы внутренняя наша келия была проста, чиста, без всяких обоев.

<...>

23 сентября 1908 г.

Сейчас, когда я читал в церкви Псалтирь, туда пришел по делам Батюшка. В ожидании пономаря Батюшка немного поговорил со мной.

– Вот сообщают, – говорил Батюшка, – что в одном монастыре Екатерининской пустыни, недалеко от Москвы, в 10 часов утра убили игумена и его келейника и

благополучно ушли. Да, по теперешнему времени им, пожалуй, еще и награду дали бы за ловкость. Теперь как-то особенно стали нападать на монастыри. Но надо ожидать ужасов. Теперь стараются уничтожить смертную казнь. Когда это будет сделано, тогда будут призваны ко власти все прежние "деятели" (кажется, так). Одна монахиня, уже мантейная, видела сон (или видение, я забыл). Ей явилась Божия Матерь и говорила, что должно ожидать ужасов. Это было в 1899 году. За шесть лет Она предсказывала русскую революцию, что и исполнилось. "Да и вообще, – сказала Она, – этому тленному миру недолго существовать: терпение Моего Сына и Господа истощается". Да, можно и этого ожидать...

Еще стоят монастыри, как какие крепости. Будучи еще мирским, я как-то пожил дней шесть в пещерном Черниговском монастыре, что за Сергиевой Лаврой: готовился, исповедовался, насколько это возможно мирянину, и приобщился. После принятия Святых Тайн мне было отраднo, легко на душе. Передо мной лежала Псалтирь в русском переводе. Я раскрываю и читаю: "Кто введет меня в укрепленный город" (Пс. 59, 11), "во град ограждения" по-славянски. Тогда мне подумалось: да ведь это (то есть монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование и действительно оказалось, что это так.

26 сентября 1908 г.

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 20 лет. <...> Помню, в миру на большие праздники: Рождество Христово, Пасху и другие, а также на именины и дни рождения мне бывало скучно, не знал что делать, а без дела, конечно, скучно. Не понимал я, что духовный праздник обязательно требует и утешения духовного, помимо утешения телесного, допустимого, конечно, в меру, а не до забвения всего духовного, как почти всегда бывает в миру. Но я теперь, слава Богу в Скиту.

В миру большинство, даже верующие люди, не верят в существование бесов, а здесь – это несомненная истина. <...>

27 сентября 1908 г.

<...> Один раз, когда я каялся батюшке, что проспал лишнего, час ли или около этого, не помню, Батюшка сказал мне:

– Это вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преп. Серафима Саровского, и преп. Ефрема Сирина, который составил всем известную молитву: "Господи и Владыко живота моего". Смотрите, что он поставил на первом месте: "Дух праздности", – и, как последствие праздности, "уныния не даждь ми". Это – лютый бес. На вас он нападает сном, а на других уже наяву – унынием, тоской. На кого как может, так и нападает. Ведь вы не можете сказать, что вы находитесь в праздности?

– Да, Батюшка, почти нет минуты свободной.

– Ну, вот он на вас и нападает сном. Ничего, не скорбите.

28 сентября 1908 г.

Я уже писал, что некогда живший у нас в корпусе студент Московской Академии Виталий Степанович Ставитский желает принять монашество. Он говорил о своем намерении Батюшке, и Батюшка благословил. Затем он вскоре уехал и присылает батюшке письмо (это было в начале сентября), что 12 сентября предполагается его постриг в мантию. Батюшка рассказал мне об этом на благословении.

– Вот прислал мне Виталий Степанович письмо, – говорил Батюшка. – Сообщает, что будет постриг, просит молитв в этот день за себя. "С тех пор, как вы меня благословили, – пишет он, – то радостное состояние души, тот душевный мир, который я ощутил тогда, когда выезжал из вашего Скита, продолжается еще до сих

пор". Ведь я тогда на его вопрос о постриге сразу сказал: "Господь благословит". Иногда сомневаешься, не сразу решаешься сказать то или другое, а в этот раз я тотчас же сказал: "Бог благословит". У него настоящий русский, прямой, открытый, рыцарский характер. Из него выйдет хороший инок и хороший епископ. Да и ваше не уйдет. Сейчас, конечно, военная служба помешает, а там можно будет вздохнуть, да и я еще, может быть, протяну. Помогите вам Господи. <...> Вечером. Сейчас пришел с благословения. Батюшка позвал меня не в очередь, прежде других, пришедших раньше. Я вошел. Батюшка стоял пред не завешенным окном, около икон.

– Смотрите, какая картина, – начал он, указывая на луну, светящую сквозь деревья. Это осталось нам в утешение. Недаром сказал пророк Давид: "Возвеселил мя еси в творении Твоем" (Пс. 91, 5). "Возвеселил мя", – говорит он, хотя это только намек на ту дивную, недомыслимую красоту, которая была создана первоначально. Мы не знаем, какая тогда была луна, какое солнце, какой свет... Все это изменилось по падении. Изменился весь видимый мир. Ангелы не утратили своего первоначального состояния, они не изменились, разве только перемена в том, что они окрепли в борьбе. Дьявол же даже после своего падения мог являться на небе, среди блаженных духов, но кроме пронырства и клеветы от него там ничего не было. <...> Вот уж воистину непостижимая благодать и долготерпение Божие. И только когда Христос был распят на кресте, тогда пришел дьяволу конец: "Се видех сатану, яко молнию, спадшаго с небес" (см. Лк. 9, 18), – сказал Господь Своим ученикам. Мы не знаем, какие волнения производит дьявол среди людей – христиан, магометан, иудеев, – среди небесных планет и других тел. Ученые открывают, что лопнула такая-то комета, померкло такое-то солнце и тому подобное. А почему, неизвестно. У дьявола еще осталась ужасная сила. И, воистину, только смирение может противиться этой силе.

5 октября 1908 г.

Как-то вечером на благословении, после исповедания мною моих немощей и прегрешений за истекший день, а, может быть, еще и за прежнее время, Батюшка начал говорить мне о самоукорении. Из батюшкиных слов я вообще заметил и понял, что нужно укорять себя за свои немощи и смиряться, всячески гнать от себя уныние, расслабление. Что бы ни случилось, унывать не надо, а сказать все старцу.

– Бог простит, – говорил Батюшка, – Бог простит. Укоряйте себя. Укорить себя нетрудно, а некоторые и этого не хотят. Перенести укор от брата труднее, а самому укорить себя нетрудно. Хотя если мы и будем укорять себя, но не будем бороться со страстями – будем есть сколько хочется, спать сколько хочется, то такое самоукорение, как незаконное, не принесет пользы. Если же мы укоряем себя, борясь со страстями, хотя и побеждаясь немощью и впадая в согрешения невольно, то такое самоукорение законно. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрестанно идем вперед.

Нам осталось одно: смирение. Время суровых подвигов прошло, должно быть, невозвратно. Вот, например, о. Вассиан принимал на себя суровые подвиги, иногда не топил келию, постился всю Четырдесятницу, но, несмотря на все это, никаких дарований не имел. А батюшка о. Макарий и в келии имел обыкновенную температуру, и не постился особенно, и келейников иногда распекал, когда они были виноваты, а за смирение имел много духовных даров – дар исцеления, изгнания бесов, дар прозрения – хотя и не принимал никаких особенных подвигов. Нам и остается только смиряться. <...>

14 октября 1908 г.

<...> Как-то на благословении Батюшка спросил у меня:

– Как вы думаете, кому труднее всего жить в простоте?

– Гордыне, Батюшка.

– Нет, вообще, при всем на то желании?

– Не знаю.

– Настоятелям. Быть настоятелем чрезвычайно трудно.

А как-то прежде, уже давно, Батюшка между прочим сказал:

– То время, когда я был послушником, было самое блаженное. Знал я только церковь, трапезу, послушание и свою келию.

<...> Пришел ко мне на днях о. Агапит и говорит, что батюшка о. Амвросий (он сам от него слышал) говорил, что "антихрист не за горами..." Вот, когда я слышу об антихристе, настоящем тяжелом времени, об ужасах, коими полон мир, о смерти, ее возможной для всякого неожиданности и ее неизвестности, сначала как бы ужасаюсь, останавливаю на этой мысли ум, даже как бы решаю вести себя лучше, настраиваюсь готовиться на всякий случай... Но все это не надолго. Как-то очень быстро убегает эта мысль, убегает, не оставляя никаких следов.

16 октября 1908 г.

Теперь, когда я начал исполнять новое послушание письмоводителя, я пью утренний чай у Батюшки. Иногда разговор, несколько отходя от дел по послушанию, касается духовной жизни и монашества. Так, например, Батюшка говорил о монашестве:

– Не все монашество заключается в подряснике да каше. Надел подрясник, стал есть кашу и думает: "Я теперь монах". Нет, одно внешнее не принесет никакой пользы. Правда, нужно и носить монашескую одежду, и поститься, но это не все! Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения – светить. Пожалуй, ее кто-либо толкнет и разобьет в темноте. Чего же не достает? Огонька! Правда, необходим и керосин, и фитиль, но, раз нет огня, если она не зажжена, она не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве: одна внешность не приносит пользы, необходим внутренний огонек. О. Анатолий говорил, что "монашество есть сокровенный сердца человек".

19 октября 1908 г.

<...> Как-то при мне Батюшка спрашивает у брата Никиты:

– Есть нищие?

– Да.

– Это хорошо! Пока помогаем мы нищим, слава Богу, все хорошо. И на обитель жертвуют, а как нет нищих, то и пожертвований нет... Я так замечал...

Я записал только смысл слов. У нас в Скиту братии запрещено подавать милостыню. Это меня несколько смущало прежде, а теперь нисколько, ибо Батюшка за всех подает.

Замечательно правильное наставление батюшки о. Амвросия: "Смущение нигде в числе добродетелей не написано, и происходит оно от того, что причина, от которой смущение рождается, ложна". Это правило я уже несколько раз видел подтвержденным моим собственным опытом.

Однажды Батюшка, показывая мне письмо, написанное, видимо, нарочно коверканым поддельным почерком, сказал:

– Вот письмо. В нем меня обзывают самыми площадными, ругательными словами. Особенно за мои собеседования в монастыре. Думаю на того, на другого... Но кто бы это ни был, в любом случае – он мой благодетель. Может быть, Господь за это

простит мне что-либо из моих грехов...

Это, вероятно, написано было каким-либо монастырским монахом. Я неоднократно понимал из батюшкиных слов, что на него, то есть Батюшку, были гонения, что его не любили. А еп. Трифон, благословляя нас на монашество, сказал:

– Вы знаете, что есть партия против о. Варсонофия? Если к вам придут такие и будут что-либо такое говорить, то вы прямо в ноги им: "Простите, мы не можем осуждать старца".

Я уже забыл его слова, но смысл тот, чтобы не принимать осуждающих старца, избегать их и не слушать, не обращать на них внимания.

22 октября 1908 г.

<...> Батюшка сказал:

– Жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений, обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства: перед нами множество шкатулок, а ключей нет. Были (или есть, я не запомнил) такие люди, которым открывалось это.

25 октября 1908 г.

Вчера на благословении я каялся Батюшке, что проспал раннюю обедню в монастыре. На это Батюшка ответил:

– Бог простит. Укоряйте себя.

– Батюшка, как же, собственно, надо укорять себя?

– Как укорять? Очень просто. Совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а вам останется только согласиться, что плохо сделали, и смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении.

– Да, Батюшка, сначала станет как бы неприятно. Укоришь, обличишь себя, а через короткое время забудешь об этом, как будто ничего и не было.

– Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорять себя так. Наше дело – укорить себя хотя бы на очень короткое время, а остальное предоставим Богу.

А ведь были святые отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение. Но нам до этого далеко. Когда мы себя укоряем, мы исполняем силы, становимся сильнее духовно. Это закон духовной жизни. Как в нашей телесной жизни мы подкрепляем силы пищей, так и в духовной жизни наши духовные силы подкрепляются самоукорением. Вы только приняли пищу в желудок, а как пища переваривается в питательные соки, как ваше тело питается ими, вы не знаете.

Точно так же и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению св. отцов, есть невидимое восхождение, но почему и как – мы не знаем. Это – закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее. А что такое самоукорение? – Смирение. А что такое смирение? – Это риза Божества, по слову Лествичника. Мы касаемся этой ризы тогда, когда укоряем себя. <...>

26 октября 1908 г.

<...> Запишу кое-какие батюшкины наставления:

– За гордостью, словно по пятам ее, везде идет блуд.

Только тогда хорошо жить в монастыре, когда живешь внимательно (кажется, Батюшка так сказал и прибавил: "Вот я вам и говорю: начинайте со смирения"). Есть грехи смертные и не смертные, смертный грех – это такой грех, в котором если ты не покаешься и в нем застанет тебя смерть, то ты идешь в ад, но если ты в нем покаешься, то он тебе тотчас же прощается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает, и ожить может только от покаяния. Грех для души – то же, что рана телесная – для тела. Есть рана, которую можно

улучшать, которая не приносит телу смерть, а есть рана смертельная. Смертный грех убивает душу, делает ее неспособной к духовному блаженству. Если, например, слепого человека поставить на месте, с которого открывается чудный вид, и спросить его: "Не правда ли, какой чудный вид, какая красота?" – слепой, конечно, ответит, что не чувствует этой красоты, так как у него нет глаз, нет зрения. То же самое можно сказать о неспособности души, убитой грехом, к вечному блаженству.

29 октября 1908 г.

Приходится разговаривать с Батюшкой между делом, или за чаем, иногда за обедом. И как после разговора с ним мне становится понятно, ясно то, что для меня неразрешимым вопросом было! Прямо глаза открываются.

– У батюшки о. Амвросия спросили, – говорил недавно Батюшка, – что такое монашество? – "Блаженство", – отвечал он. И действительно, это такое блаженство, более которого невозможно представить. Но монашество не так легко, как некоторые думают, но и не так трудно и безотраднo, как говорят другие...

Еще в миру я написал стихотворение, посвященное батюшке о. Амвросию "Блажен, кто путь свершая...", и, отпечатав в Казани, прислал ему. Затем, когда я приехал к нему в Оптину пустынь и напомнил о стихотворении, он сказал мне:

– А стихотворение привез?

И указал пальцем на грудь. Я ощупал карман в мундире и говорю:

– Нет.

– Как же это так: "нет"!?

– Да так, Батюшка, нет.

– Гм, нет! Как же это так?

Я тогда ничего не понял. А когда мне сказали, что о. Амвросий ничего не говорит понапрасну, даже в шутку, я спросил об этом о. Иллариона и о. Иону, каждого порознь, и они дали мне одинаковые ответы, именно:

– При вас – значит, у вас в сердце, то есть исполняете ли вы то, что написано в стихотворении, соответствует ли ваше внутреннее устройство описываемому? Тогда я понял, в чем дело. Понял, что стихотворения действительно при мне нет, а при батюшке о. Амвросии оно, конечно, было.

<...>

– Я говорю на утрени мое убогое слово, – говорил Батюшка, – чтобы не понести ответа на Страшном Суде за молчание. Это моя обязанность.

Действительно, я удивляюсь только, как Батюшка глубоко во все смотрит, замечает всякий, даже малейший недостаток и, если возможно, старается его исправить. Я говорю про недостатки вообще в Скиту.

2 ноября 1908 г.

Я недавно узнал у самого Батюшки, что он писал стихотворения, и они есть в печати листками. Одно из них, "Иисусова молитва", мне очень понравилось. Другие, которые я читал, не так нравятся мне. Об этом стихотворении я как-то и говорил с Батюшкой.

– Здесь нет ничего сочиненного, – говорил Батюшка, – все это вылилось у меня из сердца. Вам, вероятно, особенно понравился конец... Это состояние – переход к внутренней молитве в сердце – нельзя передать на словах так, как оно есть на самом деле. Его поймет и может понять только тот, кто сам его испытал... Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий, идущий этим путем, испытывает скорби. Раз решился идти этим путем, пошел – то не ропщи: если встретятся трудности, скорби – нужно терпеть...

Допустим, нужно пройти Козельск (это, вероятно, Батюшка сказал только так, для

примера). Есть два пути (здесь-то и предположение): один – лесом, другой – полями. Лесом – сухая дорога, но в обход идет, а полями, хотя и значительно ближе, но встречаются болота. Вы решаетесь идти полями, желая прийти поскорее, но не пеняйте тогда на себя, если придете в Козельск с одной галошей и мокрый. Так и здесь, надо быть готовым на все.

В стихотворении говорится: "И ты увидишь, полный изумления, иной страны сияющую даль..." Да, именно "полный", то есть все существо человека исполнится изумлением, увидев "иной страны сияющую даль". Я откровенно говорю вам: так уж я теперь, пожалуй, не напишу...

<...> Сегодня в конце литургии Батюшка сказал маленькое слово-поучение, делая оговорку как бы в извинение, что, хотя и не приняты у нас в Скиту такие слова за литургией, он все-таки говорит, находя это необходимым. Содержание слова было такое же, или почти такое же, как однажды за утреней, именно: поведение инока в Скиту, в особенности в праздники; чтение святоотеческих книг, научающих разуметь заповеди Христовы и тем любить Самого Христа; воздержание от хождения без крайней надобности в монастырь и по келиям: "Сиди в своей келии, и она всему тебя научит".

В утренней проповеди Батюшка напоминал о смирении:

– Старайтесь быть всегда готовыми к смерти, ибо смерть близка и к старым и к молодым, и к монахам, и к мирянам одинаково. Часто она приходит внезапно и неожиданно. Пусть каждый подумает, что будет с его душой.

Батюшка оба раза упоминал о книгах и указывал почти одни и те же книги: "Авва Дорофей", Федора Студита, "Лествица", "Варсонуфия и Иоанна", "Отечник" Игнатия (Брянчанинова), и другие, которые я не упомянул.

Недавно Батюшка дал почитать мне книгу "Жизнь и подвиги о. Александра, старца Гефсиманского скита". Батюшка раскрыл книгу на месте, где говорилось о скорбях и гонениях для всех, желающих идти путем старческого окормления. Прочтя эти строки, Батюшка сказал мне:

– Это ведь и у нас!.. Что же в других-то монастырях?! Вот, Бог благословит, читайте. Это – золотая книга!

5 ноября 1908 г.

<...> За обедом Батюшка говорил:

– Состояние до получения внутренней молитвы описано мною в стихотворении. Это состояние хаотическое, ужасно тяжелое. Игра на скрипке, если кто умеет играть, очень приятна, но при учении игре на скрипке – убийственные звуки. Так и это состояние есть как бы настройка инструмента, начальные гаммы. Инструмент есть, рояль раскрыт, готов, перед нами ряд белых клавиш... – Игрока нет. Кто же этот игрок? Бог. Нам должно подвизаться, а Господь по обещанию Своему: "Приидем к нему и обитель у него сотворим" (см. Ин. 14, 23), – придет к нам, и наш инструмент заиграет.

Про эту музыку часто говорится в псалмах: "Крепость моя и пение мое Господь..." (Пс. 117, 14). "Пою и воспою Господеви..." (Пс. 26, 6). "Пою Богу моему дондеже есмь..." (Пс. 103, 33). То пение – пение неизглаголанное, чтобы его получить, и идут в монастырь и получают, но один через пять лет, другой через десять, третий через пятнадцать, а четвертый через сорок лет. Бог даст, и вы получите, по крайней мере, вы на дороге к нему.

Вам на военную службу надо – ничего. Пойдете, отслужите, еще больше узнаете, какая на этом чудище-звере шкура. Иногда она переливается разными цветами: и голубыми, и розовыми и другими. И люди бегут на нее, а зверь, то есть мир, раскрывает свою пасть да и пожирает их. А вы не обманывайтесь этими переливами, зная, что это только шкура... И опять воротитесь сюда...

Я теперь уже не имею возможности выходить и ходить по Скиту ночью... Вот смотрите, какая задумчивая аскетическая красота – этот наш храм (старый). Здесь все хорошо, не наглядись... Приходит мне на мысль бросить все и уйти, но боюсь. "Зачем ушел с часов", – скажет Господь. Надо терпеть. Быть может, те души, которым Господь определил спастись через меня, не спасутся, если я уйду... Господь может брать во орудие и грешного человека, на все Его воля... Боюсь уйти самочинно...

Этот разговор начался с вопроса батюшки: "Сколько у нас в Москве дома роялей?" Тут мне припомнился мой товарищ по гимназии. Он был человек не высокой нравственности: неприличные разговоры, анекдоты, карточки, плохие умственные способности, весь его вид наружный, отношение видимое к религии, его ближайшие сотоварищи, отзывы о нем моих товарищей – все это подтверждало плохое мнение об его нравственности. Однажды он принес скрипку в класс. Надо заметить: он прекрасно играл на скрипке, он был по природе музыкант. Итак, однажды за отсутствием преподавателя вышло у нас свободное время, и этот товарищ мой по просьбе всего класса стал играть. Он играл наизусть, без нот. Лишь только раздались звуки, он весь переменялся, в нем не стало заметно обыкновенной легкомысленности, смешливости, он стал серьезен. Это заметили многие.

Вот это я и рассказал Батюшке, а отсюда и пошел весь наш разговор.

– Видите, – сказал Батюшка, – видите, как может отрешать от земли музыка. Что чувствовал внутренне ваш товарищ, если он даже внешне изменился? Этих его чувств никто не может понять, если сам их не испытает, а если так отрешает от земли музыка, то тем более молитва.

<...>

8 ноября 1908 г.

Сейчас за обедней Батюшка опять сказал краткое слово, напоминая нам о смысле и значении нашего иноческого призвания.

– Св. Иоанн Лествичник говорит: "Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру".

Вспомните, что мы должны быть светом миру, что наше грядущее назначение быть царями и священниками. Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель...

Батюшка мне говорил, что его прошлое слово, сказанное за обедней, некоторым не понравилось.

Я помню, прочел у Игнатия (Брянчанинова) слова преп. Исаака Сирского: "Что есть чистота? Чистота есть сердце, исполненное милости о всяком создании. А что есть милостивое сердце? Это – горение сердца о всякой твари, о человеках, о птицах, о животных, о бесах, словом, о всяком создании". Я невольно остановился на слове "о бесах" и спросил об этом Батюшку:

– Как можно чувствовать милость к бесам, когда они ищут нашей гибели, когда говорится в псалмах: "Совершенною ненавистью возненавидех" (Пс. 138, 22)?!

– Заметьте, это не сам еп. Игнатий говорит, – отвечал Батюшка, – а он приводит только слова Исаака Сирского. Это единственный святой, который молился о бесах. Но как молился? Можно молиться, чтобы Господь уменьшил их муку, ослабил ее по неизреченной Своей милости (Батюшка говорил, как еще можно молиться, но я позабыл). Затем, того, что можно этому великому святому, нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех орел. Подобно орлу, и св. Исаак парит между святыми. Нам молиться за бесов опасно. Знал я одну начальницу общины. Она молилась за бесов. Я предостерегал ее. Она не послушалась и продолжала. Вскоре бесы стали являться ей и благодарить за молитвы о них. Последствием всего этого было то, что она пала с одной сестрой своей обители однополым грехом, а

затем стала с этой же сестрой, которая была крещеная еврейка, заниматься спиритизмом. Конечно, обе они ушли из общины. Смотрите, как плохо они кончили...

9 ноября 1908 г.

<...> У старца Александра Гефсиманского спросили: "Можно ли держать у себя в келии святую воду, просфору или что-либо подобное?" Он отвечал отрицательно.

Прочтя это, я спросил у Батюшки:

– Как относиться к сему, ибо у меня имеются подобные предметы?

– Ничего, Бог благословит. Можно иметь, наши старцы благословляли. У старца Александра хотя и говорится, что нельзя, но это частное мнение. Может быть, он пролил когда-либо святую воду и во избежание сего на будущее время и решил не иметь ничего подобного. А наши старцы благословляли, ведь это делается с благою целью, – сказал Батюшка.

Сейчас прочел у еп. Игнатия (Брянчанинова) о кончине мира. Когда я читаю его сочинения, я удивляюсь его прямо ангельскому уму, его дивно-глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом. "Душа по природе христианка", она чувствует истину.

Те места Священного Писания, которые мною или вовсе не понимались, или понимались превратно, о смысле и отношении которых к жизни я имел весьма туманное представление, становятся для меня очень понятными и ясными. Конечно, не все, ибо некоторые требуют опытного понятия и духовного разума, которого у меня нет. Кроме того, я опять-таки не могу понять смысл какого-либо текста всецело. Ибо св. Петр Дамаскин говорит, что смысл Священного Писания открывается разным людям в различной степени, притом одному открывается в данном тексте одно, другому – другое, третьему – третье. Но всю глубину и весь смысл Священного Писания знает всецело только один Бог, Который и открывает его Своим избранникам по мере надобности. Этим самым, между прочим, св. Петр и объясняет кажущиеся разногласия в писаниях св. отцов, ибо они, действительно, только "кажущиеся", так как все св. отцы стремились к одной цели и достигали ее. Значит, я могу понимать настолько, насколько это мне нужно, но, надеюсь, понимаю правильно. Не читающие подобных книг остаются часто в полном неведении духовных предметов и явлений, и какое горестное это неведение! И это неведение, можно сказать, царствует в миру. Может быть и есть исключения, но обыкновенно это неведение, как некий страшный яд, разлито всюду.

Я родился, рос, воспитывался в хорошей, благочестивой, верующей семье, но не имел ни малейшего понятия о духовной литературе, даже о ее существовании. Когда мы впервые уже собрались ехать в Оптину, к нам на квартиру зашел о. Гавриил. В разговоре за чаем он сказал, что первым делом нам дадут прочесть Авву Дорофея. "Авву Дорофея?" – подумал я, слыша первый раз это имя, и мне представилось, что это какая-нибудь такая дрянь, что ее только и можно в печку бросить. И как не горестно, таковы были мои понятия.

Все мои познания, приобретения, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в Скиту. Здесь, в Скиту, я приобрел более чем за всю мою жизнь в миру, более чем в гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил девятнадцать лет, а в Скиту не живу еще и года. Великая, поистине великая милость Божия, что Господь привел меня сюда, в Скит! Чем я лучше моих, например, родных? Они живут в миру и едва ли не заблуждаются, а я, недостойный, питаюсь обильно духовной трапезой. Мне много дано, но много и

взыщется. Поэтому я должен помнить, зачем я здесь живу, я должен помнить, что не я делаю кому-либо одолжение, снисхождение, живя здесь, а мне делает Господь великое снисхождение, что позволяет находиться в Скиту!

Здесь хорошо. Конечно, люди везде люди, поэтому и в монастырях, следовательно, и в нашем Скиту живут не ангелы, а люди, имеющие каждый свои пороки и греховные наклонности. Но мне до этого дела нет. Прежде говорили: "Внемли себе – и довольно тебе". Чужие грехи и в миру очень удобно замечать, а вот свои грехи распознать да увидеть – это монашеское дело. А к этому здесь все удобства. И Батюшка говорит, что наш Скит, пожалуй, единственный такой во всей России (и от других приходится слышать это же). И не только духовная жизнь мне нравится, но куда бы ни обратил взор – все словно родное. А что было прежде?! Однажды я помогал пономарю в Предтечевом храме. Со мной был о. Кукша. Не помню, о чем мы говорили, запомнилась мне только одна фраза: "Как вспомнишь о старом, так даже заплачешь!" – сказал о. Кукша. Это свидетельствует, как хорошо ему было прежде. Но для меня старое – мир, а настоящее – Скит, и я благодарю Бога!

15 ноября 1908 г.

Вообще, в последнее время Батюшка не раз говорил о смерти. <...>

– У меня начинают отекают ноги, это вестник приближающейся смерти.

Говоря это, Батюшка казался совершенно спокойным, а я невольно задумался. Еще как-то Батюшка говорил, что он начал сильно слабеть под вечер.

– Иногда едва сижу, – говорил он.

Также Батюшка не раз говорил:

– А туда с чем идти?

Все это заставляет меня думать о смерти Батюшки. Тяжело согласиться, примириться с этой мыслью. Это будет для меня тяжелая утрата, конечно, если Богу угодно будет, чтобы я пережил его. Желал бы я только одного: чтобы Батюшка скончался при мне, то есть, или до моей военной службы, или когда я уже возвращусь с нее, но по батюшкиным словам последнее едва ли возможно. Еще прошлой зимой Батюшка говорил:

– Молю Бога, чтобы мне протянуть еще годик, или полгода, чтобы вы окрепли, стали на ноги.

С того времени прошло уже более полгода. Обо всем этом я не раз хотел поговорить с Батюшкой и разрешить связанные с его возможной смертью вопросы: чтобы меня не раздавила эта скорбь, не привела в отчаяние, чтобы немного подготовиться к ней, чтобы знать, где и как поступить.

16 ноября 1908 г.

<...> Вчера, когда я писал у Батюшки, он, читая письмо какой-то девушки, бывшей у него, рассказал мне про нее следующее. Эта девица прекрасно играет, она любит классическую музыку.

Кого вы больше всего любите играть? – Спросил ее Батюшка.

Бетховена, Гайдна, – отвечала она.

А есть музыка еще лучше.

Какая же? Моцарта?

Нет, еще лучше.

Может быть Баха?

Нет, нет.

Какая же? Не знаю.

Музыка души!

Души? Музыка души? Что же это за музыка?

Это покой души. Тот самый покой, про который говорится в Евангелии: "Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Мф. 11, 29-30). Вот этот самый покой. Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Ну вот, покой души = блаженство. Это – музыка, гармония всех душевных сил.

Так вот – какая музыка!

Так она мне понравилась! – продолжал Батюшка. – Такая милая девушка! Вот придет одна такая, и все позабудешь: и тяжести, и скорби. С другими приходится все говорить "сказку про белого бычка". Вы знаете эту сказку? (Я отвечал утвердительно.) Ну вот, а такая душа сразу все поймет... Вы понимаете меня?

Да, Батюшка.

Ах, матушка моя! Я вас за то и люблю, что вы меня понимаете. Есть и еще те, которые меня понимают...

Потом как-то Батюшка говорил мне:

– Все в Евангелии, кроме первого, более ясного смысла данного текста, имеет еще другой, более скрытый, таинственный смысл. Вот, например, евангельское повествование об изгнании из храма продающих и покупающих имеет, прежде всего, конечно, тот смысл, что Христос, видя бесчинство в храме, возмутился и, взяв бич, прогнал из него продающих и рассыпал деньги меновщиков. Но это знаменовало, было образом изгнания иудеев из ветхозаветной Церкви (кажется, Батюшка сказал "ветхозаветной"). Так что они, будучи изгнаны из Церкви, остаются вне ее и погибают. Несмотря на то, что были избранным Божиим народом, ныне – отверженный и проклятый. Только "остаток", сказано, "спасется" (см. Рим. 2, 27). Их проклятие и отвержение ясно доказываются тем, что где они ни появляются, везде чувствуется разложение нравственное, государственная измена и все что хотите...

Сейчас я говорил с Иванушкой, и этот разговор заставил меня вспомнить многое позабытое, на что в свое время не было обращено внимания. Первым моим духовником был протоиерей о. Сергей Ляпидевский, уже скончавшийся, вторым – его сын о. Симеон Сергеевич. Несмотря на религиозность мамы, бабушки, дедушки, папы – они нас редко посылали в церковь, особенно зимой, боясь простуды. А ребенок сам пойти не может. Нас и баловали, и ласкали, но вольничать не позволяли, уйти без спросу мы не смели.

Однажды на исповеди, кажется, о. Симеон сказал мне, что необходимо ходить в церковь по праздникам: "Это долг перед Богом". Я поразмыслил об этом и согласился. С тех пор я стал часто ходить в церковь, даже в будни, когда был свободен. Ходил я также и к вечерним беседам по воскресеньям. Правда, ходил больше из "интереса", но все ж иногда бывало что-то вроде умиления. Помню, однажды за беседой, я, стоя на клиросе, слушал проповедь и заключил в конце концов так: "Как бы я провел время дома, не знаю, а здесь я услышал душеполезное".

Услышав однажды о грехе суеверия, я приложил слышанное к жизни и отверг все суеверное, например, приметы. Услышав же о грехе воззрения на девушек и женщин с похотением, я даже опечалился, – ведь это доставляло мне удовольствие. Как быть? Смотреть грешно, а не смотреть – лишит себя удовольствия. И решил я, что смотреть можно, только без похотения. Такой сделкой со своей совестью я как бы успокоился: взяла верх плотская сторона.

Затем представилось новое искушение: предложили мне учиться танцевать, но танцы назначались как раз во время вечерни. Куда склониться? Помню, был 6-й глас на "Господи воззвах" – в то время мой самый любимый догматик: "Кто Тебя не ублажит". И туда, и туда хочется. Долго я боролся, долго был в

нерешительности, и... (о позор, позор!) пограл я совесть и пошел танцевать. Совестно вспомнить. Как враг старается удалить от церкви, даже если ходишь, но с равнодушием.

Этого священника Симеона Сергеевича во время моего напускного озлобления на всех и вся я почти ненавидел, а ведь он первым побудил меня к хождению в церковь.

Что я поступаю в монастырь, никто не верил, да я и сам считал это чудом и милостью Божией. Один мой бывший друг, человек неверующий, с "красными" убеждениями, озлобленный на родителей, сказал мне однажды: "Где я покончу, трудно предположить: на виселице ли, под поездом ли, или еще где, не знаю. А ты, вероятно, женишься, обзаведешься детьми..." Я тогда согласился с ним. Но слава Богу, что избавил меня Господь от сего.

– Хорошо вы сделали, что не женились, ушли от мира, – не раз говорил Батюшка, а однажды прибавил: – Вы не знаете, какая сложная жизнь женской души.

Я все более и более начинаю понимать, какое счастье, что я в Скиту.

Батюшка как-то говорил, что одному святому было видение, как вкушает братия пищу: кто ест и ропщет, тот вкушает пищу, как навоз. Кто не ропщет, но и не благодарит, для того пища – ни то, ни се. А вот кто ест и благодарит, тот вкушает пищу, как мед. То же самое относится и к монашеской жизни. Только тому хорошо жить в монастыре, кто благодарит Бога за Его милосердие, за то, что Он вселил его в монастырь, что оторвал от мира. А кто ропщет на свою жизнь, тому в монастыре очень тяжело жить.

Батюшка благословил все время читать жития святых, когда же прочту все 12 книг, тогда начинать опять сначала. Благословил читать "Лествицу", затем преп. Феодора Студита, Варсонофия и Иоанна преподобных.

Сейчас Батюшка ушел в монастырь на проповедь.

18 ноября 1908 г.

<...> Вчера Батюшка говорил о новом поколении.

– В нем замечается отсутствие памяти, неспособность к математике и вообще ко всем наукам. Профессора и учителя постоянно на это жалуются. И объясняется это не чем иным, как ранним сожителем. Страшно подумать, некоторые почти в десять лет начинают "жить", часто встречается сифилис. Разлагается, тлеет, вымирает новейшее поколение. Хотят без Бога жить. Ну, что же? Плоды такой жизни очевидны!

Когда в Оптиной была мама, она спросила Батюшку, пробудут ли они (то есть я и Иванушка) в монастыре все время? Мама беспокоилась, думая, что монастырская жизнь будет нам не под силу, что она может нам скоро наскучить. На это Батюшка маме ответил:

Пробудут, если Бога не забудут.

Мне об этом рассказывал сам Батюшка.

19 ноября 1908 г.

Может быть, я где-нибудь уже и записал то, что хочу сейчас записать, но повторюсь, ибо это дело великой важности.

– Батюшка, я часто осуждаю всех, кто делает даже хорошее. Часто хороший поступок я перетолковываю в плохую сторону.

– Бойтесь подозрительности! Дьявол, возобладав человеком, доверяющим своим предположениям и подозрениям, может показывать ему, чего на самом деле и не было. Помните, у аввы Дорофея есть рассказ?

Помню.

– А когда вам дьявол указывает на чужие недостатки и немощи и побуждает вас к

осуждению, вы говорите себе: "Я хуже всех, я достоин вечных мук. Господи, помилуй меня!" И даже если будете говорить это без чувства, то все-таки нужно так говорить.

<...>

24 ноября 1908 г.

<...> Утром Батюшка говорил мне следующее:

– Замечательно то, что когда человек теряет благочестие и веру христианскую, он сходится с евреями. Ясным примером этого могут служить все наши либералы – все стоят за евреев. Дружба с евреями произошла и у Юлиана Отступника, когда он отвергся Христа. Оно и естественно, переходить на сторону врагов Христа тем, кто Его отвергается. Замечательно то, что история заклеила сего нечестивца прозвищем "Отступник". <...>

26 ноября 1908 г.

<...> Как-то я с Батюшкой стал говорить о нотном пении в церквях. Я лично его не любил и не люблю, как развлекающее мысли и внимание молящегося, вследствие чего не могущее способствовать молитве. По крайней мере это я должен сказать относительно себя. Кроме того, если придется удачно пропеть, то этим самым дается повод к тщеславию, если же неудачно, то – досада и раздражение. Такого же мнения и Батюшка:

– Нотами поющие связываются по рукам и ногам. Нет свободного творчества, чувства. Как только появляются на сцену "картесы-распартесы", все пропало (таким словом Батюшка назвал, по-видимому, всю совокупность нотных названий, терминов). Мне говорил Преосвященный Никон, бывший у нас, что он не любит нотного пения и не позволяет петь по нотам у себя. Разве только сочинения Львова и Турчанинова.

Я уже забыл подробности, только помню то, что Батюшка не одобрял нотного пения.

27 ноября 1908 г.

<...> Прихожу к Батюшке, сказал, что было нужно, и сам Батюшка начал говорить следующее:

– Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волею, всеми душевными силами человека. Одна барынька рассказывала, что был у нее сын. Был очень религиозен, целомудрен, вообще, был хороший мальчик. Сошелся с товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать. Очевидно, что это посторонняя сила, сила злая. Источник ее – диавол, люди же являются только орудиями, посредством. Это антихрист идет в мир, это – его предтечи. Про это Апостол говорит: "Пошлет им духа заблуждения, духа лестча... зане любви истины неприяша..." (см. 2 Фес. 2, 10-12).

Что-то мрачное, ужасное грядет в мир... Человек остается даже как бы беззащитным; настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает. Все эти забастовщики... Даже внушается самоубийство и совершается. А почему это происходит? Потому что не берут оружия в руки: не имеют при себе Имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову да крестное знамение: "Это такие археологические древности, совершенно отжившие свой век, ведь мы..."

Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго", и открывайте помыслы. Все св. отцы говорят, что проходить Иисусову молитву без проверки никак нельзя. Имя Иисусово разрушает

все дьявольские приращения, ибо они не могут противиться силе Христовой. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему так и как это происходит, мы не знаем, знаем только, что это действительно так. <...>

Был у нас в Скиту один блаженный иеромонах. Выйдет он вечером и начнет ходить по Скиту. Конечно, творил Иисусову молитву. Ходит, ходит и слышит: в монастыре заблаговестили к утрени, и он пойдет на правило. Все св. отцы говорят, что ночь способствует молитве. Силы души как-то не развлекаются. Этот иеромонах говорил, что "услышишь, как 12 часов пробьет". Вообще ночью хорошо молиться...

Проверка при Иисусовой молитве должна, главным образом, состоять в откровении помыслов (я так понял). Например, помысл говорит: "Что ты так молишься? Надень вериги, только чтобы никто не знал". Наденет, и сразу самомнение: "Несть, якоже прочие человецы. Я!" И пойдет это "Я" повсюду и все погубит. А ведь следовало этот помысл открыть. "Нет, – сказали бы тебе, – лучше быть помирнее да укорять себя. Не надо лучше никаких вериг", – и спасен от самолюбия и возношения. <...> Главное и самое первое – смиряйтесь и смиряйтесь...

28 ноября 1908 г.

Сейчас на благословении я сказал про тщеславные помыслы, беспокоящие меня особенно во время моего келейного правила:

– Я стараюсь читать по возможности не спеша и вникая в смысл читаемого. Часто вот и приходит такая мысль, что будто я читаю и кто-либо из родных или знакомых слушает меня и даже видит, хотя я их не вижу. При этой мысли я начинаю более вникать в смысл читаемого, иногда даже прибавляется чувство, вообще я начинаю читать лучше. И мне представляется, что слушающие остаются довольны моим чтением, – вот это я Батюшке и сказал.

– Да, это тщеславие, с которым надо бороться. Не принимайте этой мысли.

– Как же мне это не принимать?

– Не принимать – значит не обращать внимания. Этот бес не сразу отстанет, – все равно как собака: ее хлещешь, гонишь от себя, а она все идет да лает, так и бес тщеславия. Не обращайтесь внимания. А если вы видите, что начинаете читать лучше и с большим чувством, то обращайтесь к Богу с благодарением и самоукорением. Тогда этому бесу нечем будет попользоваться от вас, и он уйдет. Но не совсем, он вас не оставит и на следующий раз опять пожалует. Да, у монаха все время идет брань в помыслах!

Преп. Иоанн Лествичник считает тщеславие не отдельною страстью, а присоединяет его к гордости. "Тщеславие, усилившись, обращается в гордыню. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый становится бодрым" и т.п. Св. Иоанн Кассиан Римлянин, замечая это, удивляется лукавству, хитрости и злобе этого беса. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились! Например, батюшка о. Амвросий около себя имел всегда палочку, и когда кто-либо начинал говорить могущее возбудить тщеславие, он брал палочку и начинал ею помахивать. Его спрашивали:

– Зачем вы, Батюшка, палочкой-то машете?

– Да вот, я думаю, что скоро она по твоей спине прогуляется.

– Да, да.., оставим лучше, Батюшка, этот разговор.

– Ну вот, так-то лучше.

<...>

1 декабря 1908 г.

<...> Батюшка сказал мне сейчас, что, словно чума, словно некая душевная

болезнь, нападает на всех уныние, тоска, жизнь становится не мила, решаются на самоубийство, не хочется ничего делать. Батюшка в пример привел какую-то барышню, бывшую у него.

– Сидит целый день в углу без дела. "Что же вы чувствуете?" – "Тоску". А ведь красавица, богата, недавно окончила гимназию с золотой медалью. Может быть, была влюблена, ибо после этого бывает что-то вроде сумасшествия. Нет. И истинная девственница... Спаси, Господи, и помилуй! – Батюшка перекрестился. Это, должно быть, действительно очень тяжелое состояние, но я его по Божией милости не испытал. <...> Как мне надо благодарить Господа за Его великие милости к моему окаянству?!

2 декабря 1908 г.

<...> Батюшка мне благословил читать "Лествицу". Действительно, это дивная, глубокая книга: чудное доказательство плодотворности послушания, ибо она написана за послушание. Так вот, я недавно прочел в ней такие слова: "Не избегай рук того, кто привел тебя к Господу; ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения" (4, 72). Я подумал: "Кто же меня привел к Господу? Кто меня вскормил духовно (если так можно сказать)? Кто мне открыл глаза на жизнь? Кто мне показал иночество, конечно, настолько, насколько это все может понять моя спящая, если не мертвая душа? За кого я держусь?" Это – Батюшка. Я к нему чувствую и любовь, если только я могу любить, и расположение, я ему обязан тем, что я не в миру, я ему обязан более чем кому-либо другому.

<...>

6 декабря 1908 г.

Сегодня День моего ангела, и Господь сподобил меня Своей великой милости: принятия Христовых Таин вместе со всею братиею. Служил и Батюшка и перед благодарственными молитвами после обедни сказал короткое слово. Вот оно вкратце:

– Мы сподобились, – говорил Батюшка, – великой милости Божией. Мы слышали, как сейчас говорил диакон: "Прости приимши Божественных, Святых, Пречистых, Бессмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Таин, достойно благодарим Господа". Но как мы можем достойно благодарить Господа? Поистине страшное и неизреченное совершилось сейчас Таинство. Господь возлюбил нас, окажем и мы Ему любовь. А на тех, кто любит Господа, указал нам Сам Господь Иисус Христос, сказав: "Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте" (см. Ин. 14, 15). Значит, любить Господа и исполнять заповеди Господни – одно. Весь закон, все подвиги, всё, всё сводится к одному: "Возлюби!" Отцы и братья, старайтесь иметь любовь и святыню между собою. "Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный".

<...>

Еп. Феофан, да и другие отцы учат, что когда благодать коснется человека, в нем появляется ревность к богоугождению. Если он не подавит ее, то появятся дела. И эти дела он будет совершать легко, ибо собственно не он, а благодать за него будет совершать их. Эту легкость телесных деланий испытал на себе и я, но я ничего не понимал: ни сущности этих деяний, ни цели, ни причины. Не заметить изменения было невозможно, но я или приписывал это себе, или не обращал на это внимания. Теперь я вижу, что я был под особым действием благодати в миру до приезда в Оптину в первый раз, во время всего нашего пребывания в Оптиной, затем, во время нашего пребывания в миру после Оптиной. Не знаю, как хранила меня благодать, только бывали заметные расслабления.

Наконец, при поступлении в Скит Божия благодать опять воздействовала. Быть может, в миру благодать и более помогала мне, но ее действие было только охранительное, дабы я не погряз совсем, а внешних, видимых проявлений, кажется, не было. И теперь Господь хранит меня, но начинает отнимать от меня благодать, дабы испытать силу и твердость моего произволения. Теперь я кое-что понял, прозрел немного, чем я обязан Батюшке и чтению книг святоотеческих по его благословению. Я понял, что монашество есть непрерывная борьба, непрестанное умерщвление плоти, и я, помня это, должен готовиться к борьбе и скорбям.

Еп. Игнатий говорит, что подвижник по Божию смотрению, подвижник Христов значительную часть жизни проводит в скорбях, часто очень тяжелых. Поэтому мне надо запастись терпением. Мне припоминается, что когда я еще был мирским, Батюшка, вероятно, испытывая меня, во время нашего последнего приезда в Оптину, начал мне указывать на трудности, скорби и искушения, связанные с монашеством, советовал мне подумать. Я не скрыл от Батюшки моих сомнений и спросил его:

– Смогу ли я при Божией помощи перенести все это, то есть сообразно ли с моими силами будут попущены мне искушения и скорби?

– Конечно, так.

– Если так, – сказал я, – то я согласен (на монашество).

Это было 9-го декабря, насколько помню. Я все еще благодушествую, значит, скорби впереди, если будет угодно Господу продлить мою жизнь. Нельзя мне попускать себе расслабления, иначе при нашествии скорбей я буду совершенно не подготовлен к ним и могу пасть под бременем их. Я имею в виду расслабление душевное и телесное, и душевное даже более, ибо вся жизнь монаха внутри него, все делание монаха внутреннее делание, а внешнее воздержание и подвиги есть только пособие.

Недавно Батюшка мне рассказал про батюшку о. Амвросия, что он очень любил уху из свежей рыбы.

– Иногда ему посетители приносили даже животрепещущей рыбки. Вот некоторые и скажут: "Какой же это монах? Уху из свежей рыбы ест?!" А про него вот что известно (этому свидетель о. Анатолий, ныне здравствующий, он был у о. Амвросия келейником). О. Анатолий и о. Исаия читали однажды батюшке Амвросию молитвы попеременно, то один, то другой. Когда читал о. Исаия, о. Анатолий видит, что о. Амвросий стоит на коленях на воздухе, а не на кровати. Он удивился, быть может, испугался, и когда окончилось правило, он спросил о. Исаию: "Видел?!" – "Видел!" – отвечал тот. Значит, это было на самом деле. А ведь любил уху, да и так, по внешности, был как простой монах.

Вот и батюшку о. Анатолия (покойного) тоже видели молящимся на воздухе. Видел его о. Тимон. Видел и испугался старик. (Батюшка улыбнулся). Из этого я заключаю, что эти старцы были велики именно вследствие своего внутреннего делания, которое неизмеримо выше внешних подвигов, которые даже может заменить телесная немощь, так как их цель "держать в порядке окаянную плоть", по изречению преп. Петра Дамаскина.

Однако, я очень расписался, да простит меня Господь, если чем согрешил во время сего писания, ибо тщеславие всюду следует за мной. Скажу об этом Батюшке.

<...>

14 декабря 1908 г.

Батюшка мне не раз говорил, что про него распускают различные клеветы и выдумки, иногда очень смешные и глупые, не имеющие ни малейшего основания.

Например, в Шамордине про Батюшку говорят, что "он всякую картошку описывает", то есть что он очень скуп и жаден. А это вовсе не так, даже совсем наоборот. Теперь, проводя все утро с Батюшкой, я имею некоторую возможность видеть его жизнь полнее. Иногда приходится слышать и хозяйственные распоряжения. Причина такой выдумки – Батюшкина аккуратность и точность в хозяйственном и в особенности в денежном деле. Причина же такой аккуратности и точности есть та, что Батюшка смотрит на себя, как на приказчика, доверенного св. Иоанна Крестителя. Хотя Батюшке часто жертвуют со словами: "Это лично вам", – а Батюшка говорит: "Я связан обещанием нестяжания и не имею права копить капитал, а все идет на братство". <...>

Келейная жизнь Батюшки отличается простотой. Так же он прост и в обращении с братией.

– Простота была во времена первого монашества в обращении аввы с учениками. Авва был отцом, а не господином или начальником, к которому нельзя подойти. Эта же простота была и при наших старцах в нашем Скиту. Потом, уже после о. Амвросия и о. Анатолия, эта простота стала исчезать. Теперь мне даже говорят, что я слишком просто обращаюсь. А я иначе как-то и не могу. Если же некоторые злоупотребляют моей простотой, то я не виноват. Не могу же я из-за некоторых стать в холодные формальные отношения ко всем. Вы как об этом думаете?

– Я, Батюшка, согласен с вами вполне.

Этот разговор происходил летом еще в старом нашем корпусе. Был вечер. У Батюшки выдалось свободное времечко, и мы с ним ходили по Скиту, а потом посидели. Этот самый вечер может служить доказательством простоты Батюшки: мы гуляли как отец с сыном, разговор самый простой, искренний, что на уме, то и на языке. Ни малейшей натянутости не было между нами, но Батюшка не терял своего старческого достоинства, а я своего почтенного уважения к нему.

Несмотря на всю простоту отношений, я все-таки был ученик, Батюшка – старец. Между прочим, в этот вечер Батюшка высказал такую мысль:

– Нехорошо, когда монастырь богат. Есть на пропитание – и слава Богу. При богатстве забывается Бог, а когда денег-то нет, тогда почаще обращаешься к Богу и Иоанну Крестителю с молитвой.

Однако я начал с того, что про Батюшку распускают клеветы. Так вот, однажды Батюшка, только что услышав о себе новую клевету, сказал мне:

– Все может быть. Может быть, вы будете впоследствии духовником. Так вот я и говорю вам: опасайтесь женского пола. С ним надо быть чрезвычайно осторожным. Так сплетут, так сплетут... и смысла-то никакого нет... Недаром св. пророк Давид поет: "Избави мя от клеветы человеческия и сохрани заповеди Твоя..." (Пс. 118, 134). Значит, клевета препятствует даже совершению заповедей.

Также говорил и в другой раз:

– С ними (т.е. с послушницами и монахинями) надо быть очень осторожным. Мне они жалуются на о. Иосифа [Литовкина], а о. Иосифу – на меня. Однажды мне келейник о. Иосифа говорит: "Вы, Батюшка, пожалуйста, им ничего не верьте. Все врут". Также они и у себя в монастыре шатаются по келиям да занимаются сплетнями. Скажи неосторожное слово, они перетолкуют по-своему и передают в измененном уже виде другой, та – третьей и так дальше, а в конце концов получится такая сплетня, что подобного и предполагать ничего нельзя было. Это постоянно... Но я при этом должен сделать оговорку, что такое шатание продолжается до той поры, пока она еще не встала на монашеский путь. Как только она встала на монашеский путь, получила монашеское устройство, все это кончается и она прямо пойдет, как по рельсам. Но некоторые до получения монашеского устройства живут одни один год, другие два года, пять лет, десять, иногда даже двадцать лет. У кого есть задатки получить быстро монашеское

устройство, то Господь иногда дарует его и через год, другие никак не попадут на рельсы: подбежит к ним, посмотрит и убежит. Но когда попадет на них, то пойдет по рельсам. Иногда (кажется, так сказал Батюшка) они лучше нашего, сильнее. Есть монашенки очень высокого устройства.

Вчера Батюшка перебирал только что отпечатанные свои стихотворения, я спросил у него:

– Благословите мне, Батюшка.

– Вот вам, – сказал он и дал мне четыре листка с четырьмя стихотворениями (первое из них о батюшке о. Анатолии) и отдельно 28 листков со стихотворением "Молитва Иисусова".

– Батюшка, зачем мне много? – говорю я.

Батюшка сначала на это мне ничего не ответил, но несколько секунд спустя (едва ли прошло более полминуты) сказал:

– Я хочу, чтобы вы шли этим путем.

15 декабря 1908 г.

<...> Говорили о тщеславии, о том, что слава бесполезна даже святым (не прославленным, например о. Амвросию).

– Ибо человек удобопреклонен к злу, и сердце человека, даже святой жизни, может немного как бы склониться к славе: "А может быть, и правда я такой?!" – и все пропало. Поэтому батюшка о. Амвросий имел даже при себе палочку, которая гуляла по спинам не только простых монахов и мирян, но даже и иеромонахов. Батюшка о. Анатолий даже захворал, и постоянно молился, дабы изгладил Господь из его ума и самую мысль о слышанном им про видение, бывшее о. Иоанну Кронштадтскому, что вместе с ним (т.е. о. Анатолием) служили два ангела во время литургии. Почему же? Боялся самомнения, боялся мысли: "Я-де вот какой!" Конечно, тогда бы все пропало.

19 декабря 1908 г.

<...> Запишу кое-что из того, что говорил Батюшка.

– Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять скоро возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом, – таким окоченелым, и живет. А женщина так не может. <...>

Есть какая-то таинственная связь у народа с царем. Какой нравственности царь, такой и народ. В лице народа карается Господом царь, и в лице его народ...

Нередко архимандриты и игумены впадают в страсть копления денег, да и диавол здесь еще влагает лукавую мысль, что надо под старость кое-что оставить. И погибают от этого. Поэтому этого очень надо беречься...

<...> Сегодня память трех отроков, вышедших из печи невредимыми, – говорил также Батюшка, – и меня Господь сподобил уйти из мира, который есть печь страстей, именно в этот день. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклоняться идолам, поэтому их Господь и вывел из нее невредимыми. Также и мы, монахи – и я, и вы – вышли из мира, конечно, потому, что не хотели поклоняться идолам. А идолы там везде расставлены: идол блуда, идол гордости, чревоугодия и т.д. Будем молить Господа, да сподобит Он нас Царства Своего Небесного. А там красота, которую воистину и "око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша..." (см. 1 Кор. 2, 9).

Однажды Батюшка с Преосвященным Кириллом, пораженные в Казани чудным видом в лунную ночь, невольно перешли к разговору о вечной, нетленной красоте в Царстве Небесном. "А там-то как?! А там-то как, Павел Иванович?!" – говорил Преосвященный Кирилл.

– И теперь конечно, наслаждается он там, чего мы здесь даже вообразить не можем себе. Блаженная душа! С ним я любил побеседовать... Да вот и с вами поговорить доставляет мне все-таки утешение...

20 декабря 1908 г.

Сегодня с Батюшкой приключилась большая скорбь. <...> Когда на несколько минут выдалось свободного времени, я снова пришел к Батюшке. Он сказал:

– К празднику всегда враг старается сделать неприятность, скорбь. Кому удар, кому щелчок, всем старается что-нибудь "преподнести для праздника". И чем живешь внимательнее к себе, строже, тем сильнее вооружается враг. В особенности к празднику чем-нибудь да угостит. Всего надо ожидать, ко всему готовиться. Но Господь милостив, да к празднику и подарки раздаются. И вы что-нибудь получите, только вы это заметите лет через сорок, может быть. Тогда вы узнаете, какой дар Господь послал вам на этот праздник.

Батюшка не раз говорил мне, что к нему приходят "блаженные души". Да и вообще при разговоре неоднократно употреблял это выражение. А вчера Батюшка объяснил мне, почему он называет их блаженными.

– Я их называю блаженными, потому что у них есть великое сознание своей немощи, греховности и при этом сознании – твердая вера в Бога.

А также недавно говорил следующее:

– Был человек богат, стал вдруг нищим. Это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным, и это поправимо, ибо и с нищим, и с больным есть Христос. А потеряешь веру – великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека уже никакой опоры.

21 декабря 1908 г.

Нужды материальной я никогда не испытывал. Даже напротив, от пелен до смерти дедушки, то есть до 10-13 летнего возраста, я жил чуть ли не в роскоши. Кроме того, был любимцем бабушки, кажется, и дедушки. Одним словом, мне хорошо жилось. Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшения – все это радовало меня. Но хорошо помню один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак, горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я ем конфеты, в комнате тепло... Но я знаю, что есть такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или голодные сидят в холодных подвалах... Мне так тяжело становилось от этой мысли, сердце болезненно сжималось, и я старался как можно скорее отогнать от себя эту мысль. Да, я тогда гораздо более чувствовал, чем теперь.

Помню еще, что как-то в Рождественский сочельник мне было как бы грустно, скучно. Трудно выразить то состояние словами: ничем не хотелось заняться, я ходил из одного угла комнаты в другой, неудовлетворенность какая-то, но вполне безотчетная. Теперь, я думаю, что душа моя жаждала духовного утешения, ибо в церкви я не был ни за какой службой в тот день, даже за бдением... Да, чувствительна детская душа, хотя она и бессознательна, но любит Бога. И блаженны те дети, чьи родители учат их молиться, говорят о Боге, читают духовные книги. К таким блаженным детям принадлежал и я. Правда, в церковь нас водили редко, насколько помню, но дома мы обязательно молились и утром, и вечером. Молились вслух при маме, и каждый из нас по очереди прочитывал наизусть маленькое правило. Насколько помню, оно было таково: "Царю Небесный", "Отче наш", "Богородице Дево, радуйся", "Заступнице Усердная", обращение краткое к своему святому и св. Николаю Чудотворцу, молитва о здравии всех

поименно, начиная с дедушки, кончая младшим братом. Когда дедушка и бабушка умерли, прибавилась еще молитва о упокоении. Больше сейчас не припомню, но кажется, что-то еще было. Кроме этого, нам читали, помимо светских книг, жития святых, Евангелие. Последнее читала нередко моя теперешняя кума, когда она еще была нашей горничной и отчасти нянькой. Все это великое счастье, которого у многих нет, которого я прежде совершенно не сознавал.

Я вижу, что все благоприятствовало мне в духовном отношении, поэтому я жестоко и очень жестоко отвечу и расплачусь, если не принесу должного плода, ибо "ему же много дано, много и спросится", и "ведевый волю Господню и несотворивый биен будет много" (см. Лк. 12, 47-48). Знай сие и помышляй, о окаянная душа! Помни, зачем ты пришла в монастырь, ибо Господь поругаем не бывает.

23 декабря 1908 г.

<...> 20-го числа скончался великий светильник земли русской – протоиерей о. Иоанн Кронштадтский, скончался на память св. Игнатия Богоносца. До нашего Скита весть об этом дошла только 21 декабря. Как только узнали, сейчас же Батюшка пришел в церковь (за вечерней в воскресенье) и была отслужена панихида. После панихиды Батюшка сказал краткое слово об о. Иоанне.

– Он был светильник "горяй и светяй", он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова Апостола: "Сила Божия в немощи совершается" (2 Кор. 12, 9).

Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из сей жизни на день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом, или имел одинаковый с ним дар. Так и о. Иоанн скончался на день памяти св. Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой внутренней молитвы... Помолимся по силе о упокоении его души...

Больше что-то не припоминаю. А вот на что я обратил вчера внимание: мы оделись в подрясник на день перенесения мощей св. Игнатия Богоносца, и припомнились мне слова Батюшки:

– Я хочу, чтобы вы шли этим путем, то есть путем Иисусовой молитвы.

<...>

Говорили потом о евреях, как они заблуждаются, видя в Священном Писании только одну внешность, не понимая внутреннего смысла, то есть того, что Ветхий Завет

– прообраз Нового <...>. Батюшка привел мне текст из Евангелия:

– Филипп Апостол уверовал в Господа и возвестил благовест о Христе Нафанаилу, но тот не поверил. А когда Господь сказал ему: "Прежде даже не возгласи тебе Филипп, суца под смоковницею видех тя" (Ин. 1, 48), – он уверовал. Господь, видя веру его, "рече ему: Зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши, больша сих узриши" (Ин. 1, 50). Эти слова относятся ко всем, и я вам говорю: "Больша сих узрите". Это начало очищения ума, когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, чего он даже и не предполагал. Господь постепенно снимает покров с внутренних очей.

Вот Георгий Затворник, хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что однажды писал: "Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать; там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Священное Писание все тайнами повито..." Да... Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы сначала одну чешуйку, затем другую, третью и так далее, вот также и в Священном Писании: уразумел человек один смысл, за этим смыслом есть другой, более глубокий, за вторым третий и т.д. Вот как Господь просвещает разум своих подвижников.

28 декабря 1908 г.

Как-то Батюшка говорил мне о том, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, то есть что помимо голых фактов есть глубокий прообразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека. Так, например, переход евреев через Чермное море прообразовал собою новозаветное крещение, без которого никто не может войти в Царство Небесное.

Этот факт, переход через Чермное море, действительно был. Дело было так. Евреи подходят к морю. Сзади их преследует фараон со всем воинством, с других сторон пустыня – может быть, и есть проход, но чрез дикие племена, что представляет немалую опасность. Одним словом, евреи в очень стесненном положении. Что делать? Куда идти? И вот Моисей получает от Бога извещение (как он получил, мы знаем) (Исх. 14, 13-16) и ударяет по морю жезлом. Он ударил и как бы начертал прямую линию в вертикальном направлении. Море расступилось до дна, и евреи по дну моря, как посуху, начали переходить между двумя стенами вод. Сколько верст так они прошли по дну моря, не знаю, но все-таки их переход продолжался не час, не два, а более продолжительное время.

Итак, евреи сначала сошли на дно моря, потом стали подниматься на другой берег, а фараон с войском решил преследовать их по дну моря. Таким же образом начали сходить на дно моря египетские войска, а евреи уже начали выходить. Наконец все евреи вышли, а египтяне погрузились. Тогда Моисей получает опять от Бога повеление ударить жезлом. И он ударил так: взял обеими руками жезл и, держа его в горизонтальном положении, ударил им в сторону, повелевая таким движением сомкнуться водам. И действительно, воды сомкнулись, и все египетское войско с фараоном во главе погибло в водах. "И ни один от них избысть" (см. Исх. 14, 28).

Так вот все это было и составляет внешнюю сторону факта. А внутренний смысл был таков. Первое движение Моисеева жезла начертало вертикальную линию, а второе – горизонтальную. Обе линии вместе составляют крест. Понимал ли это Моисей, исполнивший в точности Божие повеление? Надо полагать, что понимал – единственный человек из всех ветхозаветных.

Вся совокупность этого события, как я уже сказал, прообразовала Таинство крещения. Человек при крещении погружается в воду и оставляет в купели, которую прообразовало Чермное море, всю свою греховность: оттуда он выходит совершенно чистым, святым. Таким образом, фараон с воинством означали насилующий человека грех, власть диавола, ибо до крещения, то есть до искупления человека Христом, все были под властью диавола, независимо от праведности их жизни. Крещением человек освобождается от всего этого, как израильтяне избавились от фараона, выйдя из моря в безопасности от погони.

29 декабря 1908 г.

<...> Также говорил мне Батюшка, что один не то епископ, не то еще кто-то, имеющий-таки священный сан, сказал следующее: "Правда, в Церкви у нас нет теперь живых источников пророчеств, но знамения времен есть, которые и даны нам для познания времен и которые ясно видны имеющим духовный разум". – Смотрите, например, на евреев, какое к ним отношение. Пятьдесят лет тому назад евреи молчали, их не было слышно. В Пруссии, не то в Австрии еврея всякий мог без всякого наказания обидеть, даже убить. Я не говорю, что это законно или хорошо, я хочу только сказать, насколько бессильны и ничтожны были они... И почти вдруг такую приобрели силу. Не знамение ли это времени? Ведь

они существовать начали не вчера, не пятьдесят лет назад, а несколько тысячелетий. Они были отвержены со времени Распятого Христа и Его Воскресения, – и почему они не могли приобрести такой силы в десятки столетий, какую приобрели в столь короткое время? Не знамение ли это времени?!
Всюду упадок, разложение. Антихрист явно идет в мир. И этого в миру не признают. Так, ссылаются на то, что подобные времена бывали и прежде, и ничего, однако, не случилось особенного. Так и теперь: "Это пройдет, пустяки, давайте пить чай с конфетами..." Ужасная беспечность! Сядут они, а через полчаса Страшный Суд! Что тогда будет с ними? Отсюда, из монастыря, виднее сети дьявола, здесь раскрываются глаза, а там, в миру, действительно, ничего не понимают. Возблагодарим Создателя, что мы отошли от мира, этого чудища!

30 декабря 1908 г.

Я давно хотел переписать сюда стихотворение Батюшки "Молитва Иисусова". Вот и решил наконец:

"Ее начало – тесный путь.

Душе тревожной негде отдохнуть:

Болезни и труды, великие страданья,

Смущений вихрь, презренье, порицанье

Подвижника встречают; видит он,

Как скорби восстают со всех сторон,

И он стоит, исполненный сомнений,

Тревожных тяжких дум, недоумений,

Томлением объятый и тоской.

Неведомы ему ни радость, ни покой,

И помощи не ждет он ниоткуда,

Как только от Спасителя Христа.

А злобные враги кричат ему отвсюду:

"Уа! Да снидет со креста!"

Мой друг о Господе! Дерзай!

Не прекращай великой, тяжелой битвы,

И поле бранное отнюдь не покидай

Не оставляй божественной молитвы!

Пребуди в подвиге до смерти, до конца.

Победа ждет тебя, духовного борца.

Души твоей да не смятутся кости,

Да не колеблются ея твердыни и столпы,

Когда приступят к ней злокозненные гости,

Бесовских помыслов несметные толпы,

Всемощным именем Господним их рази;

Гонимы Им, рассеются врази!

Покрывшись мудрости исполненным смиреньем,

Сей ризою нетленной Божества,

Невидимым врагам душевного спасенья

Не доставляй победы торжества!

Безропотно терпи обиды и гоненья.

Не оставляй прискорбного пути -

Духовных благ священного залога;

Живи для вечности, для Бога,

Единой истинной и вечной Красоты -

Всю жизнь Ему всецело посвяти.

Откинув ложные надежды и мечты,

Мужайся в подвиге суровом
И узришь жизнь во свете новом.
И час пробьет, настанет время,
Духовная твоя умолкнет брань,
Страстям невольная, мучительная дань,
И с радостию ты поднимешь бремя
Напастей, бед, гонений и скорбей.
В душе твоей, свободной от страстей,
Исчезнут тяжкие сомненья и тревога,
И свет духовный воссияет в ней,
Наследнице небесного чертога.
Мир чудный водворится – рай,
И с Господом ея свершится единение.
Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль.
Страны живых, страны обетованья,
Грядущего за подвиг воздаянья,
Желаний твоих край..." (Странник)

Это стихотворение мне очень нравится, мне нравится его глубина, сила. Мне нравится оно потому, что оно – поучение, утверждающее и поднимающее силы читающего. Это самое верное, истинное воззрение на молитвенный подвиг. Этот взгляд я усвоил себе, помог бы только Господь осуществлять его по мере сил на деле.

Мне это стихотворение дал прочитать в первый раз брат Кирилл. Я взял листочек, думая, что это стихотворение простое, обыкновенное, хотя, судя по заглавию, и духовное, и не мог предполагать этой глубины. Я начал читать, и, когда прочел, мое сердце откликнулось, как чему-нибудь родному, дорогому, хотя я тогда еще и не знал, что его написал Батюшка. Я сразу увидел, что здесь не одни пустые только красивые слова, а что это – "дух животворящ" (см. 1 Кор. 15, 45).

Впоследствии я, читая его, стал замечать глубокий смысл в самих выражениях. Да, действительно, "здесь нет ничего сочиненного, все это вылилось из сердца", ибо "от избытка сердца глаголют уста" (Мф. 2, 34).

1 января 1909 г.

<...> Однажды, когда я беседовал с Батюшкой, он, между прочим, объяснил один текст из Евангелия от Луки: "И проходит сквозь безводные места, ища покоя, и не обретает" (Лк. 11, 24).

– Что разумеется здесь под "безводными местами"? Души людей слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. Дьяволу неинтересно соблазнить и навести на грех такого человека, для которого согрешить не только мыслию и словом, но и делом, есть дело обыкновенное. Такого человека он вводит в грех без всякой борьбы, как, обыкновенно, действует он в миру. Наконец он опять решается возвратиться к тому человеку, из которого он исшел, и приходит... Когда он исшел из этого человека, человек ощутил умаление борьбы со страстями, они его как бы перестали тревожить. И он предался рассеянности, перестал внимательно следить за собой, впал в беспечность. Вот в таком-то состоянии его и находит, возвратившись к нему, дьявол. Видя его не готовым к борьбе с собой, пользуясь его беспечностью, дьявол идет и берет с собой еще семь духов злейших себя, и "вшедше, живут ту, и бывает человеку тому последняя горша первых..." (Лк. 11, 26). Поэтому всегда надо внимать себе.

Не помню хорошо, кажется, Батюшка говорил, что такой человек, по утишении

страстей, дал место в себе гордости, что и способствовало тому, что он пришел, наконец, в такое бедственное положение.

После трапезы Батюшка обратился к нам с кратким словом. Передал благословение от архипастыря и высказал пожелание, чтобы мы проводили жизнь по возможности монашескую, шли к единой необходимой цели – спасению души, в горний Иерусалим, ибо других целей, надежд и упований у нас и не должно быть.

4 января 1909 г. Воскресенье.

<...> Как-то Батюшка сказал следующее:

Недавно к Батюшке пришел исповедоваться и побеседовать монастырский иеродиакон о. В. После исповеди о. В. говорит:

– Благословите, Батюшка, я буду к вам ходить.

– Да ты ведь и так ходишь!

– Нет, Батюшка, ходить на откровение помыслов. Я их никому никогда не открывал. А теперь иногда спрошу что-либо у старших – они смеются. Вот я и решил просить у вас благословения ходить к вам на откровение помыслов...

Рассказывая это мне, Батюшка сказал:

– Он говорит мне про монастырь, а я думаю: про монастырь что и говорить, ведь и у нас в Скиту то же самое.

Вот и я лично слышал следующее. Когда мы жили еще в старом корпусе с братом Иваном, келейником о. Иосифа, мы шли однажды к Батюшке на благословение. По мирской привычке я громко разговаривал. И между прочим, я стал говорить об откровении помыслов. Тогда брат Иван, шедший до сих пор спокойно, одернул меня за руку, сказав:

– Тише... Здесь не любят откровения помыслов.

Это было уже почти год назад, я, может быть, слова не так передал, но смысл верен. Замечал я и другие недостатки в духовной жизни братии Скитской. И что это действительно недостатки, я заключаю из того, что Батюшка однажды мне сказал следующее:

– Наш Скит во внешнем устройстве вполне благоустроен, а в духовном строе есть пробелы.

Видя эти недостатки, я невольно по свойственной мне немощи, осуждаю братию, хотя и чуть-чуть борюсь с осуждением, но как-то не могу равнодушно смотреть на это, ибо иногда огорчаюсь при мысли, что это у нас, у нас в Скиту!

Также недавно Батюшка говорил:

– Теперь редко с кем из монахов можно поговорить о Боге, о вечной жизни...

Так... только простой, обыкновенный разговор...

Все это я пишу для того, чтобы видно было, как упало монашество, что оно мало теперь походит на монашество первых времен, что теперь и можно только спастись смирением, терпением и откровением помыслов, ибо никаких подвигов у нас нет.

Это мне говорил Батюшка и объяснял ослабление монашества ослаблением и развратом жизни в миру, ибо естественно, что слабый мир и дает слабых монахов.

Вот, например, я. Какой я монах, какой я послушник, я даже не похож на монаха!

Не велика моя жизнь, но так как я жил с самого рождения все время в миру и притом еще в городе, то он, то есть мир, оставил на мне свою печать.

Иногда приходят минуты, когда я начинаю чуть-чуть сознавать то, что я сейчас написал...

<...>

31 декабря Батюшка говорил мне о евреях, о их хитрости, пронырливости, о некоторых их тайнах, например о их ожидании в скором времени их мнимого мессии-избавителя. Я об этом ничего не знал, даже не предполагал ничего подобного. Это мне открыло глаза на дело, а дело это не пустяк. В заключение

всего разговора Батюшка сказал мне:

– Я это вам для того говорю, чтобы вы знали, что такое монастырь, и что такое мир. Там ничего не знают. <...>

И вот представляется мне иногда следующее: я спокоен, я знаю, что теперь вьюга, мороз, но в келии все равно тепло. Стены не пропускают холода, только слышно, как в трубе воеет ветер. И появляется какое-то невольное чувство радости, что я не на морозе, а в теплой келии. Подобное чувство я ощущал в миру... С этого внешнего чувства я перехожу на духовное, внутреннее и думаю, что весь Скит с его плохонькой деревянной оградой есть теплая уютная общая келия, где все мы греемся и радуемся, что мы не в миру, ибо там мороз, там веют вихри ложных, пагубных учений, унося из души бедного неопытного юноши все хорошее, святое. Там всякому грозит опасность замерзнуть духовно, там редко кто согреет. Там метель, которая совершенно засыпает глаза, так что они ничего не видят, там слепнет человек. Там буря зла...

И слава Богу, что я здесь. Я постоянно должен благодарить Бога, помня, где я, и откуда вывел меня Господь.

7 января 1909 г. Среда.

Прошли, пролетели, промелькнули святые рождественские дни. Прошли, то есть отошли в вечность. Прошли как-то очень быстро. День летит за днем, и времени не заметно.

– Это оттого, что наши старцы, – говорил как-то Батюшка, – очень мудро распределяли время в течение каждого дня, дали каждому делу свое определенное время...

Вот уже второе Рождество, второй Новый Год встретил я здесь и провел. Только Бог и знает, доживу ли я вообще до этого времени на будущий год или уже окончу свое земное странствие. А если и доживу, то буду ли в Скиту?.. На все воля Божия, ей надо покоряться...

Недавно скончался в Москве известный своим старчеством отец протоиерей Валентин Николаевич Амфитеатров. <...> Когда мы сказали маме о нашем желании, мама, хотя и предполагала, но все-таки была поражена и решила съездить посоветоваться к о. Валентину. Я с ней поехал. Когда мама объяснила о.

Валентину цель нашего приезда, он ответил, что теперь никому советов не дает, а в особенности о таком деле, о котором он и не может советовать. "Я никогда не был монахом, – сказал он, – как я буду советовать".

<...>

11 января 1909 г. Воскресенье.

<...> Сравнительно недавно Батюшка рассказал мне следующее:

– Хочу я, – говорил Батюшка, – рассказать вам про одного англичанина... Не знаю, занимаются ли современные англичане подобными вопросами... Так вот, однажды сидел этот англичанин и пристально глядел в окно. Вдруг он говорит:

– Теперь мне это понятно!

– Что тебе понятно? – спросила его жена, а может быть, и еще кто-либо из присутствующих.

– Теперь мне понятно, – сказал он, – как наши тела после всеобщего воскресения мертвых будут прозрачны.

– Почему же это тебе стало понятно? – спросили его.

– Вот, – отвечал он, – я гляжу на стекло и думаю. Ведь стекло прозрачно, тогда как его составные части: земля, уголь и другие – вовсе не имеют этой прозрачности. Поэтому и тело человека, обратившееся по его смерти в прах и землю, по Божью велению может восстать в ином, нетленном, светлом виде.

12 января 1909 г. Понедельник.

Недавно Батюшка рассказал мне следующее:

– Я в гимназии хорошо учился, шел первым по классу. Были у нас тогда полугодовые репетиции. Я сдал все хорошо и, приехав домой, размышлял, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы, ибо свободного времени было около двух недель, с 24 декабря по 7 января. Пришел, сел за стол. Передо мной лежала бумага. Я беру перо и пишу: "Возрождение". Что такое? Какое возрождение? И начинаю писать далее: "Давно, в дни юности минувшей..." А мне тогда всего было 15 лет.

"Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
От пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной,
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений.
И Он приник к моим стенаньям,
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья".

Не чудо ли это? Мне было всего 15 лет, и я написал вперед всю мою жизнь...

16 января 1909 г. Пятница.

14-го числа от 10 до 12 мы Батюшка беседовал со мной. Много было сказано, не упомяну всего. Но что-то святое, великое, чудное, высокое, небесное, божественное мелькнуло во время беседы в моем уме, сознании. Не дерзаю сказать, что я все понял, ибо еще слишком недуховен для понимания подобных вещей.

Беседа касалась духовной монашеской жизни, смирения, и высота смирения как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку. Батюшка для выяснения монашеской жизни взял пример из жития святых – св. Иоанна Дамаскина. Батюшка передал уже известную мне историю отсечения и исцеления его руки. <...> Далее Батюшка, насколько помню, в связи с предыдущим говорил:

– Этот путь унижений, смирения и терпения тяжел. Многие брались за него, решались идти им и не выдерживали. <...> Вот и мне приходит мысль, что было бы лучше, если бы я отказался от всего этого: начальства, иеромонашества... и жил бы там, в той келии.

– Ведь вы, Батюшка, не сами этого пожелали, – говорил я.

– Да ведь я оттого не отказался, что боялся, что не выдержу: "А что, если хуже будет, если я откажусь?" Да и за послушание. Только это и побудило меня принять все это. Я поступал сюда с самыми светлыми, идеальными мыслями... Пожалуй, что теперь и нет, а тогда бы я с радостью согласился, как Иоанн

Дамаскин, чистить отхожие места.

Батюшка о. Анатолий не был со мною так близок, как мы с вами теперь. Я у него всего один раз пил чай. Он относился ко мне очень хорошо, но вполне понял он меня только за один месяц до смерти. Мне следующее передавала монахиня N, к которой батюшка Анатолий был очень расположен: "За месяц до смерти он мне сказал:

– Знаешь, мать, какой человек-то у нас в Скиту?! Вот с ним бы я мог тогда быть вполне единомысленным".

Не знаю чем я, грешный, мог так ему понравиться. А по смерти его мне было очень тяжело.

17 января, 1909 г. Суббота.

– Хорошо было жить в монастыре, – продолжал Батюшка, – когда живешь внимательно, вникаешь во внутренний смысл жизни. Если же видеть только щи, кашу, аккуратное внешнее хождение к службам, одним словом, видеть только внешность, то так жить скучно. А если жить, вникая во внутренний смысл жизни, то увидишь дивную премудрость и глубину во всем. В этом отношении незаменимую услугу оказывают жития святых. Внимательно читая их, мы можем рассматривать, как дивно и премудро устраивалась жизнь святых, какой чудный смысл во всех событиях ее. <...>

В этот вечер, да и вообще в последние дни я усмотрел, почувствовал великую любовь в Батюшке и ко мне, недостойному, и к келейникам, и к другим. Самые слова его речи дышат любовью, самую чистую нежностью. Так может относиться нежный, любящий отец к своим детям. Простота обращения иногда поражает меня. Эта простота самая искренняя, сердечная, нисколько не оскорбительная, а напротив, возделенная. В эти дни я как-то особенно расположился к Батюшке, особенно почувствовал его значение для меня. Моя совесть по отношению к Батюшке чиста. Правда, я слабо живу, часто не выполняю батюшкиных заповедей и во внешней, и во внутренней жизни моей, но его расположением, любовью, откровенностью не злоупотребляю.

Когда я уже уходил от Батюшки, он стал говорить о признаках своей смерти. И еще в начале беседы Батюшка сказал:

– А хотелось бы мне еще пожить... Страшно умирать, страшно умирать...

Затем опять среди разговора:

– Боюсь, что придется мне отвечать за чад моих духовных. Я все думаю, что мало для них делаю, мало забочусь и о себе, и о них. Ну, уж о себе как бы так и надо, а о них-то...

Видно, что мысль Батюшки нередко обращается к смерти. И я, мысленно представив ее себе, понял, что составляет для меня Батюшка, и что потеряю я в лице его, если только угодно будет Богу, чтобы я его пережил. Его добродетели: вера, смирение, любовь, сила духовная, серьезность взгляда на смысл жизни и монашества – теперь больше замечаются мною, и скажу я словами о. Анатолия: "Какой человек-то у нас в Скиту!"

<...>

24 января 1909 г. Суббота.

Продолжу дальше (из слов Батюшки):

<...> Иногда лишь снам можно верить. Это, главным образом, сны, изображающие вечные адские мучения, когда мы от таких снов содрогаемся, приходим в чувство сокрушения, раскаяния, покаяния. Но когда и эти сны зачастят и будут приводить нас в отчаяние о своем спасении, то и они от диавола... Но я не прихожу в отчаяние. Да, я себя считаю, конечно, величайшим грешником и по своим делам

достоин всяких мук, но надеюсь на милосердие Божие, ибо Господь по милосердию может простить мне все мои грехи.

Недавно сказал мне Батюшка также следующее:

– Когда я был еще мирским, мне один человек сказал:

– Хотите, я вам скажу, как узнать человека?

– Скажите.

– Хорошо. Вы спросите его, как он относится к еврейскому вопросу. И если он стоит за евреев, то он или безбожник, неверующий, или удаляющийся от единства веры, или революционер, или тому подобное, – одним словом, с этим человеком не следует сходитьсь.

И вот уже столько времени прошло с тех пор, и я наблюдал за этим, и оказалось, что, действительно, это правило, как узнать человека, справедливо. Правда, в частности, как единичные примеры, могут и среди евреев встречаться хорошие люди, но в общей массе, как целое, они представляют собой весьма вредный элемент.

25 января 1909 г. Воскресенье.

<...> Батюшка мне не раз говорил, что он очень любил детей, и однажды рассказал следующее:

– Я очень любил устраивать "детские пиры", – говорил Батюшка. – Эти пиры доставляли одинаково и мне, и детям радость. Устраивал я их обыкновенно в праздники. Приходили ко мне эти бедные дети на квартиру, все одеты в праздничные одежды, конечно, очень скромные, ибо многие из них приходили из подвалов. Я выбирал одного или двух мальчиков побольше и указывал им дорогу, куда идти. На это они мне кричали: "Знаем, знаем!" И все они, человек десять-двадцать, не более двадцати, мальчики не моложе 4 лет и до 11, а девочки не старше 8 лет (во избежание соблазна), отправлялись за город версты за три в лес. А я по немощи своей брал себе извозчика. Немного ранее отправлялся туда же мой денщик с таинственными узлами.

Когда все собирались в назначенное место, я прежде всего давал детям набегаться по лесу, наиграться вволю. Потом, когда они немножко устанут от бегания, проголодаются, я их усаживал на траве около разостланного прямо по траве длинного и широкого полотенца, на котором стояли тарелки со сметаной, творогом, вареной холодной говядиной, яйцами, черным и белым хлебом (кажется, и все, а может быть, и еще что было, вот, например, масло, ну и более ничего). Когда они наедятся этого, я их начинаю поить чаем, причем давал им дешевых конфет и пряников. Конечно, был сахар, может быть, варенья немного, ну и все. При этом мы разговаривали. Бывало, забрасают вопросами. А также я им рассказывал о чем-нибудь полезном для души, из житий святых или вообще о чем-нибудь духовном. Все слушали с удовольствием и вниманием. Иногда для большей назидательности я приглашал с собой кого-либо из монахов или иеромонахов и представлял ему говорить, что производило, конечно, еще большее впечатление.

И так сидим бывало в лесу на холмике часов до 10-11 вечера. Взойдет луна. И без того уже чудный вид на Казань делается еще красивее. Перед нами поляна, за ней река, а за рекой – Казань со своим чудным расположением домов, садов и храмов... И хорошо мне тогда бывало. Сколько радости, чистой радости испытывал я тогда, и сколько благих семян было брошено тогда в эти детские восприимчивые души! И все это удовольствие стоило мне рублей 10, а что тогда для меня были 10 рублей?

Наконец, нужно было возвращаться домой. Я опять брал извозчика и ехал, полный тихой радости. Приезжал домой, ложился спать и вставал на следующий день

здоровый, бодрый и шел на службу. Возвращаясь с "пира", я думал: "А где теперь мои товарищи? Как они теперь проводят время в ресторанах, в "Ливадиях", "помадиях" и "гадиях", с блудными, развратными девками? Господи! Господи!"
Про меня они говорили:

– Не с ума ли сошел? Все с детьми да с монахами.

– С монахами?

– Да! Ну, туда-сюда – один раз, а то каждый праздник! Нашел удовольствие?!

Некоторые на эти пиры смотрели снисходительно. Удивительно, что в общем многие мои сослуживцы-товарищи были хорошие люди.

На этих пирах я себя чувствовал хорошо, вся натянутость отношений пропадала, ее заменяла простота дружественных отношений. Ни лукавства, ни лицемерия тут не было, была искренняя детская простота... И как бы я хотел, чтобы эта простота была в отношениях у меня с братией! А вот я сегодня же уже получил выговор за то, что слишком просто обращаюсь. Такой же упрек сделали одному св. отцу, а он ответил на это упрекавшему его:

– Ты хочешь, чтобы я бросил эту простоту?! Нет! Я добивался ее тридцать лет, так неужели же брошу в один день?!

28 января 1909 г. Среда.

<...> Вчера Батюшка пошел к повечерию на правило. Когда он шел оттуда, я провожал его, и Батюшка начал говорить мне следующее:

– Я поехал в 1890 году в Оренбург, где провел отрочество и юность (детские годы я провел в селе). Теперь это не тот уже город! Нет в нем уже той патриархальности и простоты, – все изменилось. И эту простоту заменила еврейская цивилизация с трамваями, телефонами и нравственным развращением. Так вот, когда я поехал в Оренбург к матери за благословением на иноческую жизнь, я ходил в этом городе по всем улицам, а также и за город ходил... И все там напоминало мне мою прошлую жизнь с ее скорбями и радостями, с ее светлыми и темными происшествиями. И эти последние производили как-то более приятное чувство. Бывали времена, когда я должен был, казалось, быть стерт с лица земли, однако Господь миловал меня... <...>

Я говорю:

– Батюшка, вот я хотел вас спросить: собственно, я думаю так, чтобы никуда не уходить из Скита, разве уж только за послушание, куда пошлют, а то какие бы то ни были скорби и превратности, ни под каким видом не уходить. Как вы скажете?

– Конечно не уходить! Перед нами и в книгах столько примеров: как ушел из монастыря, так и пошел под гору. В своем монастыре, хоть и неблагоустроенном, все как-то терпишь еще и миришься со всем. А там не сможешь.

– А вот, Батюшка, как же о. Лев, о. Афанасий во многих обителях перебивали?

– Это другое дело. "Когда гонят в одном, бегайте в другой" (ср. Мф. 10, 23).

Например, о. Льва настоятель в "Белых берегах" гнал. Да, прямо гнал: "Уходи, уходи, куда знаешь, и "помёт" свой бери с собой" (это был будущий еп. Игнатий, бывший тогда еще послушником). Да, конечно, надо идти, коли гонят.

<...>

Вчера утром Батюшка говорил:

– Современное монашество все стремится исполнять во всем свою волю. А авва Дорофей говорит: "Я не знаю монаху иного падения, как последование своей воле". Теперь совершенно забыли происшествия, подобные сему: старец принимает ученика и испытывает его сначала словами, а потом дает послушание: "Иди (чуть ли не за три версты) в Египетскую пустыню и вот эту сухую трость воткни в сухой песок и ходи туда ежедневно два раза поливать, беря воду с собой из монастыря". Тот идет и втыкает, потом начинает ее поливать. И что-то долго он

ее поливать ходил, кажется, более года. Конечно, диавол ему навел помыслы: "Ну, смотри, не глупый ли твой старец? Велел поливать сухую палку, воткнутую в раскаленный песок". А послушник отвечает: "Ладно, ладно, говори, что хочешь, а я все-таки буду поливать!" Наконец старец говорит своему ученику: "Иди и пожни плоды твоего послушания". Тот идет, приходит на обычное место, где была воткнутая трость, а на том месте прекрасный оазис. Пальмы растут, и ключ так и бьет из-под земли.

Теперь это забыли, забыли даже про самое это время. Ничего не слушают. У нас еще ничего, слава Богу! А что в других-то монастырях делается!

30 января 1909 г. Пятница.

<...> Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим "сотаинником". Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, Батюшку! И, к моему сожалению, Батюшка все чаще и чаще говорит о смерти своей, что дни его "изочтены суть". Он говорит, что слабеет не только телесно, но и духовно. "Я совершенно один, – говорил как-то Батюшка, – а силы слабеют".

А сейчас на благословении Батюшка сказал следующее:

– Приду бывало я к своему старцу о. Анатолию: "Ну что, о. Павел?" – Скажешь ему про свои скорби: "Тяжело было даже идти к вам, насилу дошел, а помысл еще говорит: "Зачем тебе беспокоить батюшку, не ходи"". – "Ну а теперь?" – "Теперь легко, словно гора с плеч свалилась". – "Да... Так и я некогда к батюшке Макарию, потом к о. Амвросию ходил, а теперь-то и некуда идти. Мы, я и батюшка Амвросий, всё вместе делали, друг друга уважали в скорбях. Приду да скажу: "Батюшка о. Амвросий, тяжело что-то". – "Ну, что тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни..." Да, а теперь-то они и пришли, монахов много, много хороших, а утешить некому. Теперь я понял, что значит: "Придут дни""... А теперь-то и я это понял, когда прошли те блаженные дни.

31 января 1909 г. Суббота.

<...> Когда Батюшка говорил про себя и своего старца, я подумал: "А ведь это все возможно и по отношению ко мне. И тем более, что Батюшка все это начал говорить сам от себя и как раз после моих мыслей о его смерти".

<...>

Однажды, побуждаемый подобными обстоятельствами, я спросил Батюшку:

– Батюшка, все возможно, так вот, как же быть после вашей смерти, к кому перейти?

– На все это я могу сказать: Господь не оставит. Мы видим из житий святых, что подобное бывало нередко. Умирает старец, уже лежит на смертном одре. Его обступают братия и спрашивают: "На кого ты, Авва, оставляешь нас?" Тот обводит стоящих своим взором, посмотрит туда, сюда, как бы ища кого, и не находит никого. Наконец, говорит: "На Бога оставляю вас". И действительно, Бог или неожиданно посылает им наставника, или Сам Своею милостию избавляет от различных напастей. Вот это я вам и могу только сказать на ваш вопрос.

2 февраля 1909 г. Понедельник.

Ровно два года назад в этот день, день Сретения Господня, в Чудовом Московском монастыре совершилось чудо милосердия Божия над нами. Нас встретил Господь, принял. Про себя я откровенно говорю, что я был блудный сын, как это говорится в Евангелии, и милость Божия не возгнушалась мною: я сподобился великих милостей Божиих.

<...> За бдением Батюшка сказал краткое слово о необходимости для нас и благотворности покаянных слез, как они приятны Богу и куда приводят плачущего.

<...>

8 февраля 1909 г. Воскресенье.

Вся эта неделя быстро и незаметно прошла. С Батюшкой в келии много занимался и только сегодня как будто немного вздохнул свободнее. Сегодня Прощеное воскресенье. Погода чудная, весна. Весело блестит солнышко по снегу, с крыш и деревьев каплет вода. Елки и сосны покрыты снегом, который третьего дня выпал и покрыл белой пеленой весь Скит, поэтому вершины сосен и елей блестят на солнце, и снег, лежа на темно-зеленых хвоях, кажется еще белей.

Недавно Батюшка мне сказал следующее про монашество:

– Монашество, – говорил Батюшка, – есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ ко внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство на небе, в будущей жизни, но нижняя степень его уже на земле. В той жизни оно только продолжается.

Когда Батюшка говорит подобные вещи, я чувствую что-то великое, святое, но это как бы мелькнет передо мной и исчезнет. Правда, так бывает не всегда, и я даже, придя в келию, могу изобразить мысль на бумаге, но иногда у меня для этого не хватает сил.

<...>

13 февраля 1909 г. Пятница.

Сейчас я зашел к Батюшке на благословение после вечерни. После благословения и откровения моих немощей за этот день Батюшка сказал мне следующее:

– Это все ничего, если укоряем себя и смиряемся. А вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряться, смиряйтесь! Да, скажу я вам, брат Николай: не хотят смиряться. Это – язва, язва современного монашества...

<...>

21 февраля 1909 г. Суббота.

19-го февраля Батюшка сказал мне:

– Вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль – все бросить, уйти в какую-нибудь келию. Страшно становится жить, брат Николай, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы был жив о. Варнава, то поехал бы к нему, но и его уже нет. А сам боюсь: боюсь, как боится часовой уйти с часов, – расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова св. пророка Давида: "Спаси мя, Господи!" Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: "Погуби меня, Господи". Все и всегда могут сказать: "Спаси мя, Господи". Но он прибавляет далее: "Яко оскуде преподобный" (Пс. 11, 2). Не к кому обратиться, Господи, спаси меня. Только теперь мне становится понятным, почему бежали св. отцы от мира, именно бежали. И хотелось бы и мне убежать в пустыню.

– Батюшка, – говорю я, – да как одному бежать? Одному нельзя.

– Нет! – возразил очень твердо Батюшка. – Нет! Одному нельзя самому, а одному с Богом – можно... Вот, например, еп. Феофан долго и неоднократно пытался бросить все и удалиться в затвор, но не было на то воли Божией. Прямо как бы в ответ на свое желание он был перемещен на епископскую кафедру во Владимир. И только уже несколько лет спустя удалился в свою милую Вышу... Да... Когда-то мы с вами, Николай Митрофанович, будем на "Выше"? Рано ли, поздно ли, а надо... Что вы скажете?.. Да, так, мой друг...

Незадолго до этого, как-то вечером Батюшка сам, не по моему вопросу, а сам

начал говорить:

– Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низкой пробы, ниже 44-ой. А у нас блаженство, даже немножко как бы похоже на рай. Бывают, конечно, скорби, но это временно. Хорошо, если кто заботится о внутренней, созерцательной жизни, ибо она даст ему всё.

<...>

1 марта 1909 г. Воскресенье.

Числа 23-24-го я открывал Батюшке свои блудные и другие помыслы. Батюшка в ответ на это сказал мне:

– Эти помыслы не будут поставлены вам в грех, если вы не услаждались ими.

– Да я, Батюшка, не то, чтобы услаждаюсь, а как бы несколько медлю, не сразу отгоняю, как бы не соображаю, что должно противиться.

– Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться.

– Да, я, Батюшка, когда очнусь, начинаю творить Иисусову молитву.

– Вот про это-то я и хотел вам сказать: раз у вас своих сил нет бороться с помыслами, то будем призывать Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от нас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставлены не будут. Например, разве вы виноваты, что, когда отворили дверь келии, вас охватил ветер и засыпало снегом. Никакой в этом вины нет. Но раз вы видите, что вам не под силу идти по такой вьюге, то можно спастись только бегством, то есть захлопнуть дверь. А другой – покрепче, он, пожалуй, и пойдет по этой вьюге. Но нам до таких далеко. Они могут, подобно Давиду, выходить на единоборство, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа? С камнем. А что означает "камень"? "Камень же бе Христос!" (см. 1 Кор. 10, 4). Вдумайтесь-ка в это. Значит, и он не один вышел на борьбу, а с "Камнем".

В этот же вечер Батюшка говорил мне:

– Нам, то есть стоящим на таком посту, несущим такое послушание, нельзя отдыхать. Сегодня я очень плохо почувствовал себя и думаю: "Надо отдохнуть, лягу". <...> Лег, а помысл говорит: "А может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбью или другой какой насущной нуждой своей, как же так? Надо отпереть". Позвал брата Никиту, сказал, чтобы он отпер, а сам встал, вскоре вся слабость прошла. А там, действительно, пришли те, которых надо было принять. И вот Господь подкрепляет в таких случаях.

Подобные же происшествия Батюшка рассказывал и раньше. Например, Батюшка не мог совершенно читать при огне вследствие страшной рези в глазах. Когда Батюшку посвятили во иеромонаха, он заявил, что при огне служить не может, а о. архимандрит отвечал, что Бог поможет. И действительно, Батюшке была дана возможность служить при огне. А теперь даже при огне пишет, читает и вообще имеет возможность работать, как этого требует его положение. Неоднократно мне приходилось слышать от Батюшки подобное:

– Я вчера вечером засиделся до часу, поэтому с трудом к утрени встал.

Вот я из этого и других подобных сему событий вижу, что для исполнения послушания, которое даже превосходит собственные силы, но которое послушник, или монах, или вообще человек берет на себя именно за послушание, как от руки Господней, как проявление воли Божией, Господь и силы дает. Батюшка говорил, что указать смиренно на неудобоисполнимость послушания можно, когда оно действительно таково, но настаивать на своем разумении нельзя, но следует

взять на себя послушание с упованием на волю Божию и помощь.

4 марта 1909 г.

Сегодня <...>, когда Батюшка стал собираться в церковь, он, одеваясь, сказал мне:

– Так оскорблять может только диавол: так злобно, так дерзко, так нагло.

Например, сегодня он меня так оскорбил, таких гадостей наговорил, что я едва поднялся. Наговорил, конечно, во сне. Наяву, слава Богу, он мне не является. И знаете, говорит все с улыбочкой. Вот и отчаянные злодеи, как передают, говорят обыкновенно с улыбочкой. Например, Пугачев, Вольтер говорили постоянно с улыбочкой какой-то... Мы вот подпадем под власть диавола и делаем угодное ему: обижаем других, допускаем смех, празднословие и тому подобное. А во всем, конечно, виноват он.

Мне подобное говорил Батюшка и прежде в такой форме:

– Теперь я начинаю познавать, что такое диавольские надругательства и оскорбления, о которых иногда говорится в житиях святых.

Затем, когда Батюшка уже отворял наружную дверь, он мне сказал, что при таких оскорблениях он несколько утешается тем, что, значит, он не совсем во власти врага (по его выражению), что значит есть в нем, то есть в Батюшке, что-то неприятное для врага. Какие именно оскорбления, Батюшка сам никогда не говорил, а спрашивать я об этом не смею.

8 марта 1909 г.

<...> 4 марта я спросил Батюшку, можно ли молиться своими словами. Батюшка ответил: "Конечно, можно". Припоминая другие, бывшие прежде наставления Батюшки относительно молитвы, я вывожу следующее заключение: молитва своими словами преимущественно должна употребляться в келии. Эта молитва – молитва сердца. За службой церковной или какой бы то ни было общественной, молитва своими словами не советуется, а советуется внимательно слушать саму службу. Во время перерывов или вообще молчания за службой – творить молитву Иисусову. За самой службой творить молитву Иисусову должно в случае, если не слышно, что поют или читают. И в заключение всего скажу слова Батюшки, сказанные мне однажды:

– Духа держитесь! "Дух животворит – письма (буква) убивает" (ср. 2 Кор. 3, 6).

<...>

30 марта 1909 г.

Насколько помню, на Страстной седмице, в Великую Пятницу, Батюшка сказал такую истину, засвидетельствованную св. Отцами:

– Если бы желающие поступить в монастырь, знали все скорби, присущие иноческой жизни, то никто бы не пошел в монастырь. Господь поэтому нарочно скрывает от нас эти скорби. А если бы люди знали блаженство, ожидающее иноков, то весь мир без оглядки побежал бы в монастырь.

<...>

12 апреля 1909 г.

<...> Вчера была память св. Варсонофия, и Батюшка был именинник. На днях, вчера или третьего дня, Батюшка говорил мне, что он, будучи мирским, очень любил становиться в соборе в Казани около мощей св. Варсонофия. Когда у Батюшки начали появляться желания богоугодного жития, он часто обращался в молитве к св. Варсонофию, как бы представляя на его решение, какой путь жизни избрать ему. И угодник Божий не оставил втуне молитв к нему с верою прибегающего и

указал Батюшке иноческий путь, и даже сподобил его принятия при пострижении своего имени. И первым шагом к сему, быть может, было то, что мне рассказал Батюшка 14 марта перед бдением:

– В Казани, – говорил Батюшка, – когда была поставлена в первый раз на сцену опера "Гугеноты", я был в театре, в ложе с некоторыми моими хорошими знакомыми. Я очень люблю оперу. Но в театре напала на меня тоска, а в душе как будто кто-то говорит: "Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь? Что тогда? А Господь сказал: "В чем застану, в том и сужу". Уйди скорее из театра! С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?!" – Мне стало страшно. Я согласился с этим внутренним голосом и думаю: "Надо уйти". Тогда начинает говорить другой голос: "А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк?!" – Опять первый голос: "Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас и забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать им на их вопросы".

Началась борьба. Первый голос взял верх, и я решил уйти. Потихоньку поднялся я со стула, едва слышными шагами добрался до двери, скорее закрыл ее за собой и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, крикнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр, и действительно, не ходил. <...>

После этого рассказа Батюшки и я вспомнил несколько похожее на это происшествие в моей жизни. Но я был побежден, а князь мира сего одержал победу. Я шел в театр, а голос говорит мне: "Не ходи, что будет, если умрешь в театре?" – "Как же ты не пойдешь? – говорит другой. – Что скажут дома?" – "Ну, хорошо, ты боишься, что скажут, если ты воротиться, а вот видишь, сколько часовен, зайди в одну, другую, помолись, а там время и прошло". – "Ну, вот еще! А что ты ответишь, если спросят, кто пел и тому подобное?" Я был побежден, хотя ощутил некоторую тоску и также решил больше не ходить в театр. И это действительно было в последний раз, как я был в театре.

Вспомнилось мне и то, как я жил перед первым отъездом в Оптину, то есть перед тем, как коснулась меня благодать Господня. Когда я учился в гимназии, я не мог пропускать классы и аккуратно посещал все, хотя под конец и мало занимался дома. Также и в университет я ходил аккуратно, хотя дома совсем не учился. В университете я успел проучиться немного более полугода. Я был на одном курсе и факультете с братом. И он, и я посещали университет аккуратно. Так продолжалось до Рождества. После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать университет хотя ежедневно, но с некоторой целью. Именно: под предлогом занятий в университете я уходил утром из дома, приходил в университет и был там до девяти часов, а с девяти часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу бывало не очень много. Отслушав литургию, стоя иногда даже всю литургию на коленях, я не спеша отправлялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя и, помолившись там, уже без задержек направлялся домой. Дома я, напившись чаю, садился читать Евангелие, которое я читал более месяца или месяц. Когда Евангелие было прочитано, я начал читать Апостола и "Путь ко спасению" еп. Феофана. Читал иногда листочки и брошюрочки духовного содержания. Вечером я начинал писать дневник, потом немного молился и ложился спать. Так проходил день, за ним другой. Я все более и более чувствовал необходимость переменить жизнь, начать жизнь иную. И я молился об этом, конечно, своими словами. И Господь услышал мою грешную молитву и непостижимыми судьбами направил меня в Оптину, на иноческий путь.

Заходя к Иверской, я там почти не молился вследствие великой толкотни, а только приложившись к иконе, я быстро уходил в Казанский собор. Тут я становился, если была обедня, в сторонке на левой стороне храма, становился на колени и молился, главным образом Спасителю, приложившись к Его святой иконе. Я молился, – прикладывался к мощам св. апостола Варнавы. Затем молился перед иконой Казанской Божией Матери, перед иконой Божией Матери "Млекопитательница". В часовне Спасителя я молился Господу Иисусу во-первых, затем Божией Матери и св. Николаю Чудотворцу. Дома думают, что я в университете, а я в Казанском соборе, ибо я никому из домашних ничего не говорил, только был откровенен с Иванушкой, когда Господь меня свел с ним.

18 апреля 1909 г.

<...> Вчера вечером Батюшка говорил сначала о своем первом и последнем свидании с о. Иоанном Кронштадтским в Вознесенском монастыре в Москве. Потом говорили мы о моем дедушке, еще – о революции 1905 года в Москве. Наша беседа кончилась приходом братии на благословение. Между прочим, Батюшка начал говорить следующее:

– Вот я гляжу на вас и думаю: передо мной молодой инок, благодушествующий, живущий в Скиту Оптиной пустыни под покровом Божией благодати со всеми в мире. А могло ведь быть, что он во время революции был бы увлечен общим течением, потерял бы веру в Бога, отчаялся во всем в жизни, пошел бы на баррикады, пал бы с раздробленным черепом и сошел на дно адаво... Могло бы это быть? Что вы скажете?

– Могло, Батюшка, ведь я был даже несколько раз на сходках, хотя и чувствовал некоторую скуку и пустоту на них и не мог вполне разделять "красных" идей.

– Да, конечно, могло, могло быть.

Батюшка говорил, что отвлечены мы были от стремнины погибели молитвами дедушки.

21 апреля 1909 г.

<...> Утром Батюшка мне говорил о бедственном душевном состоянии евреев: какая ненависть у них ко Христу! Один знакомый Батюшки, бывший еврейский раввин, говорил ему: "Поверьте мне, я уж хорошо знаю, что многим из евреев перед смертью является Христос, делая как бы последнее увещание для обращения к истинной вере..."

– Да, – продолжал Батюшка, – несчастнее этого народа нет. Многие из св. отцов толкуют, что "мерзость запустения, реченная пророком Даниилом, стоящая на месте святе" (см. Мф. 24, 15; Мк. 13, 14), есть храм еврейский, построенный на гробе Спасителя. В этом храме, который будет построен при пришествии антихриста, сядет на престоле сам антихрист. Тогда исполнится пророчество Даниила пророка.

Вот я смотрю на вас, зеленую молодежь, и думаю, что уже не доживу до страшных дней, а вы доживете. Помяните мое слово, что увидите вы "день лют". И опять повторяю, что бояться вам нечего, покроет вас благодать Божия. Поэтому упражняйтесь в исполнении заповедей Божиих. <...>

25 апреля 1909 г.

<...> Сегодня Батюшка рассказал мне про то, что в 1879 году, когда нигилисты подожгли г. Оренбург и выгорело семь восьмых частей его, батюшкина мать со своей сестрой и с ним, тогда еще Павлом Ивановичем, со всем домом и имуществом были чудесно спасены от пожара.

– Для пожара был выбран ветреный день, – говорил Батюшка. – Ветер быстро

разнес пламя по большей части города. Это прямо адское пламя уже надвигалось на наш дом. Тогда мы положили на повозку свои пожитки и выехали за город, а незастрахованный дом мы оставили на волю Божию. Была ночь. Мы укрылись за уцелевшую часть вала, построенного во время Пугачева и даже ранее. Что делать? Старушка-мать стала на молитву: "Господи, спаси нас!" И я встал и говорю: "Матерь Божия! Спаси нас!" – И вдруг ветер переменял направление, пламя полетело в другую сторону, обратило в прах и пепел жидовскую синагогу и все их дома. А наша часть города уцелела.

Проходит два-три месяца, разговор о пожаре не умолкает в городе. Сижу однажды я среди моих знакомых в гостях. Разговор коснулся пожара. И вдруг некто Силин говорит: "Вы спрашиваете, почему уцелела эта часть города? Да вот почему: живет монахом, да еще, быть может, и в монастырь поступит, вот ради него и спас Господь эту часть города!" – Я тогда еще не думал о монастыре и поэтому только улыбнулся на слова этого человека, но потом не раз вспоминал их. Он сказал истину про меня. Видите, как дорого Господу монашество!

26 апреля 1909 г.

В прошлое воскресенье, 19 апреля, была прекрасная погода: днем было светло, и грело солнышко, ночью взошла почти полная луна и с безоблачного неба светила на землю. Одним словом, была ясная весенняя погода. А сегодня снова выпал снег, небо покрыто тучами, погода более походит на осень, а не на весну. Так вот, в прошлое воскресенье, движимый ясной, лунной ночью, я вышел походить по Скиту в десятом часу вечера. Недолго думая, я отправился в любимое мое место... Минут пять посидев на диванчике, я начал потихоньку ходить по аллейке и дорожке, смежной с пасекой. Идя, я старался творить молитву Иисусову. Я заметил, что мысли мои почти не развлекались в продолжение всего часового хождения моего, и молитву мне было легко творить.

В понедельник я по обычаю пришел к Батюшке и между прочим сказал и о своем [ночном]хождении. <...>

– Нет... я не благословляю ходить ночью и одному. Батюшка Амвросий и батюшка Анатолий не благословляли.

– Почему? – спросил я.

– Потому что ночью бывают бесовские страхования. А вот днем можно и одному. Хорошо, что меня предупредили об этом.

Однажды Батюшка сказал мне:

– Если бы я не был начальником и старцем, то я читал бы только жития святых и святоотеческие книги. <...>

30 апреля 1909 г.

Я помню, как еще зимой Батюшка сказал мне:

– В человеке замечается три части: тело, душа и дух. Это видно из слов Богоматери, сказанных Ею на приветствии Елизаветы: "Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем". Здесь очень ясно видно разделение: одно – дух, а другое – душа, а что тело и душа суть две различные части, это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затронет дух человека, дойдет до него, и дух, возбужденный божественною силою молитвы, возрадуется.

Я постарался сейчас припомнить то, что тогда Батюшка говорил, но не знаю, верно ли я передал это.

<...>

6 мая 1909 г.

<...> Вчера Батюшка говорил мне о том, какая борьба была у него в душе, когда его послали на войну в Муллин. Когда Батюшке объявили о назначении его на Восток на войну, Батюшка почувствовал всю трудность исполнения сего послушания, но не отказался, а принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых.

– Здоровье мое было плохое. Как поеду, думал я, – говорил Батюшка, – куда такому хилому старику проехать несколько тысяч верст? Вы знаете, у меня есть болезни, которым удовлетворять в дороге очень трудно, особенно в вагоне при многолюдстве. Я думал, что не доеду. Затем в уме другие мысли, а именно: "Как ты будешь служить один, не зная почти богослужения, когда ты еще так неопытен? Как ты будешь отправлять требы, крестить младенцев, когда ты ни разу не крестил? Как ты будешь отпевать усопших, когда ты ни разу еще не отпевал? Как ты будешь ладить с начальством и врачами, если они будут евреями? Они будут над тобой издеваться! Как ты сразу из Скита попадешь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия? А сестры милосердия все – переодетые публичные женщины. Как они будут смотреть на тебя? Как на твое здоровье повлияет тот климат, к которому ты не привык?" – И прочее, и прочее. Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это пересилил, враг переменял свои действия, он начал возбуждать к клеветам на меня едущих со мной. Это было очень тяжело. Так продолжалось до Харбина. Когда же я был отправлен в Муллин, я избавился от "гонящих мя", свободно вздохнул и попал прямо словно в рай. Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов. Между мною и окружающими установились простые, дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские верующие люди, в том числе, конечно, и сестры милосердия (некоторые из них и сейчас относятся письменно к Батюшке). Хорошо мне там было...

<...> Вот я и думаю: несмотря на то, что все слагалось так неблагоприятно для Батюшки, но он, будучи верен добродетели послушания, получил воздаяние. А много скорбей понес Батюшка! Враг сильно ополчался, но Божия благодать не оставляла.

10 мая 1909 г.

<...> Вчера пришлось, хотя и немного, побеседовать с Батюшкой. Не берусь записать всю беседу, а отмечу только некоторые мысли.

– Молитва бывает, – говорил Батюшка, – во-первых – устная, во-вторых – внутренняя, сердечная, в-третьих – духовная. Внутреннюю сердечную молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней, сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят на все с внутренней стороны, постигают самый смысл вещей, а не одну внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, от которых их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников в сравнении с их духовным восторгом есть ничто, ибо он душевен. А преп. Исаак Сирский говорит еще о четвертом роде молитвы, молитве выходящей за предел нашего сознания. Что это за молитва, я не знаю. Быть может, ее и имел только один Исаак Сирский...

Просвещение научное может быть усваиваемо всеми народами без различия, но нравственное просвещение и чистота могут быть свойственны только христианам. В

монастыре достигнуть нравственного совершенства удобнее, чем в миру. Как в миру, так и в монастыре волнуют человека страсти, но в миру с наслаждением предаются страстям, если не на деле, то в слове и мысли, а в монастыре идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение...

Преп. Серафим Саровский говорит, что кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот не монах. И страшно подумать, добавляет: "тот обгорелая головешка". Да, необходимо иметь хоть какую-нибудь молитву, хоть самую маленькую...

Пока более не припоминаю.

14 мая 1909 г.

Вчера Батюшке молоденькая девушка, служащая в горничных в Калуге, принесла подарок – крест медный и бархатные вышитые серебром воздушы.

– Сердце умиляется, – говорил про нее Батюшка. – Эта девушка лет 18-ти. Она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела желание когда-либо еще побывать и привезти мне подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на 1 рубль больше прежнего, именно: 5 рублей в месяц. Целых три года: 1906, 1907, 1908 она копила деньги. Наконец, накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездила в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и других святых киевских и купить там подарок для батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за 7 рублей, а воздушы – за 10 рублей, всего, значит, 17 рублей, да самая поездка в Киев обошлась рублем в 20, выходит 37 рублей. Да в Оптиной сколько еще проживет, израсходует. И блаженствует теперь! "Я, – говорит, – теперь спокойна: взяла благословение у киевских угодников Божиих, сделала подарок Батюшке. Слава Богу!" – Конечно, принята Богом ее жертва. <...>

18 мая 1909 г.

Сегодня Духов день. Очень мне понравилось за обедней то, что в 2-3 саженьях от храма на яблоне сел соловей и пел. И как он пел было слышно в храме. За пением мне, конечно, не было слышно соловья, но лишь только прерывалось пение, мне становились слышны свист и чоканье соловья. Сколько простоты, сколько самой чистой поэзии!

– Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что при взгляде на них они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей видел я. Однажды я подумал: не видение ли вижу я, ибо было что-то неземное.

Это мне Батюшка недавно говорил и назвал имена тех святителей, но я забыл их.

24 мая 1909 г.

Я недавно просил у Батюшки благословения выписать из Москвы цветочных семян и посеять у себя под окном. Батюшка благословил, сказав, что эта моя мысль – самая невинная. Батюшка любит цветы, и прежние старцы тоже любили. О. Анатолий, кажется, даже сам участвовал при рассаживании цветов. Я с детства любил цветы. Бывало сам копал гряды и клумбочки для цветов, сажал, сеял, пересаживал. А иногда даже и воровал цветы у бабушки, за что мне в один прекрасный день и попало.

<...>

Недавно у Батюшки была одна девица, к которой Батюшка относится очень хорошо.

Иногда при письменном сообщении с ней Батюшка, желая сделать ей приятное, напишет письмо зелеными чернилами на какой-нибудь цветочной хорошей бумаге, положит в конвертик и пошлет. И теперь, насколько была возможность, Батюшка беседовал с ней, исповедовал. Он оставлял ее еще побыть в Оптиной, но она спешила куда-то и поэтому уехала в Духов день. Перед отъездом она пришла к Батюшке. Батюшка принял ее и очень ласково и хорошо простился с ней. Вдруг вскоре после ее ухода приходит с гостиницы мальчик и приносит письмо от этой девицы. Батюшка читает письмо и не может понять, ради чего она написала подобное письмо. Ей показалось, что Батюшка очень холодно, даже с ненавистью простился с ней, она очень расстроилась и, наконец, решила написать Батюшке, пока не уехала, прося объяснить причину этой ненависти. Батюшка тотчас написал ей утешительное письмо, а мне сказал:

– Вот видите, что диавол делает! Он может беседующим или встретившимся представить лица друг друга совершенно иными, не такими как в действительности. Это нужно и нам всем всегда помнить, ибо враг пользуется этим для того, чтобы поселить между людьми – братьями или друзьями – ссору, раздор, ненависть.

Как-то мы беседовали об адских муках, и Батюшка сказал, что подобие адских мук существует и на земле. Еп. Игнатий (Брянчанинов) в 5-м томе говорит, что адские муки ужасны тем, что нет смерти, нет уничтожения...

– Возьмите зубную боль: она есть "адская боль". зуб страшно болит, но он все время цел и от боли не уничтожается, в нем не происходит перемены.

<...>

26 мая 1909 г.

Дня два-три назад Батюшка сказал мне:

– Все несут свой крест, и вы несете свой крестик, хоть и одним пальчиком, а все-таки несете. Несение креста необходимо потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. Да, все крест несут и несли. Даже вочеловечившийся Бог нес крест, и Его крест был самый тяжелый, как заключавший в себе все кресты всех людей. И заметьте: Бог несет крест, а человек (Симон Киринейский) помогает тем, что берет от Него крест и сам несет его. Значит, и мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении креста, то есть готовимся быть Его слугами на небесах в лице бесплотных духов. Какое высокое назначение!

<...>

31 мая 1909 г.

Сегодня хотят уезжать мама и Цветковы. Мама готовилась, исповедовалась у Батюшки. После исповеди мамы, вечером на благословении Батюшка сказал мне:

– Я всегда был расположен к Вере Лаврентьевне, а в особенности теперь, после этой исповеди: "се воистину израильтянин", в ней же "льсти несть" (Ин. 1, 47).

Да, вы должны благодарить Бога, что у вас такая мать.

<...>

Много Батюшка говорил, поэтому записывать эту беседу мудрено. Говорил Батюшка и о страшной силе гипнотизма. Воистину, это страшная сила. <...> Почти единственной, если не единственной, силой против него, гипнотизма, является Иисусова молитва.

6 июня 1909 г.

<...>

Когда Батюшка говорит о молитве Иисусовой, я всегда чувствую некоторое воодушевление и интерес. Так было на днях.

– Был в Петербурге митрополит Гавриил. Жил очень хорошо. Очень много читал об Иисусовой молитве и сам несколько занимался ею, но, несмотря на это, все у него были какие-то недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига. Тогда он задает своим близким вопрос:

– Кто может разрешить все мои сомнения и указать на главное условие успеха в молитве? – Ему отвечают:

– Владыко святой, позовите монаха о. Клеопу. Он вам, пожалуй, кое-что и скажет.

– Едва ли, – говорит Владыка, – ведь он необразованный. Верую, что он хорошей жизни, но мне нужно не то... Ну, все-таки пусть придет. – Позвали к нему о. Клеопу. Владыка призвал его к себе.

– Ты кто будешь?

– Грешный Клеопа.

– Садись. – Тот молча садится. "Да! Это, должно быть, действительно монах", – подумал Высокопреосвященный.

– Я тебя позвал для того, чтобы спросить тебя, в чем заключается главное условие успеха в молитве? Можешь ты мне на это дать ответ?

– Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге. Враг всячески старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. С этой целью он борется и слева, и справа. То внушает мысли, что не стоит тебе трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь: "Смотри, сколько ты трудишься и еще ничего не достиг". Или борется с другой стороны, внушая мысли, что ты уже достиг святости, что тебе уже теперь не надо творить молитвы Иисусовой, что это для тебя совершенно лишнее. Такие и подобные им помыслы будут бороться подвижника с целью сбить его с молитвенного пути, но он должен терпением побеждать их, то есть терпеливо продолжать начатый подвиг молитвы и не прекращать его ни в каком случае. – Это о. Клеопа сказал, зная хорошо эту борьбу из личного опыта.

Услышав от о. Клеопы эти мудрые слова, Владыка обнял его, поцеловал и сказал:

– Ты в одну минуту разрешил все мои недоумения и вопросы!

Вот что значит опытное знание. Итак, главное в молитвенном подвиге – терпение, – заключил Батюшка.

Вчера, то есть 5 июня, Батюшка решил дать себе небольшой отдых от суеты, почему и не занимался обычным делом, а стал читать разные книжечки, из которых одна содержала в себе описание гонений на христиан первых веков. Прочтя вслух про гонения Диоклетиана, Батюшка сказал:

– Все эти гонения и мучения повторяются, может быть. Теперь все это возможно.

<...>

Кажется, что Батюшка даже говорил, что все монастыри будут разрушены, а все министры и имеющие власть христиане будут свергнуты и что это время не за горами.

1 июня часов в 6-7 вечера Батюшка позвонил. На его звонок вошел к нему я.

– Да, вот мне вас-то и нужно, – сказал Батюшка, – я давно хотел вам это сказать.

Это произошло так неожиданно, что я почему-то подумал, что Батюшка хочет мне сделать какое-либо замечание относительно какой-либо моей погрешности. Но Батюшка начал говорить совсем о другом.

– Приходят ко мне для совета, а мне возмущается спросить:

– Не грешна ли ты в том или том? – Она отвечает:

– Да, грешна.

– И не исповедовала этот грех?

– Нет.

7 июня 1909 г.

(Продолжение).

– А у нас в Оптиной исповедовалась?

– Да.

– И не сказала?

– Нет.

– Надо исповедаться обязательно, это ничего, что ты была уже на исповеди.

И вдруг побледнеет: "Ах! Ах!" – и падает без чувств. Ее выведут из моленной, посадят или за Скитом на лавочке, или в первой комнатке, где нищие. И сидят они иногда целый час, некоторые возвращаются, а некоторые не возвращаются уже более ко мне. Сегодня вот одна сидела целый час, а когда пришла в себя, я спросил ее, было ли с ней что-либо подобное прежде. Она отвечала: "Никогда ничего подобного не было со мной".

Это, конечно, вражеское. Она таила свой грех, что и нужно диаволу, ибо за этот смертный грех она должна была идти в ад, да еще и сам не исповеданный грех разрушительно действует в человеке. Так что диавол держит в своих руках капитал, да на него еще проценты получает. А исповедью греха все это уничтожается. Поэтому-то диавол и не хотел выпускать из рук своих жертву и старался обмороком помешать исповеди. Да... А некоторые и не возвращаются, так и уходят. Но я в этом случае утешаюсь примером батюшки о. Макария. Когда его недоброжелатели отводили от него людей, часто даже приехавших издалека, возводя на него клеветы, подобные тому, что он в бесовской прелести, он говорил: "Ну, что же, значит, им, то есть приехавшим, Господь не благословил". Да, так, моя деточка...

<...>

Кстати уж, о графе де Шайле. Его зовут Александр Максимович. Уверовав в истину православия в далекой Франции, насколько помню, в г. Лионе, он там же и решил перейти в православие, что и сделал. Ему около двадцати пяти лет. Мать простила его, но отец не прощает и, кажется, проклял. Он, приехав в Россию, был у митрополита Антония. Тот указал ему Оптину, и он жил в гостинице несколько месяцев. Он думает поступить в Духовную Академию. <...>

12 июня 1909 г.

Сегодня <...> я, грешный, сподобился исповедать свои грехи. После исповеди Батюшка сказал мне:

– Почаще пускайте Волгу, она все смоеет и промоет. А Волга – это смирение, которое очищает всякую греховную скверну.

Затем я вспомнил, что иногда у меня бывают помыслы, осуждающие Батюшку или ропщущие на него. Я сказал это Батюшке. Он, выслушав, сказал:

– А вы отвечайте на это помыслу: "Это не мое дело, за это старец и отвечает, а не я". <...>

13 июня 1909 г.

<...>

– Ум, – говорил как-то Батюшка, – есть сила самодвижная, но от нас зависит, что ей дать. Подобно тому, как жернов вертится сам, а от человека зависит, что под него подсыпать: пшеницы, ржи или семя какой-либо ядовитой травы. И мука выйдет – или хорошая, или ядовитая – сообразно тому, что положено. Так вот и ум, он все переработает, но нужно давать ему только хорошее.

14 июня 1909 г.

<...> Когда мы ехали с Батюшкой на дачу, я сказал:

– Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных и вообще несогласных с моим мирозерцанием, хотя и не изменяет моих взглядов, но все-таки оставляет какой-то осадок.

– Да, – отвечал Батюшка, – св. отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение. Батюшка как-то заметил мне, что я говорю неясно, то есть, что у меня неясный выговор, особенно когда я спешу. Когда мне Батюшка сказал, я стал более замечать это за собой. Батюшка советовал мне исправлять выговор. Для этого мне надо выписывать на отдельную бумажку те слова, которые неясно произношу, и одному в келии стараться произносить их как можно яснее, отчеканивая каждое слово.

– Вот Климент (Зедергольм), – говорил Батюшка, – имел прежде очень плохой выговор, и ему о. Амвросий посоветовал обратить на это внимание. Он послушался и через три года трудов начал говорить очень хорошо: ясно и даже музыкально. Конечно, ему помогла в этом благодать Божия, ибо делал он это за послушание. Так и вы будете хорошо, ясно говорить, если обратите на это внимание. Первое и главное условие исправления – сознание своего недостатка или немощи.

<...>

1 июля 1909 г.

Сегодня утром в 4 часа Батюшка уехал с о. архимандритом в Калугу, а оттуда отправится на съезд в Лавру Троице-Сергиеву (вероятно, еще куда-либо заедут).

<...>

Уезжая, Батюшка говорил мне, чтобы я во время его отсутствия занялся собой.

При моем послушании строгая жизнь невозможна, ибо послушание так велико, что на молитвенные правила времени почти не оставалось, несмотря на то, что я после обеда не отдыхаю. Как-то на днях я каялся Батюшке, что проспал утреню.

На это Батюшка мне ответил:

– Укоряйте себя, Бог простит. А вот когда я уеду, вы уж не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь за это время собой. Безмолвствуйте.

– Да как же безмолвствовать, когда надо ходить на покос? – говорю я.

– Ну что же? У меня на покосе молитва шла как-то еще лучше. Пусть там праздносят, всегда можно несколько удалиться, не осуждая, от них, ведь поле большое. Помню, это были чудные минуты: прекрасный вид на Пустынь, вдали Козельск, этот древний город. Прекрасный воздух... Нет, хорошо. <...>

2 июля 1909 г.

<...> Когда я вечером пришел к Батюшке на откровение и благословение, то он очень неожиданно для меня спросил:

– Вы помните, какое сегодня читалось Евангелие?

– Простите, Батюшка, забыл.

– Там говорилось, что евреи, разъярившись на Господа, "возвели Его на гору, да быша Его низринули. Он же, прошед посреде них, идяше" (см. Лк. 4, 22-30). Что это значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, то есть что иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее Своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: "разъяренные евреи" обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо и, пройдя, оставляет их сзади себя и идет все вперед и вперед, приближаясь к

горнему Иерусалиму – Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь них, но идет и далее...

Георгий Задонский Затворник пишет про себя, что он, будучи еще в миру, был идеалист, всюду искал красоты. Он и сам был красив. Познакомившись с одной красавицей, он даже сделал ей предложение, на что она, конечно, согласилась. И, кажется, в ту же ночь он видит сон: как будто стоит перед ним красавица, такая красавица, каких он никогда не видел, перед которой та, которой он сделал предложение – ничто. И он в изумлении говорит: "Кто ты? Как твое имя?" – "Имя мое – Целомудрие". И он просыпается. "Так вот она где, красота! Ничего мне не надо!" – и удалился в затвор, все презрев.

Да, иногда Господь вразумляет при помощи и чувственных образов. Затворник Георгий в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти. Не понимал он еще, что надо искать ее в совершенно ином. А Господь этим сном поставил его на путь истины.

<...>

28 июля 1909 г.

26-го числа Батюшка благословил мне с братом Никитой пройтись немного по лесу <...>.

– Мне было однажды очень тяжело, но близилось уже время моего избавления. Заметьте, так всегда бывает: сильные скорби – всегда признак особенной благодати Божией, только надо перетерпеть. Так было и со мной. И вот в это-то самое время о. Нектарий предложил мне пройти по лесу. Я согласился <...>.

Прекрасный вид этого места так понравился мне, что я даже отдохнул душой, мне просто не хотелось уходить отсюда.

Мне, конечно, это местечко понравилось, но не так, как Батюшке, ибо он высокий художник в душе.

<...> Как-то Батюшка говорил мне, что бывает время, когда человек устает и не способен ни к молитве, ни к письму, ни к чтению. Тогда пусть займется рукоделием, что и исполнял один Преосвященный на деле. Он имел, кажется, токарный станок.

2 августа 1909 г.

<...> Недавно Батюшка говорил мне об Иисусовой молитве.

– Сочинения преосвященного Игнатия (Брянчанинова) необходимы, они, так сказать, азбука духовной жизни. <...>

Недавно меня письмом спрашивал один иеромонах о молитве Иисусовой, просил указать книги. Я ему ответил. Но видно, что он хочет познать молитву Иисусову из одного чтения. Это невозможно. Необходимо познавать ее личным опытом, надо приступать к ней самому. Молитва Иисусова – безбрежное море. Исчерпать его невозможно. Невозможно всего описать в книгах. Многие начинают, но немногие кончают. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое делание теперь почти совсем забыто, – никто об нем даже не беседует.

Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совершенно забыли о них. Дьявол всем там внушил, что ни его (то есть дьявола), ни адских мук не существует. А св. отцы учат, что обручение геенне, все равно как и блаженству, начинается еще на земле, то есть грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники – блаженство, только с той разницей, что в будущем веке и то и другое будет несравненно сильнее.

<...>

26 августа 1909 г.

Мало приходилось писать и редко, – времени совершенно нет. На днях Батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал следующие два случая. Первый, кажется, современный, то есть бывший, быть может, лет 5-10 назад:

– Один богатый купец имел сына, и этот сын поступил в одну из святых обителей, но не ужился в ней и ушел в мир: то есть из царских чертогов в вонючее болото. Женился и жил с женой и детьми в своем доме. Но уже вскоре после ухода из обители он понял, чего лишился, но было поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у какого-то старьевщика старый рваный подрясник послушнический. Принес он подрясник домой. В большие праздники он удалялся в самую дальнюю комнату-моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие в святой обители.

А вот еще. Однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Отец тогда спрашивает сына: "Ты что смотришь мне на спину?" – "У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно". – Отец понял, что невинному, чистому младенцу были открыты глаза, и что черное пятно, которое тот увидел, – ничто иное, как монашеский параман, ибо он прежде был монахом.

3 сентября 1909 г.

31 августа <...> я спросил Батюшку, можно ли молиться, чтобы Господь избавил от военной службы, или нет. Батюшка отвечал, что нельзя:

– Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо, прежде всего, это законно. И потом мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией.

Недавно, когда я провожал Батюшку ко бдению в монастырь, мы по обыкновению зашли на могилки старцев. Поклонившись старцам, Батюшка, указывая рукой на памятник, стоящий прямо за главным алтарем Введенского храма, сказал мне:

– Я рассказывал вам об этом памятнике?

– Нет, – отвечал я.

– Ну, так вы напомним как-нибудь мне, я вам расскажу.

Так вот недавно я и напомнил Батюшке, и он мне рассказал следующее:

– Давно еще, кажется, при батюшках Льве и Макарии это было. Однажды приехала молоденькая девушка, именем Варвара, красавица собой. Ей очень понравилась Оптиная. Но все-таки нужно же уезжать, и она поехала со своей матерью из Оптиной. Едут, а по дороге из Козельска несут на кладбище гроб. В гробу лежала молодая девушка. Тогда был обычай, едва ли он теперь сохранился, что девушку на кладбище всегда должны нести тоже девушки. С этой целью, когда умирала девушка, собирали отовсюду девушек, одевали в белые одежды, украшали цветами, тоже белыми. Они все вместе брали на руки гроб, тоже белый и украшенный белыми цветами, и несли его сами на кладбище.

Так вот такая похоронная процессия и встретила на дороге этой девице Варваре. Она, полная восхищения от этой картины, воскликнула:

– Вот счастливая! Вот счастливая! – Мать удивилась этим восклицаниям и говорит:

– Что ты, глупая! Я тебя повезу в Москву и Петербург. Там ты будешь у меня первой красавицей на балах. – Но дочь не слушает ее, пораженная этой белой похоронной процессией.

Приехали они домой, но чистая девушка почувствовала себя чужой среди блеска и

роскоши и захотела опять в Оптину. Наконец, отпросилась и поехала. В Оптиной она поговела, приобщилась и собралась было уже ехать домой. Села в тележку и поехала, но когда стала спускаться к Жиздре, лошадь вдруг понеслась и прямо в Жиздру. И когда выловили девушку, она уже была мертвая. Собрались на совет старцы, что делать и где хоронить эту девушку, и решили похоронить ее за главным алтарем, дав ей первое место во всей Пустыни за ее великую любовь к Оптиной. Вот такая эта девица Варвара. Видите, как Бог слышит молитву и видит восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Она сочла только счастьем, а Господь уже исполняет ее желание.

5 сентября 1909 г.

Также Батюшка недавно рассказывал мне про о. архимандрита Моисея.

– Однажды мужичек привез в Оптину целый воз яблок для продажи, ибо тогда еще в Оптиной не было яблочных садов. Батюшка Моисей вышел к мужичку и спросил:

– Какие это яблоки и какая цена? – Мужичок, думая, что о. Моисей не понимает толка в яблоках, хотел обмануть его и отвечает:

– Это – "Добрый крестьянин", яблоки – первый сорт. – О. Моисей видит, что это незрелая антоновка, и говорит:

– Как, как они называются?

– "Добрый крестьянин".

– Да?! А этого крестьянина не Антоном ли звали? – Мужик понял, что о. Моисей узнал яблоки, и в смущении говорит:

– Простите, Батюшка, значит, мне обратно ехать?

– Зачем? Позови-ка мне отца эконома. – Когда тот пришел, о. Моисей приказал ссыпать яблоки в подвал, а мужику дал ту цену, какую он запросил с самого начала.

Однажды Батюшка говорил, что по любимым игрушкам в детстве можно узнать будущий нрав человека.

– Это бывает так всегда. Конечно, есть отступления от общего правила, когда, например, гордый, дерзкий человек поступает в монастырь и силою благодати становится кротким, незлобивым. Но общее правило таково, и я лично делал опыты. Однажды взял я трех маленьких детей и повел их в игрушечный магазин. Там я попросил положить на прилавок игрушки, а детям сказал, что можно выбирать только одну игрушку каждому. И каждый ребенок после некоторых колебаний и сомнений выбрал себе игрушку. Первый взял гармонию, это означало, что в нем сидит художник, любитель красоты; второй взял солдата, это означало его будущий художественный сильный характер; третий взял раскрашенную резиновую лягушку-жабу, это означало его низменные наклонности. Выросли эти дети, и на каждом из них оправдалось это правило. А на последнем особенно, ибо он мне за мою любовь к нему отплатил "как следует", нечего сказать. И оказалось, что происхождения он еврейского.

<...>

20 сентября 1909 г.

<...> 15 сентября была чудная лунная ночь. Когда я пришел на благословение к Батюшке, он сказал мне, что ему хотелось бы походить по Скиту, но что нет на это возможности. И вспомнил Батюшка те времена, когда в такие чудные ночи он такую возможность имел.

– Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по Скиту и возвращаюсь потом в келию свою. А в келии у меня было всегда чистенько, перед иконами сияет лампадка, а из окна смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келейку синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты, что их никак

нельзя передать на словах. Я не могу передать вам на словах то блаженство, какое я тогда испытывал, необходимо самому его почувствовать... Вот и теперь такая же поющая и ликующая ночь... Мир вам! Идите с Богом.

Я пошел от Батюшки тоже с каким-то тихим, хорошим настроением. Быть может, Батюшка передал мне часть своих чувств, высоких и святых, насколько можно было передать их на словах и насколько могла их воспринять моя душа.

Выйдя от Батюшки, я пошел тихо и остановился на перекрестке перед колокольней, облитой лунным светом. Я залюбовался этой картиной. Дубы и сосны стояли неподвижно, получив от лунного света какую-то особенную красоту. Все молчало в безмолвии своем, поя хвалебную песнь Вседержителю Богу. И я стоял безмолвно и неподвижно, как бы боясь нарушить эту тишину. Наконец, я пошел в келию и встал на молитвенное правило...

17 сентября Батюшка говорил на утрени слово, напоминая нам о том, где мы и зачем сюда пришли. Между прочим, Батюшка говорил, что сущность нашего иноческого жития – борьба со страстями и что нельзя самочинно проходить путь иноческой жизни.

23 сентября 1909 г.

<...> На благословение к Батюшке я вошел вчера последним. Он, ни слова не говоря, подвел меня к иконам, приказал, чтобы я встал на колени и сказал:

– Есть грехи – дела, есть грехи – помыслы. Так вот исповедуйте свои помыслы.

Это так было неожиданно для меня, что я забыл все свои помыслы и каялся, называя общие помыслы, например, блудные вообще, тщеславные и другие. Да я и не замечаю у себя особенно настойчивых помыслов, которые бы меня тяготили. Я это сказал Батюшке. Тогда Батюшка опять сказал:

– Теперь вы стоите на исповеди, покайтесь в смехотворстве. Конечно, у вас такой веселый характер, но нужно сдерживать себя.

Я покался в смехотворстве. Батюшка разрешил мне всё исповеданное, и я пошел к себе в келию с чувством необходимости исправления своей жизни.

<...>

26 сентября 1909 г.

Сегодня день моего рождения, мне исполнился 21 год. На днях как-то Батюшка благословил меня перед призывом на военную службу навестить родных и вообще съездить в Москву, а кстати и в Сергиеву Лавру. Эти дни Батюшка не раз говорил мне о предстоящей разлуке, и сколько любви было в его словах! Например, 23 сентября Батюшка сказал:

– Многие планы строил я о вас, но как Богу угодно. Быть может, когда вы возвратитесь, я уже буду лежать в земле сырой. Тогда уж как хочешь, мой преемник!

А 24 сентября Батюшка говорил так:

– Когда вы возвратитесь, я, быть может, буду жить уже не здесь, а в другой келии, даже в леску. Придете и спросите: "Где Батюшка?" – Вам скажут: "Вон там-то". Придете вы к моей келейке, постучите, выйдет мой келейник и скажет вам, что Батюшка никого не принимает. А вы скажите: "Все-таки доложите обо мне, скажите, что пришел Николай Беляев". – "Доложить доложу, но не примет вас". Идет он докладывать, и вдруг вы услышите, что кто-то шаркает ногами об пол, и выходит старичок согнутый и говорит: "Брат Николай, неужели это ты?" – "Я, Батюшка, да неужели это вы? Какой вы стали старенький!" – "Ну что, как ты?" – "Да что, весь я разбросался". "Ну что же, давай опять собираться. Будем мы жить здесь с тобой".

<...>

За обедом Батюшка сказал очень краткое слово:

– Считаю долгом напомнить вам, братия и отцы, в этот день, день памяти св. Иоанна Богослова, о том, что необходимо всякому христианину, а наипаче облеченному в иноческий чин, иметь мир с Богом и с людьми. Св. Иоанн Богослов говорит, что человек не может любить Бога, если не любит своего брата, что такой человек "ложь есть". Поэтому братья, напоминая вам эти слова св. апостола Иоанна Богослова, я прошу вас не таить злобы в сердце своем на кого-либо, а иметь мир и любовь к ближним.

Это была главная и единственная мысль во всем кратком слове.

25 сентября, когда я с Батюшкой трапезовал, у нас началась беседа. Много хорошего было сказано. Батюшка сказал, чтобы я прочел теперь же из "Невидимой брани" о четырех страшных и последних искушениях, бывающих перед смертью. Надо знать их и готовиться к ним.

Также 25 сентября утром Батюшка говорил о дневнике старца Зосимы Верховского, что хорошо бы мне его прочесть (у нас этот дневник в рукописи в библиотеке).

Но при этом Батюшка добавил, что там есть некоторые несообразности. Будучи еще послушником, он, по благословию о. Иосифа, хотел снестись с женской Зосимовой пустыней, где хранится подлинник, но по некоторым обстоятельствам ничего из этого не вышло.

16 или 17 сентября (не помню хорошо) Батюшка прочел мне немного из своего дневника и сказал:

– Я писал тогда каждый день и перечитывал свой дневник так: приходит, положим, 20 августа, или другое число, и я беру все свои дневники и прочитываю то, что думал и чувствовал и делал в это же число и месяц в другие годы. Это великое дело – так следить...

В этот же день я прочел слово о. Иоанна Кронштадтского, изданное Преосвященным Михеем. Это небольшая книжечка, листков 10-15. И там я прочел такие слова: "Я, – пишет о. Иоанн, – старался каждый день что-нибудь записать для того, чтобы, перечитывая свои дневники, я мог видеть, иду ли я вперед, или иду назад". И далее: "Я понял, что без постоянного бодрствования над собой и без непрестанной молитвы я не буду в состоянии отразить всех козней дьявольских, и поэтому первое время моей пастырской деятельности прошло в тяжелой борьбе и трудах".

Я заметил это совпадение и хотел поговорить об этом с Батюшкой. И вот 21 сентября я вошел на благословение последним и после покаяния в некоторых моих оплошностях сказал Батюшке:

– Батюшка, вот что я хотел вам сказать: помните, вы прочли мне немного из своего дневника и говорили, что вы писали каждый день. Так вот в тот же самый день я прочел у о. Иоанна Кронштадтского, что он тоже писал дневник (и я пересказал вышесказанное Батюшке). Это совпадение я невольно заметил.

– Да, – сказал Батюшка, – это совершенно верная мысль. Это значит, к моим словам о. Иоанн приложил Царскую печать. Да, это великое дело!

Я почувствовал какое-то чувство, похожее на живой интерес к чему-либо. Быть может, я затронул и Батюшку в его глубоких чувствах и мыслях, ибо он встал, велел мне позвать брата Никиту, передал ему благословение на сон грядущий и отпустил его. Я остался с Батюшкой один.

– Да, – сказал Батюшка, – мне хотелось провести этот день с вами.

И началась беседа, продолжавшаяся с 9 и почти до 12 часов ночи. Много я рассказал Батюшке про себя, про свою жизнь и внешнюю, и внутреннюю. Также и Батюшка много рассказал мне. Говорил он о том, что вся наша жизнь чудно располагается по некоему таинственному плану, которого мы не замечаем или не понимаем.

– Я даже думаю, – говорил Батюшка, – оттого мы так нерадиво живем и грешим, что не понимаем внутреннего смысла событий нашей жизни. <...>

27 сентября 1909 г.

(Продолжение)

<...> Затем Батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так: "Лучше умру, а не уйду из Скита".

К Батюшке был не расположен Скитоначальник о. Иосиф, раздражаемый по действию диавола другими. Зная это, я спросил Батюшку:

– Как же вы относились к о. Иосифу?

– Я относился к нему как к своему начальнику, на все, безусловно, я брал от него благословение, например, выйти из Скита и прочее. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их о. Венедикту. И то решился на это не иначе, как с благословения о. Иосифа. Я веровал, что через него, как через поставленного на сие место, действует благодать.

<...>

29 сентября 1909 г. Вторник.

27 числа в воскресенье Батюшка сказал мне:

– Если Богу угодно будет, вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре. Но знайте заранее, что это – тяжелый крест. Св. отцы сказали, что самых тяжелых крестов два: первый – крест царя, второй – настоятеля обители иноческой. Заметьте, ведь это было сказано еще в то блаженное время, а уж про настоящее и говорить нечего. Батюшка о. Амвросий говорил: "Монаху простому нужно терпения воз, а настоятелю – целый обоз".

<...> Батюшка на утрени говорил слово, основная мысль которого была следующая. Батюшка прочитал всем известный ирмос "Воду прошед яко сушу и египетского зла избежав, израильтянин вопиаше: Избавителю и Богу нашему поим" и объяснил, какое отношение имеет этот ирмос к монашеской жизни? Потом сказал:

– Монах должен быть, по слову Евангелия, подобен младенцу: "Аще не будете яко дети, не внидите в Царство Небесное" (Мф. 18, 3). В каком же отношении надо быть младенцем? По чистоте сердца. "Не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте" (1 Кор. 14, 20), – говорит Апостол.

Затем Батюшка говорил, как побеждать страсти, чтобы приобрести чистоту сердца: для этого необходимо читать жития святых и жизнеописания современных подвижников, как живые яркие примеры этой борьбы со страстями, и вообще читать святоотеческие писания. <...>

30 сентября 1909 г. Среда.

<...> Я начинаю несколько волноваться, если так можно сказать, как бы предчувствую предстоящую разлуку, но самых чувств своих я не умею определить. Более того, я думаю, это чувство мое походит на тихую бессознательную грусть в ожидании чего-то. Не могу сказать, чтобы я был рад, нет, – скорее, мне кажется, наоборот. Одно скажу: буди воля Господня!

1 октября 1909 г. Четверг.

<...> Сейчас прошелся по Скиту, посидел за сажалкой на диванчике. Тишина в Скиту! Слышно даже, как падает лист в лесу. Из этой-то тишины я теперь собираюсь ехать в суету и шум московской городской жизни. Вся природа теперь замирает на зиму, листья пожелтели, даже много деревьев совсем голых. Все прощается с теплом. И это чувство – чувство разлуки с тем, с чем я так свыкся,

что, может быть, я так полюбил.

19 октября 1909 г. Понедельник.

Вот я снова в Скиту. Опять те же сосны глядят на меня с высоты. Опять та же простота и тишина. <...>

Утром 17 октября в десятом часу мы въехали на Скитской конный двор, слезли с тележки и отправились к Батюшке. Батюшка, видимо, меня не ожидал, и когда я вошел, он несколько удивился и обрадовался. На его лице засияла улыбка. <...>

22 октября 1909 г. Четверг.

<...> Сейчас после благословения Батюшка отпустил келейников спать и остался со мной немного побеседовать. Говорил Батюшка о великом смысле всех событий нашей жизни: от великих в жизни каждого отдельного человека переворотов, как духовных так и душевных, и до мельчайших подробностей. <...>

– Говорят, что все события нашей жизни откроются нам в час нашей смерти, и мы тогда всё поймем. Перед нами вся наша жизнь явится, словно написанная в книге.

Под конец разговора Батюшка сказал:

– Знаете, говорят, что есть у нас в Оптиной великий подвижник, имеющий дар внутренней молитвы?

– Нет, Батюшка, не знаю.

– Это рясофорный послушник, слепой о. Иоанн.

25 октября 1909 г. Воскресенье.

Когда я вел под руку Батюшку после бдения, то сказал ему, что с трудом выстоял службу. Батюшка спросил:

– По какой причине? – Я говорю:

– По телесной немощи.

– Да, – говорит Батюшка, – а иногда уходят из храма из-за помыслов. Это, конечно, неразумно. Враг поднимает брань помыслов с целью вывести из храма. Не должно поддаваться врагу. В большинстве случаев у молодых бывают блудные помыслы, а у старых – помыслы гнева, воспоминания старых обид. Враг как бы говорит: "Ты помнишь, такой-то вот тебя оскорбил при всех, а ты смолчал, ни слова ему не сказал. Эх, ты! А ты ему вот то, и вот это сказал бы". – Иногда от подобных помыслов иннок весь вспыхнет от гнева. Надо бороться.

26 октября 1909 г. Понедельник.

Вчера у меня с Батюшкой были две утешительные беседы. Первая – в два часа, а вторая – от полчаса девятого вечера и до полчаса одиннадцатого. Записать их мне очень мудрено и по глубине их, и по обширности. И та, и другая беседа была об Иисусовой молитве, и чудно, что такая краткая молитва имеет столь великую силу и глубину содержания.

В два часа под впечатлением прочитанного в книге "На горах Кавказа" я начал спрашивать Батюшку о том и другом, и так побеседовали, пожалуй, более получаса. А вечером мы вместе читали эту книгу (собственно, читал я, а Батюшка слушал), и по временам чтение прерывалось беседой. По прочтении трех глав Батюшка начал говорить мне о себе, о своей жизни в миру и в монастыре и о прочем, применительно к молитве Иисусовой. <...>

27 октября 1909 г. Вторник.

Вчера опять мы с Батюшкой читали об Иисусовой молитве. Просидели до двенадцати часов. Под конец беседы Батюшка заповедал мне творить молитву Иисусову устную

и на военной службе, но хранить это, не открывая никому, не уча никого, хотя, быть может, и будут встречаться люди хорошие: "Знайте только себя!"

Говорил Батюшка опять и про себя, между прочим, и то, что, когда он, живя внимательно, занимался Иисусовой молитвой, его многие считали находящимся в прелести бесовской.

– Теперь решают так, – говорил Батюшка, – молись, не молись – все равно не достигнешь молитвы. Теперь прошли, дескать, те времена. Это, конечно, внушенная диаволом мысль. Иисусова молитва необходимо нужна для входа в Царство Небесное. Многим бесполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы, Бог дает ее или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой. Когда я это впервые прочел, я усомнился: верно ли я это понимаю? И начал искать подтверждения этому, и нашел во многих творениях свв. отцов, а также и у Паисия Величковского. А теперь мы прочли еще и здесь (в книге "На горах Кавказа"). Это меня очень радует.

29 октября 1909 г. Четверг.

Вспомнил я, что 26 октября Батюшка сказал мне:

– Не становитесь настоятелем, разве только вменяют в послушание, а если, например, будут только предлагать, то лучше отказывайтесь.

Вообще в эти дни Батюшка особенно много говорил мне наедине такого, в чем я ясно видел его любовь ко мне. И вчера, кажется, сказал мне так:

– Да, должно быть, душа душу чувствует (или видит). Установились между нами такие отношения: я полюбил вас, а вы меня. Ничего не может быть прочнее этой любви – любви во Христе.

<...>

2 ноября 1909 г. Понедельник.

<...> Побеседовали с часочек по душам, как говорится.

Идет снег, все кругом стало белое. Деревья пушистые стоят в своем уборе. Не знаю, почему, я всегда как-то любил эту картину, в ней есть какая-то красота особенная.

3 ноября 1909 г. Вторник.

<...> [У меня] признали расширение жил на левой ноге, и я зачислен в ополченцы 2-го разряда, то есть мне теперь служить не придется. <...> Богу нашему слава!

Возьмут, не возьмут на один месяц, это ничего, а главное, избавился я от двухлетнего тяжелого испытания. Богу милосердному слава во веки!

Все-таки пришлось немного понести оскорблений и неприятностей от новобранцев, сегодня меньше, а главным образом, первые дни. И только один сказал мне доброе слово и, кажется, от души сказал. Я слов его не запомнил, но смысл такой:

– Дай Бог тебе спасения и всего хорошего, я так даже помолился, чтобы тебя не взяли.

– А тебя взяли? – спросил я.

– Меня-то взяли...

– Спаси тебя Господи, – сказал я.

Жалею, что не спросил его имя, я записал бы его в свое поминание. Хотя я и так помолюсь за него, за его любовь.

5 ноября 1909 г. Четверг.

Сегодня ходил к о. архимандриту за благословением продолжать монашескую жизнь. По внешности ничего не изменилось, но все-таки приходится настраивать себя на

монашескую жизнь снова. Поездка в Москву, все ожидания и думы, и, в особенности, четырехдневное пребывание в Козельске среди новобранцев оставили свой некоторый след. Но, Бог даст, все снова пойдет своим чередом.

<...>

8 ноября 1909 г. Воскресенье.

Вчера на бдении Батюшка говорил нам слово вместо поучения.

– Сегодня, – говорил Батюшка, – святая Церковь празднует в честь святых Бесплотных Сил Небесных, в лике которых св. Архистратиг Михаил занимает одно из первых мест. Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту после обедни, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, по-видимому, своему сыну, говорит: "Вот смотри: идет ангельский чин". Эти простые слова очень повлияли на меня. Да, действительно, монах должен быть подобен ангелу... Св. Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и ангелы, то есть что монаху в борьбе со страстями и диаволом помогают ангелы... Бывший прежде ангелом Денница, а ныне отверженный, падший злой дух – диавол – везде и всегда старался и старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение. Он воздвиг гонения на христиан, он породил массу ересей, он воздвигал всякие немирствия и беспорядки. И ныне он старается посеять то же самое и у нас и, увы, часто успеваает!

Ко мне приходят вести, что один ропщет или скорбит на другого, что один обижен другим. Ко мне приходят с жалобами. А что я отвечаю таким? Конечно, одно:

"Надо помириться, походи попроси прощения, поклонись!" И некоторые это исполняют тотчас, а некоторые, к сожалению, медлят, и проходит иногда значительно время во вражде. А не должно быть так, честные отцы и братья! Монах должен быть исполнен любви к Богу и ближнему. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. А все заповеди сводятся к двум: "возлюби Бога всем сердцем твоим, всею душею и всею крепостию твоею" (Мф. 22, 37), "возлюби ближнего твоего, яко сам себе" (ср. Мф. 22, 39). Эти две заповеди совмещают в себе весь закон и все заповеди Божии.

Ангелы на небесах преуспевают в любви. Вся жизнь монаха должна быть любовь.

Наши великие старцы: батюшка о. Лев, о. Макарий, о. Амвросий, о. Анатолий действительно имели эту любовь. А какой славы и чести сподоблялись они еще при жизни их за эту любовь, можно видеть из следующего. Однажды батюшка о.

Анатолий по приглашению о. Иоанна Кронштадтского поехал для соборного служения с ним. Когда началась литургия, о. Иоанн увидел, что с батюшкой о. Анатолием служат два ангела. Неизвестно, видел ли их сам батюшка о. Анатолий или нет, но о. Иоанн ясно видел их.

Я счел нужным напомнить вам именно в этот день о высоком назначении монаха. Да будет между нами согласие и любовь. Старец преклонных лет иеросхимонах Игнатий, скончавшийся лет двенадцать назад, говорил мне так: "В мое время вся Оптинская братия отличалась взаимным согласием и любовью, а в особенности скитяне". Постараемся, братья, и мы следовать этому.

Иногда выражают мне некоторые желание высшей монашеской жизни, высших подвигов. А что может быть выше прощения обид, оскорблений, терпения скорбей и немощи братской?! Вы, вероятно, помните случай из жития преп. Пахомия. К нему приходит инок и говорит: "Авва! Благослови меня, я хочу идти и предать себя на мучение, дабы иметь мученический венец". А преп. Пахомий говорит: "Нет, отче! Советую тебе оставаться в обители, нести всю тесноту иноческого жития и немощи собратьев, отречься от своей воли, и это вменится тебе в мученичество".

Видите, значит, всякий монах, терпящий все благодушно, имеет мученический

венец!..

Сейчас более не припоминаю. Это батюшкино слово мне очень понравилось. Говорил Батюшка, что смирение и любовь – самые высокие добродетели, и они должны быть отличительной чертой каждого монаха.

<...>

11 ноября 1909 г. Среда.

<...> После трапезы Батюшка дал мне прочитать 49-ое поучение в Неделю Православия преп. Феодора Студита (сегодня его память).

– Это <...> такое поучение, что хотя написано полторы тысячи лет назад, его можно вполне отнести к нам. И его, если угодно будет Господу, пройдет еще тысяча лет, будут читать, и не утратит оно своей силы. Так вот, прочтите его.

– Я взял книгу к себе в келию и прочел его.

Также утром Батюшка при отправке писем пожелал одной какой-то женщине послать на утешение листочек. Я достал и подал Батюшке листочек с картинкой, изображающей страдание какого-то мученика. Батюшка посмотрел на меня и сказал:

– Пожалуй, вы доживете до тех времен, когда так же вот будут мучить опять христиан.

– Да и сейчас ведь мучают, хотя и не столь грубо, – говорю я.

– Нет, я не про такие мучения говорю. Я говорю про мучения, подобные древним.

<...>

14 ноября 1909 г.

<...> Помню, дня за 2-3 до призыва Батюшка многое говорил о себе, главным образом, про монашескую жизнь. Говорил Батюшка, как трудно ему приходилось, когда он был рясофорным монахом, какие были на него гонения.

– Я все это говорю вам для того, – говорил Батюшка, – чтобы показать вам, что нам нужно надеяться только на Бога. Иногда приходилось так, что впору уходить из Скита. Но я решил: лучше умереть, чем уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь. Встану бывало перед этой иконой Казанской Божией Матери, помолюсь – и легче мне станет. <...> И кто тогда мог думать, что этот всеми унижаемый послушник через несколько лет будет игуменом Скита и старцем.

Поверьте мне, что и сам я ничего подобного в мыслях не имел, да и были другие препятствия, например, болезнь глаз и другие. Вот видите, и предполагать этого нельзя было, но раз такова воля Божия, то так и вышло, никакие препятствия не помешали. Не вотще сказано в псалме: "Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения" (см. Пс. 145, 3), а надейтесь на Бога. Только эта твердость и вера и помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизреченно утешал меня. Любил я читать св. отцов, а в особенности Псалтирь. И какие глубины иногда открывались мне. Так вот я вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак не на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка...

– Есть два монашества: внешнее и внутреннее, – как-то говорил мне Батюшка. – Внешнее, так называемое клобуковое монашество приобрести легко, как св. Иоанн Лествичник пишет: "сделать внешнего монаха легко, но трудно сделаться внутренним монахом". Это внутреннее монашество может быть даже в миру, хотя именно только "может". И об этом-то внутреннем монашестве теперь так редко говорят, почти не имеют никакого понятия...

Хочется записать одну из бесед с Батюшкой о молитве Иисусовой <...>. Помню, тогда я пришел к Батюшке под впечатлением прочитанного из книги "На горах Кавказа".

– Может ли Иисусова молитва быть в человеке страстным?

– Может, – отвечал Батюшка, – может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побеждает его, а во второй период при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть. Страсть остается в человеке до самой смерти, и бесстрастие может быть только относительное. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники, как, например, преп. Иаков, проведя всю жизнь в подвигах, впадали в грех. Кто трудится в молитвенном подвиге, тот, несомненно, ощущает в себе движение страстей. Но в человеке, достигшем внутренней молитвы, страсть подобна покойнику, она уже не может властительно терзать его. И чем молитва сильнее действует в человеке, тем она более утверждается в сердце подвижника, тем всё тише и тише действуют страсти, они как бы спят. Я помню, в Казани был блаженный Николушка. Он говорил, обращаясь к людям доброй жизни: "А что, как покойнички-то? Спят?" Я тогда не понимал смысла этих слов и понял их только здесь, в Скиту, и удивился глубине смысла их. Он именно называл страсти покойниками. Покойник лежит, значит, он существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть в проходящем молитвенный подвиг и достигшем уже внутренней молитвы подобна покойнику.

– Значит, Батюшка, – говорю я, – я понял так, что при устной молитве Иисусовой страсть может действовать в человеке даже грубо, а при внутренней уже этого быть не может, хотя он и не делается бесстрастным?

– Да, – сказал Батюшка <...>.

А вечером после благословения сказал, что найдет в "Письмах о христианской жизни" еп. Феофана, как действуют страсти в проходящем молитвенный подвиг.

– У него там хорошо сказано об этом, и я, кажется, подчеркнул это.

На мой вопрос, является ли непарение мысли, то есть внимательность, первым даром при всякой молитве или только при молитве Иисусовой, Батюшка ответил, что только в молитве Иисусовой.

А когда я пришел на благословение и стал на колени, Батюшка сам начал говорить:

– Спрашивают: "Как легче спастись?" Один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а не смиряется. С таким вопросом обратились к преп. Варсонофию Великому, а он ответил (я, конечно, говорю приблизительно к его словам): "Чадо, не так ты ставишь вопрос! Что сказано в псалме? "Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя" (Пс. 24, 18). Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения. Одно должно быть необходимо сопровождается другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться, и смиряться, как сказано в псалме: "Виждь смирение мое и труд мой", – то получим награду – оставление грехов, как сказано: "и остави вся грехи моя". Поэтому необходимо упражняться и в том, и в другом".

Я долго, – продолжал Батюшка, – не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это значит соединение всех сил души воедино для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в этом случае (в молитве Иисусовой), а везде. Например, когда на войне с врагом не будет у нас сплоченной силы, то враг, нападая то на один отряд, то на другой, вскоре победит всю армию, уничтожая один отряд за другим. Подобно этому и солнце, светя на землю, не может ничего зажечь, ибо лучи его рассыпаются по всей поверхности земли. Но если мы возьмем стекло увеличительное и этим стеклом сосредоточим все лучи в одной точке, то подложенное туда дерево, бумага или еще что-нибудь воспламенятся. То же самое можно сказать о музыке. Какую имеет красоту нота или звук, взятые в отдельности или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в

произведениях гениальных художников воспринимают великую силу и красоту. Про живопись и другое я уже не буду говорить.

То есть это такой узел, что сколько его ни развязывай, он все будет узлом.

Иисусова молитва не имеет пределов...

Ум, когда упражняется в чтении Священного Писания и молитве и тому подобном, очищается от страстей и просветляется. Когда же он погружен только в земное, то он одевается и становится как бы неспособным к пониманию духовного.

Я знал двух братьев, один тогда был врачом, а другой – профессором в Духовной Академии (ныне митрополит Антоний Петербургский). Два брата избрали себе разные дороги и после многих лет разлуки сошлись вместе и начали беседу.

Конечно, беседа коснулась и духовной стороны. Все, что говорил врач, было понятно профессору Академии, а что говорил профессор, не мог понять врач, не то, чтобы не хотел, нет – не мог, как ни старался, и попросил брата начать разговор о чем-нибудь ином.

Так что необходимо упражняться в духовном и побеждать все страсти, пока они еще неглубоко укоренились в нас. Страсти легко побеждать в помыслах, но когда они перейдут в слова и дела и укоренятся, то очень трудно, почти невозможно.

И еще много говорил Батюшка, но где же все упомянуть, вернее сказать, как все записать?

<...>

19 ноября 1909 г. Четверг.

<...> Читал три поучения еп. Игнатия "О кончине мира". Хороши эти поучения, как и вообще все сочинения этого Святителя Христова.

Третьего дня, то есть 17 ноября, Батюшка рассказал <...> как ровно 20 лет назад он чуть не умер. <...> Батюшка вдруг вечером почувствовал себя дурно, послали за доктором и за священником.

– А мысль мне говорит: "Ты сейчас умрешь", – говорил Батюшка. – Я только об одном молил Бога – чтобы приобщиться Святых Таин. Ужас смерти овладел мною. Наконец, приходит священник. Начал меня исповедовать, я ничего не могу сказать, а только: "Грешен, грешен". Священник сделал несколько вопросов, разрешил меня и приобщил Святых Таин. Я успокоился, хотя доктор сказал, что до утра едва ли доживу. Я лег на кровать, накрыли меня одеялом, и я остался один.

Вдруг слышу словно какой-то голос с неба: "До-о-он...н...", – это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе моей кто-то сказал: "Будешь жив". Мне стало отрадно, и я уснул. На утро мой денщик приходит и подымает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю:

– Ты что, Александр? – Денщик обрадовался и говорит:

– Да Вы живы, Ваше Высокоблагородие?!

– Да, жив. – (Хотя я после этого и лежал два месяца, борясь со смертью). Я велел раскрыть дневное Евангелие и прочесть мне его. Александр взял и начал читать притчу о бесплодной смоковнице: "Во грядущее лето посечеши ю, аще не сотворит плода" (Лк. 13, 9). Я и подумал, что, действительно, я – бесплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели, ибо был по внешности исправен. И решил я переменить свою жизнь.

<...>

23 ноября 1909 г. Понедельник.

Сегодня <...> Батюшка сказал краткое слово, напоминающее нам о нашем высоком иноческом звании, в особенности о соблюдении заповедей о любви, о послушании, о нестяжании. Как на высокий пример исполнения сих добродетелей, Батюшка указал нам на наших великих покойных старцев о. Макария и о. Амвросия, коих

память мы сегодня почитаем (День Ангела при крещении). Опять Батюшка благословил прочитать жизнеописание их.

<...> Насколько помню, 19 ноября я увидел, сидя в келии своей, что падает дерево. Я стал смотреть внимательно и увидел, что это дерево тянули за веревку помощник о. эконома с рабочим. Меня словно в жар бросило. Я только что утром слышал, как Батюшка говорил: "Пока я в Скиту, я не позволю ни одной ветки срубить". Поэтому я подумал, что это делается без ведома Батюшки. И тем более, что про эти деревья мне Батюшка рассказывал летом во время одной вечерней прогулки следующее:

– Вот здесь стоят два-три дерева (липы). Незадолго до моего поступления батюшка о. Амвросий, указывая на эти деревья (тогда их было очень много здесь, целая рощица), заповедал беречь их и сказал: "Приедет барин и будет здесь жить, а в этой рощице будет чай пить". Вскоре приехал я, и меня назначили как раз в этот корпус и, вероятно бы, я пил чай, но их почти все срубили. Остались эти два-три деревца (они находятся за южной стороной нового храма, между двумя корпусами).

И вот я вижу, что эти деревья срубили, теперь там ни одного деревца нет. Я пошел и сказал Батюшке. Батюшка, узнав, призвал помощника о. эконома, сделал выговор, снял рясофор с него и поставил на поклоны в трапезе. Батюшка хотя и покрыл меня, но все-таки догадываются, что сказал я. Быть может, придется и потерпеть какие-либо скорби из-за этого, но я не мог смолчать. Да будет во всем воля Божия!

<...>

24 ноября 1909 г. Вторник.

<...> Сейчас на благословении я сказал Батюшке, что нападают, особенно за молитвой, разные помыслы, особенно тщеславные, осуждающие и прочие.

– Да, конечно, нападают, – сказал Батюшка, – вся жизнь инока есть борьба с помыслами, для этого-то и нужна молитва Иисусова.

Кстати уж запишу слова преп. Симеона Нового Богослова о внутренней молитве Иисусовой: "Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь, на земле, то никогда не соединится с Ним". Это мы, я и Батюшка, прочли в книге "На горах Кавказа" в том месте, где говорится о необходимости молитвы Иисусовой.

– Это – страшные слова, – сказал Батюшка. – Когда я это прочел еще послушником, я начал искать подтверждения сему, ибо это говорит только один преп. Симеон. И вспомнил текст Евангелия: "Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят" (Мф. 5, 8). Если переставить слова, выходит так: "Бога узрят только чистии сердцем". А внутренняя молитва Иисусова и есть соединение ума и сердца для устремления их к Богу.

Я уже в точности слов Батюшки не помню, а поэтому боюсь писать смело, ибо могу написать что-либо и неправильно.

26 ноября 1909 г. Четверг.

Вчера вечером долго с Батюшкой засиделись – до двенадцати часов. Больше занимались делом. Только под конец Батюшка рассказал про себя, как Господь охранял его от женского пола в миру, как не попустил ему жениться, хотя было много невест.

– Словно мухи на мед, они лезли на меня. Я не был никогда красавцем, правда, не был и уродом. Поэтому я это приписываю тому, что диавол их на меня напускал, ибо у него прекрасное чутье и он чуял, что во мне есть что-то такое, то есть склонность к иночеству, и ему хотелось меня закрутить, но Господь спасал.

27 ноября 1909 г. Пятница.

<...> Я думал, что если бесы могут внушать нам мысли и если душа может слышать слова бесов, то бесы видят и слышат наши мысли. Но Батюшка сказал, что это не так.

– Бесы могут нам внушать мысли, но не могут знать, приняли ли мы их или нет. Поэтому они делают так: внушают нам мысль и смотрят на лицо, желая по его выражению узнать, как отнеслись мы к этим мыслям.

Это мне многое открыло и сделало понятным.

<...> Помню, 23 сентября, когда я с Батюшкой пил утренний чай, он начал говорить так:

– Представьте себе, что какой-нибудь человек семейный, молодой, по ошибке был заподозрен в убийстве и сослан в Сибирь на вечную каторгу. У него осталась молодая жена с маленьким сыном. Конечно, жена знала, что муж ее страдает невинно. Так проходит, положим, тридцать лет. Безвинно страдающий сидит в тюрьме и в узкое окошко видит всегда по вечерам, что дом генерала-губернатора освещается: там идут балы, танцы, пиры, веселье... Но вот прежнего губернатора сменили, приехал новый. По внешности в доме губернатора ничего не изменилось: также идут пиры и веселье. Но вот новый губернатор пожелал основательно осмотреть тюрьму. Окруженный подчиненными, идет он по тюремным заключениям и спрашивает каждого заключенного, за какую вину он здесь находится. Дошла очередь и до этого безвинного страдальца. Молодой губернатор спрашивает:

– А ты за что?

– За убийство, – отвечал тот и не стал оправдываться.

Но что-то губернатор начинает в него всматриваться пристальнее, спрашивает, откуда родом он, где жил, есть ли родные. И из рассказа узнает, что это его отец. Оба бросаются друг другу в объятия. Можете представить себе их чувства?!

И мог ли предполагать губернатор, что в этой тюрьме сидит его отец, хотя он и видел эту тюрьму каждый день со своего высокого балкона. А также мог ли предполагать заключенный, что в этом роскошном доме, где каждый день пиры и веселье, живет его сын, которого он оставил ребенком пяти лет? Конечно, сын тотчас же освобождает отца! Делает запросы, справки, и оказывается, что, действительно, он невинно страдал, что убийца – совсем другой человек. Но почему этот заключенный был освобожден? Потому что сын его, когда узнал его, по своей влиятельности и силе повернул дело совсем в другую сторону... Подобно этому, может быть, если сын поступит в монастырь, а родители его уже умерли, вот они и узнают, что их сынок поступил во святую обитель и рады, что есть за них молитвенник. То просфорочку вынет за них, то на панихиде помянет, то еще как помолится, а они все повесточку получают да получают и переходят все к более и более легким мукам, ибо по молитвам Церкви умершие получают облегчение своей загробной участи. А какая польза родителям была бы, если бы он потерял веру в Бога и умер бы с проклятиями на устах?!

Я помню, когда я был маленький, у нас была картина в доме. Она изображала следующее: стоит Петр I Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какие-то преступления. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, ибо он стар, не сможет перенести тяжких трудов, кроме того, в нем нуждается семья.

– Лучше сошли меня в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен, – говорил юноша. – Петр прослезился и сказал:

– Освобождаю этого человека за то, что у него есть такой сын!

Так мне рассказывал про эту картину мой отец и учил меня молиться за него. Да и вообще учил он меня молиться. Возьмет бывало меня, поставит с собой и велит

прочсть "Богородицу", "Царю Небесный" и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть в один день. Конечно, я теперь молюсь за отца каждый день!

Все это мне Батюшка тогда рассказал подробнее, чем я это передал здесь. Да, может быть, что-либо и серьезное выпустил, ибо не надеюсь на свою память, а прошло уже более двух месяцев.

Вечер. Сейчас возвратился от Батюшки. <...> Он говорил мне об о. Анатолии, покойном старце, что тот любил Бога, как только можно было ему любить, и что это чувствовалось всякому, кто к нему приходил.

Коснулись немного молитвы Иисусовой и вообще духовной жизни. Такие беседы я люблю.

<...>

29 ноября 1909 г. Воскресенье.

Вчера за бдением Батюшка говорил слово о внешнем и внутреннем монашестве. Говорил хорошо. Указывал на "Поучения преп. аввы Дорофея" как на прекрасную книгу, научающую нас и внешнему и внутреннему монашеству.

– Сначала надо приобрести внешнее монашество или монашеское ученичество, но на этом не останавливаться, а идти далее. Вот преп. авва Дорофей и научает, как соединять одно с другим. Внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой. Монашеский чин выше царского, ибо царь хотя бы долго процарствовал, все-таки умрет, и царствование его прекращается. А монахи должны быть царями и иереями Бога Вышнего во веки.

<...>

5 декабря 1909 г. Суббота.

<...> Припоминается мне Батюшкина беседа о господине Погожеве, известном более под псевдонимом "Поселянин". Он пишет статьи духовно-нравственного содержания.

– Вы себе представить не можете, какая громадная разница между теперешним его лицом и прежним. Ничего нет общего! Я помню, был он у нас в Скиту за трапезой лет 15-17 назад. Я сидел в уголке около портрета о. Паисия Величковского, а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что я говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях. Было лето, окна в трапезной были растворены. Он сидел как раз перед окном, спиной к читающему. Помню, подали уже второе или третье, он съел две-три ложки и, положив ложку, устремил свой взгляд в окно. И чувствуется мне, что смотрит он на храм, на чудные сосны, затем поднимает взор еще выше в голубые небеса с мыслью о великом и бесконечном Боге. "Господи, – думаю я, – какой же должен быть внутренний мир этого человека?!" И до тех пор я уже знал его по его сочинениям, а тогда я просто полюбил его. Я попросил у о. Иосифа благословения познакомиться с ним. О. Иосиф прислал его ко мне в келию, и там была у нас беседа первая и последняя. Вот я ему и говорю теперь, когда он был у меня:

– Вы помните тогдашнюю нашу беседу?

– О, да! Она вся у меня здесь, – он прижал руки к сердцу.

– Помните, я тогда говорил о внутреннем <...> монашестве, которое вам собственно и нравится. Так вот, поступайте к нам в Скит, вам еще не поздно. Но только не думайте, что сразу нужно на небо взлететь и мертвецов воскрешать! Нет, сначала нужно упражняться во внешнем монашестве, перешагнуть его. А приступать сразу к внутреннему нельзя, нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления, и внутри себя от дьявола, и совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти

весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое... Поступайте к нам в Скит, дам я вам келейку. Будете ночью выходить любоваться чудным звездным небом... И сами посудите: что принес вам мир? Какую получите вы от него пользу?

– Хорошо... Теперь я буду приезжать в Скит. Ну, а если я поступлю в Скит, то меня заставят бревна таскать, а я этого не могу!

– Нет, вас не заставят бревна таскать прежде всего потому, что вы не сможете ни одного бревна поднять. Послушание всегда дается сообразное с силами.

Видите, вот какие у него в этом дикие понятия о монашеской жизни, хотя про монашество он всю жизнь писал. А почему? Потому что не проходил опытом личным монашеской жизни.

Когда Батюшка кончил говорить, я спросил:

– А что нужно относить к внешнему и что к внутреннему монашеству?

– Над этим вопросом много потрудились и еп. Игнатий, и еп. Феофан. Еп. Игнатий написал об этом статью во 2-м томе, а еп. Феофан отдельную книгу "Внутренняя жизнь". Внешнее монашество – это упражнение в подвигах: пост, бдение, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество – это борьба со страстями, очищение сердца.

6 декабря 1909 г. Воскресенье.

<...> На днях я был свидетелем благоразумия Батюшки, рассуждения, любви, смирения и... даже не знаю, что сказать. Есть в монастыре монах, уже старый, лет пятьдесят живущий в Оптиной. Мне Батюшка говорил про него, что его не могли смирить ни о. Исаакий, ни о. Досифей, ни теперь о. архимандрит Ксенофонт. На все обличения он отвечал грубостями и дерзостями. Вот на этого монаха поступили к Батюшке жалобы от монастырских братьев. Батюшка решился позвать к себе этого монаха. Он пришел. На первое же слово Батюшки он начал говорить дерзости и грубости и даже закричал на Батюшку. Ворча и угрожая, вышел он от Батюшки и ушел. Батюшка позвал казначея и благочинного и сказал им, чтобы с него была снята мантия и даже рясофор. Но монах не послушался и сказал, что не желает этого. Тогда Батюшка сумел так распорядиться, что этот монах пришел неузнаваемый к Батюшке, упал на колени с плачем, прося прощения и благословения, изъявляя покорность. Батюшка тотчас же простил: "Бог тебя простит". – Но монах, не вставая с колен, все просит прощения. – "Бог простит, меня прости", – говорит Батюшка и, успокоив немного монаха, отпустил его.

Когда я вошел, Батюшка сказал мне:

– Это чудо! Слава Тебе, Господи!

Батюшка встал перед иконами и помолился. Всякому понятно, что Батюшка все это делает для пользы братии, то есть смиряет, и утешает, и все другое. А о смирении Батюшки я уж не буду и говорить.

7 декабря 1909 г. Понедельник.

<...> Вечером. Запишу кое-какие Батюшкины слова. Например, однажды он сказал так:

– Долго я не понимал слов псалма: "Глас Господа, пресецающий пламень огня" (Пс. 28, 7). И уже в монастыре я подумал так: мы на земле имеем огонь, пламень которого имеет и жар, и свет. Но между раем и адом огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без всякого света жжет грешников в аду, ибо пишется, что бездна адского пламени находится во тьме и даже грешник не может видеть никого другого. Господи, спаси и помилуй! Чем хочешь, накажи, Господи, здесь, только помилуй там!

<...>

16 декабря 1909 г. Среда.

<...> Много мне Батюшка говорил, а всего записать невозможно. Говорил Батюшка о неизвестности своей смерти и о времени моего пострижения в рясофор и мантию, а, быть может, и посвящения в священный сан.

– Пока я живу, пока я на этом месте, вы будете ровно жить. Через десять лет вы, конечно, встали бы на ноги, но я не надеюсь, что проживу столько. А после меня вам придется потерпеть. Конечно, таких скорбей, как я испытал, вам Господь не пошлет, а придется потерпеть. Вы будете в моем положении, когда все обрушится на вас, но вы не поколеблетесь.

Говорил Батюшка, что надо прямо идти, иметь твердость. Под конец беседы, когда я уже собирался уходить, я сказал Батюшке:

– Батюшка, когда мы уезжали из Скита еще мирскими, вы нам сказали так: "У вас, Николай Никифорович (вы часто ошибались и называли меня Никифоровичем), произволение тверже, и я чувствую, что мне с вами еще придется встретиться на монашеском пути".

– Да, это сбылось уже, мы уже встретились. Дал бы нам Господь идти вместе по монашескому пути, а мы можем вместе идти, дополняя один другого.

<...>

20 декабря 1909 г. Воскресенье.

<...> Недавно приходил к Батюшке о. Павел из канцелярии для переговоров о написании письма, кажется, какому-то архимандриту на его вопрос: "В чине пострижения в схиму есть выписка из творений преп. Симеона о том, что всякий не совершившийся этим великим образом, то есть схимой, не монах. Как же подумать о современном монашестве, о тех, которые не приняли схимы, а только мантию, и если здесь какое-либо недоразумение, то как его примирить и разъяснить?" На это Батюшка сказал так:

– Не знаю, насколько верно мое предположение, но я думаю так. Прежде не было никаких рясофоров и мантий, была одна схима. Эти подготовительные степени, то есть рясофор и мантия, учреждены впоследствии, когда монашество уже ослабело. Правда, мантия немного отличается от схимы. А прежде было так: поступает в обитель ищущий спасения, его испытывают некоторое время, и если он оказывается имеющим произволение, если можно ожидать, что из него выйдет монах, то его сразу постригали в схиму. Так что прежде были только два разряда: послушники, то есть испытываемые, и схимники. Отсюда надо и полагать, что не принявший в то время схимы был простой мирянин. Но я вам повторяю, что это мои личные рассуждения...

Затем вскоре после этого <...> я опять заговорил с Батюшкой об этом же.

– Я полагаю, Батюшка, что для разъяснения этого вопроса, – сказал я, – можно обратиться к следующему происшествию: скончались схимонах и послушник. Их погребли как должно. Потом, когда их откопали через некоторое время, то оказалось, что схима надета на послушника, а схимник лежит без схимы. Поэтому, я думаю, что можно быть монахом и не принимая схимы.

– Это значит то, – сказал Батюшка, – что этот послушник проводил жизнь схимонаха, а схимонах жил недостойно своего звания и чина. Но этим схима не умаляется. <...>

Сегодня память св. Игнатия Богоносца. Мне как раз пришлось в книге "На горах Кавказа" прочитать про него, а также и про еп. Игнатия (Брянчанинова). И тот и другой были великие делатели внутренней молитвы.

<...>

22 декабря 1909 г. Вторник.

<...> Между прочим, Батюшка сказал:

– Знаете, на местах, где теперь стоят храмы, монастыри и вообще святыни, прежде стояли идольские капища и идолы. Нередко читал в житиях святых так: "Идеже бе капища, создана церковь". Значит, так угодно было Богу для посрамления и смирения гордыни дьявола.

А я вспомнил, что был в Москве театр-ресторан "Омон", не знаю, существует ли он теперь. Я про него слышал, что он устроен на месте упраздненного храма. Я это и сказал Батюшке.

– Да, да. Так это и будет в последние времена. Храмы будут разрушены, а на месте их устроены синагоги евреев и буддийские храмы и прочее. <...> Монастыри будут в великом притеснении и гонении. Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковках. Не дай, Господи, дожить до этого времени. А вы доживете, будете в монастырях, которые вообще будут в гонении, а потому и в лишении.

<...>

27 декабря 1909 г. Воскресенье.

Вчера утром я пришел к Батюшке после чая. Хотели почитать "На горах Кавказа", но эта книга была у меня в келии. Поэтому мы немного побеседовали. Говорил Батюшка о трудностях спасения в нынешнее время.

– А вы, – сказал Батюшка, обращаясь ко мне, – вы избрали благую часть. Желал бы я видеть вас в рясофоре и мантии, но не знаю, буду ли жив. Тогда (то есть когда получу мантию) будет приложена к вам Царская печать. Тогда уже от вас будет зависеть, сохранить ее или разломать.

Говорили о стихотворении "Величие Богоматери", написанном самим Батюшкой. Это стихотворение очень понравилось редактору – издателю того журнала, куда Батюшка послал это стихотворение для напечатания, и они приписали: "К празднованию дня собора Богоматери 26 декабря". Батюшка сказал даже что-то вроде того, что он будет на Страшном Суде просить Божию Матерь избавить его вечных мук, указывая на это стихотворение.

Но долго не пришлось нам беседовать, сначала сам Батюшка немного прилег отдохнуть, а я сел читать "Отечник" еп. Игнатия (Брянчанинова).

– Это хорошо вы сделали, что стали читать эту книгу. Она составлена так: еп. Игнатий выписывал то, что отвечало на волнующие иноческие вопросы. С этой стороны этот труд его незаменим. Многие недоумения, долго волновавшие кого-нибудь, сразу разрешаются одной выпиской.

<...>

Вечером. Благословение всей братии было заочное. А я, как всегда, вошел к Батюшке и, приняв благословение, ушел. Взял с собой я книгу "На горах Кавказа". Давая мне эту книгу, Батюшка сказал: "Идите и насладитесь". <...>

28 декабря 1909 г. Понедельник.

Сейчас приходил к Батюшке монастырский ризничный пономарь. Когда я после его ухода вошел, Батюшка мне сказал:

– Страшные вещи сейчас рассказал он мне, страшные вещи про одного монаха. Что будет тогда, когда Оптина пустынь наполнится такими людьми. Я, конечно, не доживу, а вам придется бороться с этим. Много придется вам пролить крови и слез. Да, много придется вам пролить пота, слез и крови. <...>

Иногда Батюшка говорит, как бы размышляя, предполагая, а иногда твердо, уверенно, и такие слова мне запоминаются более. Так и сегодня особенно ударил на слова: "пролить пота, слез и крови", и даже повторил их. Буди воля

Господня!

Вечером. 16 декабря у меня была беседа с Батюшкой (см. 16 декабря). Кое-что из этой беседы я уже записал, теперь хочу еще немного записать. <...>

– Вот я и говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей, даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл. Я не желал и не искал этого своего положения, не просил и стою на этом посту за послушание. И думаю, быть может, и лучше было бы для меня, если бы я жил в той своей келейке, терпел бы скорбь и творил бы молитву Иисусову. Но если бы я не был начальником Скита, вас бы не приняли в Скит. Но все мне думается, быть может, и даст мне Господь упокоение, когда я займусь приготовлением себя к той жизни исключительно, а теперь это невозможно, весь я разорван по частям: то – то, то – другое. А все-таки я думаю, быть может, сподобит Господь. Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я ездил к о. Варнаве, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: "Будут тебе все кланяться", – и действительно, кланяются; а потом: "Будешь жить и творить молитву Иисусову". А хорошо бы так.

<...> Вышел я в Скит от Батюшки, иду под впечатлением беседы, а вокруг меня поющая и ликующая ночь. Тихо и ясно. Полная луна освещает наш укромный Скиточек. Все блестит и торжествует. Сосны и все деревья, покрытые белым инеем, недвижно стоят в своем уборе, безмолвием своим, славя Бога. Оба храма, и старый и новый, словно дворцы какие, стоят, облитые лунным светом. Все чудно хорошо!

29 декабря 1909 г. Вторник.

<...> Однажды Батюшка говорил:

– Помните, что подвиг преп. Виталия состоял в особенности в том, что он обращал блудниц на правильный путь жизни. И я не скрою от вас, что ко мне часто приходят блудницы, спрашивая, что делать, а я, что Господь открывает мне и внушает, говорю им, и многие обращаются. Конечно, это Господь обращает их, я являюсь здесь только орудием в руках Господа.

Потом Батюшка сказал:

– Враг ненавидит, когда один относится к другому с искренними чувствами и любовью о Христе. Он всегда старается посеять вражду и разъединение, как ненавистник добра. Вот я и говорю вам, что враг не оставит этих наших отношений – искренних и прямых, как отца к сыну. Ведь он нередко разъединял даже святых. Но я говорю: если между нами будет сохраняться откровенность, простота и искренность, то ничего он не сможет сделать, ибо нашей друг к другу откровенностью будет разрушаться всякая его злоба. Это я считаю нужным сказать вам.

<...>

30 декабря 1909 г. Среда.

Сегодня, когда я и Батюшка сидели и занимались, он подсчитывал деньги. Когда Батюшка закончил, он сказал:

– Вот если, быть может, Господу угодно будет возложить на вас иго игуменства или настоятельства – иго хотя и очень тяжелое, но и плодотворное, – то я заранее говорю вам быть очень осторожным и внимательным в денежном деле. Духовное само собой, а это само собой.

<...>

3 января 1910 г. Воскресенье.

<...> Батюшка говорил мне:

– Самооправдание – не монашеское дело. Мне так в свое время и старец Анатолий говорил: "Никогда не оправдывайся".

– А если я, Батюшка, прав?

– Все равно, прав или не прав, промолчи, когда обличают, а потом скажи: "Прости, виноват".

– Ну, хорошо, а если скажут, что я убил человека, то и тогда не оправдываться?

– Да. Промолчи и скажи: "Прости". Если не убивал никого на самом деле, то быть может, убил кого словом. Поэтому не оправдывайся, сознавая себя грешным и во всем виноватым. И за то, что ты так скажешь, Господь тебе впоследствии откроет, что ты действительно был виноват. <...>

4 января 1910 г. Понедельник.

<...> Была беседа, которая продолжалась час. Батюшка говорил о вечных муках, о райских блаженствах; говорил и о себе, как он, всеми презираемый, сделался иеромонахом, а вскоре старцем и начальником.

– Что Богу угодно, то и будет. Надейтесь только на Бога, а не на человека. Бог избирает Себе слуг и предназначает. Мне не открыто, как и кем вы будете. Но вы все при мне, все мы вместе. Недаром Господь освободил вас от воинской повинности. Живите по-монашески, и Господь не оставит. А здесь никому не говорите, что я вам говорю.

<...>

7 января 1910 г. Четверг.

<...> Когда Батюшка ложился отдыхать, он мне сказал:

– Да, все, чему учит Святая Церковь – истина, и загробные муки существуют.

<...>

Когда под Крещение мы правили бдение у Батюшки, Батюшка вместо поучения между кафизмами сказал небольшое слово. Излагать его я не буду по недосугу, а скажу только главную мысль. Батюшка говорил, что Бог попустил Адаму и Еве пасть в грех, и первое невинное, чистое естество извратилось. Но Господь по человеколюбию Своему воссоздал человека на лучшее во Христе Своем".

Новозаветный праведник выше Адама. Враг торжествовал, соблазнив первого Адама. Но Господь тут же произнес проклятие на него, сказав, что "семя жены сотрет главу змия" (Быт. 3, 15). И все новозаветные праведники в обновленном естестве стали выше Адама.

Как Батюшка говорил, мне очень понравилось.

10 января 1910 г. Воскресенье.

Все эти дни я почти не имел свободной минуты. Срочные годовые отчеты нужно было составлять. Помню, однажды на днях Батюшка заметил мне, что нужно быть во всем аккуратным и внимательным. Внимательность, точность и аккуратность в делах и своих обязанностях "даже будут способствовать внутренней душевной собранности вашей, когда вы привыкнете ко внимательности".

Потом Батюшка опять говорил мне, чтобы я занялся своим выговором "для своей личной пользы и пользы обителя". Батюшка говорил, что меня трудно понимать, что все слова как-то сливаются в неопределенные звуки.

– Пока вы молоды, можете исправить это. А для этого нужно вам громко, медленно читать в келии, хотя полчаса, жития святых, стараясь выговорить все буквы ясно, правильно. Конечно, при таком чтении придется обращать внимание не на смысл читаемого, а на механизм чтения. Здесь, как и во всяком деле, прежде всего требуется сознать свою немощь, затем возыметь желание исправления, и,

наконец, избрать и употреблять известные средства. Но так как средства к исправлению бывают не совсем приятные и на исправление требуется время, то сверх всего сказанного необходимо иметь терпение.

<...>

14 января. Четверг.

Сейчас пробило двенадцать часов. Полночь. Я только что возвратился в келию от Батюшки: сначала занимались письмами, а потом беседовали. Между прочим, Батюшка говорил, что в его положении старца Скита он замечает часто (не ежедневно, а ежечасно) козни врага, от которых может укрыть только Господь. Говорил Батюшка, что мое положение исключительное и счастливое, что я все время при старце, что я имею возможность и сказать, что нужно, и поговорить, чего Батюшка не имел в свое время, а в особенности после смерти батюшки о. Анатолия, что и мне, очень может быть, придется подобное испытать... Говорил Батюшка, что желал бы еще протянуть свою жизнь для укрепления меня не только в духовно-нравственном отношении, но и внешнем, то есть дать рясофор и этим утвердить. Спаси, Господи, Батюшку. Хорошо так побеседовать, но мало времени, – редко приходится.

15 января 1910 г. Пятница.

<...> Сегодня я читал письмо еп. Никона Батюшке. Там говорится об увеличении сект иоаннитских, которые опасны тем, что носят характер ложного мистицизма; еще о том, что теперь становится очень опасным положение верующих... А вчера Батюшка говорил мне следующее:

– В "Апокалипсисе" сказано: "Блажен читающий словеса книги сея" (Откр. 1, 3). Раз это написано, значит, это действительно так, ибо слова Писания – слова Духа Святого. "Но в чем заключается это блаженство, тем более, что мы ничего не понимаем из него?" – могут возразить на это. Может быть, утешение внутреннее от чтения Божественных слов? А можно думать и так: то, что теперь для нас непонятно, будет понятно тогда, когда настанет то время, какое там описано. Вот и посудите: кто теперь читает "Апокалипсис"? Почти исключительно в монастырях, да в Духовных Академиях и Семинариях по необходимости, ибо студентам нужно писать сочинения и сдавать экзамены. А так в миру редко кто читает. А отсюда и ясно, что тот, кто будет читать "Апокалипсис" перед концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается, а понимая, будет и готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в "Апокалипсисе", те или другие современные ему события...

17 января 1910 г. Воскресенье.

<...>

Батюшка сидел на диване, а я напротив его у окна. И Батюшка так говорил:

– Я, конечно, никому не говорю и не показываю вида, но ужас адских мук всегда стоит в моем уме. Но я пользуюсь им для своего смирения. А как это чувство ужаса смиряет!..

И далее вся беседа была об адских муках, существование которых не признают современные ученые люди.

– Встанемте, помолимся, да избавит нас Господь от адских мук. Будем всегда благодарить Господа, что мы здесь. Пусть вся наша жизнь будет благодарением, что Господь привел нас сюда. Правда, само место не спасает, но, по крайней мере, будем думать, что мы в лодке.

<...>

23 января 1910 г. Суббота.

19-го числа <...> я читал книгу "На горах Кавказа". Эта книга написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой путь ее прохождения, цель и плоды. Между прочим, я прочел там место о том, что хорошо трудиться на молитвенном пути, созерцая "несозданную красоту" Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Это место было очень глубоко, и я прочел его Батюшке. Батюшка сказал, что это, вероятно, из творений преп. Макария (19-ая беседа). Вот Батюшка и сказал:

– Да, я занимался молитвой Иисусовой, дело шло, молитва начинала у меня разгораться, но настоятельство у меня отняло ее. Молитва чуть дышит... Вот я часто задаю себе этот вопрос: "Что? Выигрываю я на этом своем посту или проигрываю?" Да, скажу вам, враг вам даст все, что хотите – иеромонашество, власть, настоятельство, даже патриаршество, но только не даст молитвы Иисусовой. Сколь она ему ненавистна! Все даст, только не ее!

<...>

21 января, когда я пришел утром к Батюшке на занятия, он, благословив меня, спросил:

– Какого сегодня святого память? Преп. Максима Исповедника? – Я ответил:

– Да.

– Обратили ли вы внимание на кондак этому святому? – Я говорю:

– Нет.

– Дайте сюда Псалтирь. Читайте. – Я начал:

– "Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне..."

– Здесь говорится про молитву Иисусову, – прервал мое чтение Батюшка, – теперь дальше.

– "Являюща божественная концем неудобопостижных разумений ты сказуай блаженне, и Троицу всем, Максиме, воспроповедуй ясно пресущную, Безначальную".

– Ну, вот, теперь понятно, почему батюшка Амвросий всегда под подушкой имел творения св. Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны. Я взял было его творения, но чтение у меня не пошло, не понимаю теперь, по каким причинам, но не пошло.

Потом вскоре мы сели пить чай, затем начали обычные письменные работы.

Незадолго до трапезы Батюшку очень расстроили некоторые из братий. Я их призывал к Батюшке, а когда они ушли, он сказал мне:

– Вот через 20-30 лет вы увидите то же самое и скажете: "Все это мне знакомо, я был при Батюшке Варсонофии". Это вам прекрасная школа. Но я вам скажу, тогда будет хуже. Сейчас, по крайней мере, на колени становятся, а тогда прямо будут говорить: "Ну что же из того, что ты настоятель? Что мне настоятель?" (Батюшка махнул рукой). Того и гляди хлестнет. Тогда вы вспомните меня. Никого тронуть нельзя! Чуть что: "Я ухожу". Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, то смирялся больше всех, а теперь лишь заметит, что нужен, возгордится и тронуть его нельзя. "Я ухожу!"

А вчера, кажется, Батюшка сказал:

– Думается мне, что скоро я уйду от вас, осиротеете вы тогда, деточка моя, осиротеете...

И еще:

– Да, вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец и ученик единодушно. Как старец говорил с учеником, вот и я только с вами и поговорю...

24 января 1910 г. Воскресенье.

<...> Батюшка мне не раз говорил о том, что теперь совершаются страшные дела. Иногда Батюшка говорил какие, а иногда и не говорил. Так вот и вчера: уже после бдения мы вместе прочли вечерние молитвы и, оставшись вдвоем, немного поговорили. Было видно, что Батюшку расстроили какие-то известия (какие, он мне не сказал).

<...>

31 января 1910 г. Воскресенье.

27 января вечером <...> говорил Батюшка о страстях и в особенности о блудной:

– Эта страсть никого не щадит: ни старого, ни средних лет, ни молодого.

Достаточно вспомнить преп. Иакова отшельника и восьмидесятилетнего епископа, впавших в блуд...

Также недавно говорил Батюшка о том, что блудная страсть и сребролюбие одинаково сильны, от них никто не застрахован, хотя, конечно, каждому возрасту соответствует преимущественно одна страсть. У старых обыкновенно скупость и сребролюбие, а у молодых – блуд.

28 января вечером я спросил Батюшку:

– Вы мне сказали, что молитву Иисусову за службой надо творить только тогда, когда не слышишь, что читают, или когда плохой чтец, так что нельзя разобрать; также относительно пения. Вы особенно на это ударили и сказали, что так батюшка о. Амвросий учил. Но вот я прочел у еп. Игнатия и у преп. Серафима Саровского, что надо молитву Иисусову творить за службой все время. Здесь я вижу какое-то разногласие. Но разногласия ведь не должно быть, а потому, как примирить между собою оба эти учения?

– Прежде всего, каждый учит по своему личному жизненному опыту. Кроме батюшки о. Амвросия, так учили о. архимандрит Моисей, батюшка Макарий. А несомненно, они были опытны и имели внутреннюю молитву. Затем: одно приличествует новонаначальному, другое – уже приобретшему внутреннюю молитву. Имеющему внутреннюю молитву, она также свойственна и естественна, как и дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают. Этого не понимал ученик одного старца и просил его разъяснить, как же это так: и слушает, и молитву творит? Старец отвечал: "Скажи мне, брат, что мы сейчас делаем?" – "Беседуем". – "Да. А скажи, мешает ли нашей беседе то, что мы дышим?" – "Нет". – "Ну, так вот, также и молитва идет у тех, кто стяжал молитву внутреннюю". Она им так же естественна, как дыхание. Поэтому и сказано: "Молитва да прилепится дыханию твоему". Даже когда человек спит, молитвенное действие не прекращается у него в сердце по слову: "Аз сплю, а сердце мое бдит". Но этого мы не имеем. Мы просыпаемся и не имеем даже на устах имени Господа Иисуса... Теперь скажу и о службах. Наша молитва не получила еще такой собирательной силы. Наши мысли не имеют еще сосредоточенности. Мы еще не можем так глубоко вникать в молитву Иисусову. А поэтому мы за службой, если будем творить молитву, будем плохо слушать, что читают и поют, да и в самой молитве будем окрадываться рассеянностью, и выйдет, что ни к тому, ни к другому не пристали: ничего не выйдет. А внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Конечно, иногда бывает, что полезнее человеку творить молитву, нежели слушать службу, вследствие каких-либо внутренних обстоятельств. Здесь надо иметь рассуждение...

Батюшка это очень хорошо говорил, но я не в состоянии передать все так, как им было сказано.

Вечером. Также 28 января я сказал Батюшке, что мне приходят тщеславные

помыслы, что я буду старцем, игуменом и прочее.

– Да, я так и думал. Желать этого не следует, а, конечно, все может быть, и поставит вас Господь на это место, а может быть, и укроет вас там где-либо, в келии. Но простите меня Господа ради, я считаю, последнее выше.

29 января Батюшка говорил мне:

– Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы. Тяжелое болезненное состояние. Про эти муки говорится в псалме: "Объяша мя болезни яко рождающая", и далее: "и извел мя еси на широту" (см. Пс. 17, 20). "Женщина, когда приходит время рождения, испытывает сильные боли, а когда родит, радуется, ибо родился человек в мир" (Ин. 16, 21). Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел "на широту". Кто не испытал этих рождающих болезней в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру.

– А в чем заключаются эти болезни?

– В борьбе со страстями. Страсти будут восставать. На кого-то блудная страсть напала, конечно, по действию диавола, а на вас, может быть, гнев, – на всех будете сердиться, даже на грешного Варсонофия. Или еще мания величия и прочие страсти. И враг вас не оставит: если победите одну страсть, воздвигнет другую и так далее. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя, а не слагать оружия. Терпение необходимо.

30 января Батюшка был расстроен поведением о. П.

– Нет, Николай Митрофанович, – сказал Батюшка, – не становитесь настоятелем.

Теперь таких два-три человека, а в ваше время будет таких две трети братства.

Затем, когда Батюшка ложился отдохнуть после обеда, он мне сказал:

– Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала до конца. И вот тут-то и нужна молитва Иисусова: без нее ни одна душа не выдержит... Пока я жив. Пока еще продержит меня Господь – вам ничего, а когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому теперь запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преп. Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь научайтесь терпению.

<...>

Забыл написать о "болезни рождающих" еще то, что Батюшка говорил:

– Находящийся в этом состоянии сам своими силами не может понять, проходит она (болезнь) или усиливается... Он разобраться в этом не может. Вот здесь-то и нужен старец: он сразу увидит, что делается с его духовным сыном, что потребно для него в таком его состоянии. И это Бог открывает по вере приходящего и вопрошающего. А если нет чистой веры, то если такой человек придет и к пророку, Бог внушит и пророку солгать.

Сегодня после обеда зашел к Батюшке, напился чаю, получил благословение и книгу "На горах Кавказа" для чтения, которую и читал. Еще Батюшка говорил, чтобы я читал письма батюшки о. Макария к мирским, что требуется для писем наших. <...>

2 февраля 1910 г. Вторник.

Бдение правила у Батюшки. После бдения, когда все ушли, я остался у Батюшки. Немного поговорили, и я начал собираться уходить к себе в келию. Здесь Батюшка сказал:

– Может быть, Бог даст, буду я жить на покое, заниматься Иисусовой молитвой.

Придет ко мне брат Николай и скажет: "Да, какое блаженство – монашеская жизнь, только очень скорбей много". – "А то как же, конечно, много, а без скорбей

нельзя".

Когда это говорил Батюшка, я подумал: "Как же это? Совместимы ли скорби и блаженство?" Хотел спросить, но не спросил, подумав, что, быть может, скорби и служат источником блаженства.

– Когда был жив еще батюшка о. Анатолий, он постоянно говорил мне:

"Смиряться, смиряйтесь, смиряйтесь". Так и я вам говорю: смиряйтесь и смиряйтесь!

Неоднократно приходилось мне слышать от Батюшки, как он говорил и мне, и другим:

– Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а в монашеском пути это прямая погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить "и нашим, и вашим".

<...>

5 февраля 1910 г. Пятница.

Я замечал, что, вследствие моего почти постоянного пребывания с Батюшкой, я часто не открывал своих погрешностей. Конечно, если взять их в отдельности, то они пустяк, но, наслаиваясь одно на другое, могут привести к нерадивой жизни. Я это сказал Батюшке. Батюшка ответил, что необходимо открывать каждый день все до последней соринки, чтобы ничего не осталось. Сегодня я уже и постарался сказать все, бывшее за день.

Между прочим, я сказал Батюшке, что иногда как бы осуждаешь его за слова и рассказы, по-видимому, совершенно не относящиеся до монашества. <...>

– Из житий святых мы видим, что шуточки допускали и святые отцы, например преп. Пахомий Великий, преп. Антоний Великий и прочие. Конечно, содержание этих шуточек они брали не из Библии и творений св. отцов, а просто что-нибудь рассказывали. Так и я рассказываю что-либо. А в это время бес, быть может, хотел на вас уныние напустить, а мой рассказ отогнал от вас уныние.

<...>

7 февраля 1910 г. Воскресенье.

<...> Сегодня Батюшка дал мне славянское "Добротолубие" и благословил прочесть все творения преп. Марка Подвижника.

<...>

10 февраля 1910 г. Среда.

<...> Батюшка напомнил о необходимости терпения скорбей и, в особенности, смирения. Затем, между прочим, Батюшка сказал следующее:

– А когда я буду уже лежать в могилке, придете вы на мою могилку и помолитесь о душе моей, и скажете: "Да, вот Батюшка, уж действительно, любил меня".

<...>

11 февраля 1910 г. Четверг.

Сейчас мне Батюшка говорил о том, как он переносил скорби, когда был послушником. Переносил Батюшка скорби, рассуждая так: "Должно быть, я достоин этих всех скорбей. Значит, все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти". Переносил Батюшка скорби, никому не говоря о них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков. Мало того, чтобы только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

Потом еще Батюшка говорил о том, как он возвращался в Скит из Манчжурии.

– У Бога все возможно, и все идет по Его неисповедимым судьбам.

14 февраля 1910 г. Воскресенье.

<...> Сейчас пришел от Батюшки. Открывал свои помыслы. Сказал сначала свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысл, особенно за службой на правиле, что монашеская жизнь безотраднa, день идет за днем, главное – ожидать впереди нечего: те же службы, та же трапеза и прочее.

– Это один из самых ядовитейших помыслов, – сказал Батюшка. – Монах все время должен быть как бы "в муках рождения, пока не придет в меру возраста совершенства Христова". А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... И что теперь для такого человека отяготительно, впоследствии будет для него великим утешением, например, хождение к службам и утрени. Тогда применимо будет к такому человеку псаломское слово: "Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдём" (Пс. 121, 1). Тогда уже в нем будет все исполнено света и радования о Господе.

Когда жена рождает, говорят, она терпит страшные муки, а когда родит, то уже не помнит мук от радости, что родился человек в мир. Этот закон рождения в муках и наблюдается в духовной жизни. И как жена не знает, как у нее в утробе зреет плод, как идет плодоношение и возрастание, так и в духовной жизни человек не замечает своего духовного роста... Это вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл. Он многих заклеывал, так и уходили из обители...

– Вот, Батюшка, я и хотел бы слышать из ваших уст, что мне не надо уходить из обители сей, из Скита, а все терпеть.

– Господь тебя благословит, чадо мое, не уходить из Скита. Все терпи. Да, может быть, тебе и жить недолго осталось, всего каких-нибудь шесть-семь лет. С радостью благословляю: "да, умру, а не уйду". Иное дело, если пошлют в монастырь. Конечно, пока еще вы только послушник, можно отказываться, говоря, что вы только и поступили в Скит, а если уже в мантии, то нельзя, можно только проситься.

Батюшка все говорил очень хорошо, я не имею возможности все это передать на бумаге. Помню, Батюшка сказал:

– Да, это важно, что вы сказали про этот помысл. <...> – Я спросил:

– А как бороться с этим помыслом, что ему отвечать?

– Говорите: "Не знаю, что будет, но Господь поможет мне идти этим путем". И еще: "Не думаю, что достигну верхних степеней совершенства, но спасусь здесь".

Кажется, все главное записал, хотя и не уверен.

19 февраля 1910 г. Пятница.

<...> Когда я остался один и потом за бдением, пришла такая мысль: вот Батюшка жив и исполнен мудрости духовной, и иногда я получаю крупинцы этой мудрости. Но Батюшка должен окончить свое земное существование и унести с собою в гроб эту мудрость, ибо, собственно, что имеет человек, с тем и предстанет Престолу Божию. И жалко мне стало, что тогда уже нельзя будет поговорить с Батюшкой и получить от него наставление. Вот и думаю я написать кое-что из Батюшкиных слов и наставлений.

– Иногда бывает, – говорю я Батюшке, – что, читая что-либо, никак не можешь понять, что читаешь – я говорю не про внутренний смысл, а про внешний. Словно какой туман найдет: читаешь и перечитываешь, и ничего понять не можешь.

– Тогда нужно, – отвечал Батюшка, – закрыть книгу, сесть и сотворить сто молитв Иисусовых, можно и встать даже, и поклоны положить, а можно и пройтись по Скиту с молитвой Иисусовой.

Еще:

– Иногда в старости на самых трезвых людей, никогда не пивших, нападает страсть винопития: так и тянет к вину...

<...>

28 февраля 1910 г. Воскресенье Прощеное.

<...> 25 февраля, между прочим, Батюшка сказал следующее:

– Вход в рай, в вечное блаженство открывается не нашими трудами и добрыми делами, а искупительною жертвою Спасителя Христа Бога нашего. Прежде всего, это совершается через Таинство крещения, коим человек становится способным к принятию Божественной благодати Господа Иисуса Христа, которою мы и вводимся в жизнь вечную. <...>

– Не скрою от вас того, что было со мною сегодня ночью, – говорил мне как-то недавно Батюшка. – Проснулся я, и вдруг меня поражает мысль: сейчас будет Страшный Суд. Такого яркого и живого представления у меня никогда не было. Я встал. Все возражения относительно признаков и тому подобного отошли в сторону: все это уже было, только мы не заметили, как действительно никто из живущих нерадиво и не заметит их. Господи, помилуй!

Одна мысль постоянно стоит передо мной: как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго. Вам все известно: получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут ни при чем. Это действует на них через меня благодать Божия по вере их, а я лично ни при чем. И думаю я: уж не про это ли сказано в Евангелии, будут говорить Господу: "Господи! Не Твоим ли именем многие чудеса и силы сотворихом?" – и отвечает им Господь: "Отыдите от Меня, не вем вас!.." (Мф. 7, 22-23). Только здесь, на этом месте я познал все свое падение и греховность. Ну, ничего, ничего нет доброго! Правда, благодарение Богу, хоть особых больших грехов нет. Но так... каждый день... Прежде я думал, что что-нибудь да имею, а теперь вижу – ничего. Это я не только говорю, но и сознаю себя именно таким. Это не одни слова. И благодарю Господа, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что Господь, по милосердию Своему, спасет меня: не уничтожит сердца смиренного и сокрушенного... Утешаюсь я еще словами батюшки Анатолия: "Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто вздохнет о нем к Богу?" И я искренно всех прошу помолиться обо мне и вас прошу: помолитесь! Я сравниваю себя с моими предшественниками: старцами Макарием, Амвросием, Анатолием – и вижу все свое ничтожество, а до других, поверьте мне, никакого дела нет, – закончил Батюшка.

Вот истинное-то смирение!

<...>

2 марта 1910 г. Вторник.

<...> Пришел один раз, когда Батюшка только что кончил исповедь.

– Очень утомился, – сказал Батюшка, – как будто ничего не делаешь: сидишь да разрешаешь от грехов – так может показаться со стороны. А на самом деле не так: исповедь очень утомляет. Если Господь сподобит вас, то убедитесь в этом из личного опыта...

<...>

4 марта 1910 г. Четверг.

<...> Самый трудный пост в Скиту – это первая седмица Великого поста. Но и она, по милости Божией, не особенно отяготительна для меня. Кроме того, помогает сознание, что велики дни сии, что иначе и быть не может. И удивляюсь тому, что делал я раньше, нарушая святой пост, не понимая и не сознавая его святости и необходимости. Мне часто приходилось слышать от Батюшки, что "от невоздержания

всякое зло происходит", что "пост возбуждает к молитве".

– Мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу: приходят ко мне на совет и на исповедь, между прочим советую соблюдать святые посты. Со всем соглашаются, а как дело коснется поста: "не хочу, не могу" и прочее. Враг возбуждает, не хочется ему, чтобы соблюдались святые посты.

5 марта 1910 г. Пятница.

Сегодня Господь сподобил меня исповедаться. Перед исповедью Батюшка сказал мне:

– Не все время будет вам так мирно и хорошо, как теперь. Придется потерпеть и очень потерпеть. Это я вам говорю не для того, чтобы вы унывали, нет, для того, чтобы вы знали, что придет такое время, а сил набирайтесь теперь. Тогда вы скажете: "Да, все это мне говорил Батюшка еще двадцать лет назад, даже более". А тяжелые дни приближаются. Стало трудно жить везде, а в особенности монаху... И благо живущим в монастыре! Трудно вам придется, но все-таки Господь не оставит вас и не лишит Небесного Царствия...

Когда я пришел к Батюшке, хотя я чувствовал некоторое волнение, как и всегда перед исповедью, но в общем, вероятно, у меня лицо было благодушное и мирное. Батюшка, глядя на меня, улыбнулся, но вместе с улыбкой на лице его было видно, что он или расстроен, или скорбит о чем, или, что очень утомлен. Я не могу определить, что именно это было, а что было – это несомненно. И он начал говорить то, что я сейчас написал. Батюшка – духовник и монахов, и мирян и на исповеди, и в беседах, конечно, открываются бездны и глубины сатанины, и нужно все это слушать. Поэтому Батюшка многое знает, и я верю тому, что он говорит. После исповеди Батюшка сказал мне:

– Будьте всегда деточкой, но только по злобе, а не по уму. По уму будьте муж совершенный.

<...>

12 марта 1910 г. Пятница.

<...> Вчера Батюшка говорил, что до страшных времен доживем мы, но что благодать Божия покроет нас. Это Батюшка сказал под впечатлением разговора о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, нежели полезными, и поэтому, можно сказать, суть просто зло. Также помню, как-то Батюшка говорил:

– Гипноз, то есть его открытие, многое сделало ясным. Конечно, он был и прежде, но теперь про это все узнали. Судя по всем открытиям и по открытию гипноза я думаю, что недалек конец. <...>

14 марта 1910 г. Воскресенье второй седмицы Великого поста.

<...> Однажды я сказал Батюшке:

– Вы мне сказали: так как я не испытал особых искушений при поступлении, то я должен буду испытать их, живя в Скиту, что эти искушения должны выразиться подъемом борьбы со страстями.

– Да, – сказал Батюшка, – но, кроме того, и совне будут искушения... гнев...

Потом Батюшка неоднократно говорил мне:

– Пользуйтесь этим временем, пока можно вам читать. Придет время, когда уже не будет вам этой возможности... Обогащайте свой ум познаниями и нисходите во глубину смирения, считая себя хуже всех...

Однажды я сказал Батюшке:

– Вот, пока вы живы, я всегда могу спросить, что читать и как читать. Ну, а

когда вас не будет, что тогда? Что мне читать и в каком порядке читать? Ведь обратиться не к кому... Вот я и хотел вас спросить об этом, не можете ли вы указать мне порядка чтения?

– Здесь быть определенного ничего не может. Конечно, общее правило такое: сначала надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной... Вас Сам Господь будет учить...

16 марта 1910 г. Вторник.

Вчера вечером я беседовал с Батюшкой. Не буду передавать ее всю по недосугу, а кратко запишу то, что особенно мне запомнилось.

– Середина монашеского пути очень трудна, – говорил Батюшка. – Она есть даже самая трудная часть монашеского пути, ибо в начале пути, конечно, помогает и утешает Божия благодать. А середина – это самый зной... Читайте книги теперь по праздникам, пока имеете возможность. Потом придет время, нельзя вам будет читать книги, помяните мое слово... – А я спрашиваю:

– Почему вы Батюшка говорите, что нельзя будет читать?

– Да ведь лет через пять или шесть... тогда вам надо будет читать книгу жизни... – Непонятными и таинственными мне показались эти слова, но спрашивать Батюшку далее я не посмел.

<...> Недавно Батюшка сказал мне:

– Вы знаете, какая у диавола тактика? Вам это надо записать. Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжкий, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески умаливает степень тяжести греха, внушая такие мысли: "Это не важно, Бог тебе это простит..." – и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедать этот грех духовнику на исповеди, то диавол всячески увеличивает его тяжесть, внушая, что грех этот настолько велик, что даже Бог никогда не простит его. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг. Он отлично знает, что исповедью смываются все грехи, поэтому и не допускает человека до исповеди, а если он исповедуется, то враг всячески смущает.

<...>

21 марта 1910 г. Неделя Крестопоклонная.

Сегодня все время читал книгу "На горах Кавказа" и, наконец, окончил ее.

<...>

Недавно Батюшка рассказал <...> следующее:

– Приходит ко мне однажды мирской человек и обращается ко мне с таким вопросом:

– Как проходить путь Божий? Как ему научиться? Скажите мне это в немногих словах. – Я даже несколько задумался. Что же ему сказать? А потом и говорю:

– Ты читал Псалтирь?

– Читал.

– Ну так вот там сказано: "Господь научит кроткия путем Своим" (Пс. 24, 9).

Значит, прежде всего надо знать, что учит путям Господним Сам Господь, но учит не всех, а только тех, кто кроток, кто смиряется. Так вот и ты смиряйся, будь кроток, и Господь тебя не оставит и Сам научит, как проходить путь Господень и в чем он состоит.

– Спаси Господи, Батюшка, вы мне все разъяснили, – сказал он мне тогда и ушел.

<...>

28 марта 1910 г. Воскресенье. Четвертая седмица.

<...> Вчера перед бдением Батюшка говорил мне:

– Я прочел у батюшки о. Анатолия в письмах, как он советует не оставлять Иисусовой молитвы во время богослужения, что молитва Иисусова не только не мешает внимать тому, что читают или поют, а даже помогает уяснить смысл читаемого или пемого... – Я говорю:

– Я так и делал, то есть не оставлял, а когда вы мне сказали, что надо делать что-либо одно, то есть что за службой надо творить молитву только тогда, когда не слышишь, что поют и читают, я перестал творить. Но мне жалко было расставаться с молитвой за службами.

– Хорошо, попробуйте творить молитву. Это, значит, разный опыт, по разным устройствам...

Сегодня мне хотелось более переговорить об этом, но не удалось.

Как-то мне Батюшка рассказал, что он еще в миру видел сон.

– Вижу я ад и адские мучения. Увидел я там маленькую девочку лет семи, даже пяти, и говорю:

– Как ты сюда попала? – И думаю, какие грехи у этой малютки, когда она еще совсем младенец? А она смотрит на меня и говорит:

– Я здесь за скверные мысли.

<...>

30 марта 1910 г. Вторник пятой седмицы Великого поста.

<...> Сейчас пришел от Батюшки. Под конец он мне говорил так:

– Смиряться, смиряться. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в сих словах: "Смирися, и спасе мя Господь". Смиряться и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе имейте мир. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай.

<...>

6 апреля 1910 г. Вторник шестой седмицы Великого поста.

Сегодня Батюшка просмотрел газету "Братский Листок" и, указывая на статью о различии между иконами и идолами, святости икон и их древности, сказал:

– Вот, прочтите, это будет полезно вам. Лет через десять-пятнадцать придется вам это в ход пускать. – Я прочел и говорю:

– Что же здесь особенного? Все это я давно знаю.

– А вот почему я так сказал: многие этого не понимают, даже интеллигенты... и, будучи спрошены, становятся в тупик. И на этом сектанты многих сбивают.

<...> Вчера вечером я остался у Батюшки немного поговорить. Говорил Батюшка о смысле внутренних и видимых событий жизни, как они все таинственны и глубоки, что теперь Батюшке иногда открывается смысл тех или других событий его жизни, прежде совершенно не понимаемых им.

8 апреля 1910 г. Четверг.

Сегодня <...> мне Батюшка рассказал, каким опасностям смертным подвергался он при возвращении из Манчжурии: первое – как Батюшка чуть было не выпал из вагона на самом быстром ходу, полагая, что дверь затворена; второе – как было у Батюшки предчувствие не садиться на поезд, и он не сел, а поезд, действительно, по какой-то причине разлетелся вдребезги, и, когда уже на другом поезде Батюшка приехал, увидел только груды обломков и массу кровавых тел; третье – как Батюшку намеревались убить в глухом месте. И как Господь спасал дивно от всех этих опасностей, а может быть, и многих других, которых

Батюшка не заметил. <...>

27 апреля 1910 г. Вторник Фоминой.

<...> 16 апреля, в Страстную Пятницу, [при пострижении в рясофор] о. Архимандрит сказал нам свое слово:

– Видя ваше послушание и добрую нравственность, мы даем вам рясофор. Даем вам для того, чтобы поощрить вас к еще большим трудам, еще к большему смирению и послушанию. Это необходимо. Смиряться даже перед младшими, перед послушниками, а не тщеславиться своим одеянием: "Я уже монах, мне нужен покой, разве не видишь, что у меня камилавка" и прочее, ибо не для тщеславия даем вам рясофор, а для сугубых трудов. А говорю я это для того, что были такие печальные примеры. Пока послушник – и старателен, и смирен, а как получил рясофор – сразу изменился. Так вот смотрите, чтобы этого не было. Затем обращайтесь к старцам за советом и наставлением – и в борьбе мысленной с плотью, и за решением каких бы то ни было недоумений... Вот теперь и идите к старцам...

Сейчас что-то более не припомню. <...>

28 апреля 1910 г. Фомина среда.

<...> Батюшка начал свое слово:

– Прежде я говорил вам и теперь опять повторяю: смирение – всё. Есть смирение – всё есть, нет смирения – ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как, например, в миру, когда дают повышение, назначая в офицерский чин и прочее. Там получивший чин считает своим долгом гордиться своим повышением. А у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: "Кто хочет быть большим, да будет всем слуга" (см. Мф. 20, 26; Мк. 10, 43). Смиряться и смиряться... Теперь благодать Божия будет больше вас утешать, но и враг будет больше озлоблять. Припомните, как вы поступали в монастырь, какие препятствия строил вам враг, чтобы не давать возможности поступить в святую обитель. Если подумаете, то, конечно, вспомните. Но Богу угодно было, чтобы вы поступили в монастырь. И враг как бы ослабил свою борьбу с вами, вас стала более утешать благодать Божия. А теперь враг опять с большей силой нападать на вас будет. Поэтому предупреждаю вас: будьте готовы к скорбям и искушениям. Надо терпеть...

Более не помню сейчас. <...>

29 апреля 1910 г. Четверг.

Вскоре я остался с Батюшкой один. Заговорили о рясофоре. <...> Батюшка говорил:

– Конечно, на вас действует теперь особая благодать. Вот и продолжайте путь молитвы Иисусовой. Я уже говорил вам, что монашество есть внешнее и внутреннее. Миновать внешнее нельзя, но и удовлетвориться им одним тоже нельзя. Одно внешнее без внутреннего даже приносит вред. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши, ничего не вырастишь, если ничего не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а пшено – молитва Иисусова. Молитва Иисусова освящает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силу в борьбе, в особенности она необходима при перенесении скорбей и искушений. <...>

6 мая 1910 г. Четверг жен мироносиц.

3 мая, в понедельник вечером, Батюшка оставил меня у себя. Хотели пройтись по Скиту, но этому помешал дождь. Тогда после вечерних молитв мы ушли в дальнюю моленную и побеседовали. Между прочим, Батюшка сказал, что, когда он был

послушником, всеми гонимым и презираемым, настроение его было более радостное и светлое, чем теперь... Говорил Батюшка, что происходит это от того, что тогда душа его питалась чтением Евангелия, Псалтири и святоотеческих книг, а теперь нет у Батюшки этой возможности. Теперь приходится Батюшке читать иные книги – душ человеческих. Затем Батюшка говорил мне:

– Не слушайте врага, внушающего вам, что впереди то время, когда вы по-настоящему займетесь чтением. Не слушайте лукавого, – обманывает. Для вас теперь-то и идет самое время.

<...>

13 мая 1910 г. Четверг.

<...> Между прочим, Батюшка сказал мне так:

– Пока я жив, будемте жить вместе, а когда я умру, я передам вас Самому Господу для руководства...

9 мая я закончил читать преп. Марка Подвижника.

10 мая Батюшка спросил меня:

– Когда вас постригали в рясофор?

– 16 апреля.

– Каких святых?

– Святых мучениц Ирины, Хионии и Агапии.

– Что значат эти имена? – Я посмотрел: Агапия – любовь, Ирина – мир, Хиония – снежная. – Ну вот, – продолжил Батюшка, – это значит, что вы должны иметь, по слову Апостола, мир и святынню со всеми. Кроме сих добродетелей: мира и любви нельзя очиститься от страстей, то есть убелиться. А Хиония значит снежная. Вот и надо вам очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: "паче снега убелюся" (Пс. 50, 9). А дальше что сказано? "Слуху моему даси радость и веселие". Это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уж и "возрадуются кости смиренные". Здесь в псалмах тонкая последовательность...

10 мая мне Батюшка дал прочитать 40-ю беседу преп. Макария Египетского. Но я не мог ее тогда же прочесть и прочел только вчера.

Когда я читал книгу "На горах Кавказа", я прочел там, что нужно усердно молиться Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам о приобретении сего великого дара – молитвы Иисусовой. Я это и сказал однажды Батюшке, а он и говорит:

– Конечно, и вот можно какое сделать сравнение. Идут путешественники к какому-либо городу, идут степью и видят: вдали чуть-чуть виднеется город. Идут, идут, уже много прошли, кажется, уж город недалеко, как вдруг замечают, что перед ними пропасть на дороге, через которую никак им нельзя перейти. Постояли, подумали. Как быть? И пошли одни налево, другие направо, но ни те, ни другие не нашли перехода через пропасть. Стали они и стоят, не знают, что делать. И вот они замечают, что на той стороне идут какие-то люди. Тогда они стали звать их и просить им помочь в их нужде. И начали они бросать веревочки с камушками на другой берег так, что один конец веревки оставался в их руках, а другой конец с камушком перекидывался на другую сторону. Те привязывали конец веревки к колу и втыкали его в землю. И так мало помалу, когда набросали порядочно веревок, образовался веревочный мостик, по которому потихоньку все перешли. А без помощи с той стороны они едва ли смогли что-либо сделать.

<...>

24 мая 1910 г. Понедельник о слепом.

Вчера вечером, Батюшка захотел пройтись по Скиту и взял меня с собой. Особенно

я обратил внимание на следующие его слова:

– Молю Господа, чтобы поставить мне вас на ноги, чтобы укрепились ваши ноги, еще детские. Ибо после меня на вас будут нападать, но вы не бойтесь, – основания ваши будут лежать на камени заповедей. Вы находитесь в таком же положении, как и я. Ко мне был очень расположен батюшка Анатолий, духовно я стоял к нему ближе всех. Он называл меня подвижником, и это возбуждало негодование в некоторых из братии. Правда, так близок к батюшке Анатолию, как вы ко мне, я не был, но все-таки пользовался некоторыми "льготами". И вот после смерти батюшки Анатолия были на меня нападения.

<...>

27 мая 1910 г. Вознесение.

<...> Думаю записать то, что давно хотел записать. Было это 26 октября 1909 года перед моим призывом на военную службу. Батюшке очень хотелось, чтобы я остался, <...> поэтому он неоднократно оставлял меня для беседы с собой и многое говорил.

Вот 26 октября 1909 года я остался у Батюшки, стали мы читать книгу "На горах Кавказа" о молитве Иисусовой, необходимость которой Батюшка вполне признает.

<...> Затем, прочитав довольно, мы начали беседу. Я почти ничего не говорил, а только слушал. Теперь начну записывать и отдельные выдержки из беседы и общий ее ход.

– Псаломские слова, троекратное повторение слов: "Обышедше обыдоша мя и именем Господним противляхся им" (Пс. 117, 10-12) вполне понимают все делатели молитвы Иисусовой, хотя бы этого им никто не растолковывал. Они понимают, что это говорится про молитву Иисусову. Это одно из самых ясных мест о молитве Иисусовой, коих очень много в Псалтири.

– Можно ли потерять молитву Иисусову тому, кто достиг уже внутренней молитвы?

– Да, я думаю, что можно – от нерадения при окружающей суете. А бывает, что Господь по неведомым нам судьбам Своим отнимает молитву, как например, было это со схимонахом о. Клеопой. Он два года чувствовал в себе потерю сердечной молитвы, после чего она опять возвратилась к нему. Может быть, это Господь послал ему для испытания его веры. Поэтому в таких случаях не надо отчаиваться... Томительное, часто безотрадное состояние, предвещающее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым. Ибо Царь может сразу обогатить нищего. Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой тот, что достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет себе место томительное состояние духа. <...> В миру не дал мне враг заняться молитвой Иисусовой, вот я и думал: займусь ею в монастыре. А здесь он поднял на меня всю братию: хоть уходи из Скита. Вот как ненавистна ему молитва. А теперь ничего не вижу. Весь разобран там (Батюшка показал рукой на женскую половину). Конечно, по времени лепечу молитву. Уж не знаю, снимет меня Господь с сего поста или уж здесь придется умереть. <...>

30 мая 1910 г. Воскресенье.

<...> На днях я спросил Батюшку:

– Я был в недоумении: надо ли творить молитву Иисусову за богослужением. Спросил об этом вас еще года два назад. Вы ответили, что нет, не надо всё время, а только тогда, когда не слышно, что читают. Потом я опять спросил вас об этом, вы ответили то же. А недавно сами сказали, чтобы я попробовал творить молитву Иисусову за богослужением. Теперь прошло около месяца, и я не знаю: что продолжать мне или нет, что полезнее для меня, я сам не могу понять. Вот как же мне быть?

– Творите молитву, Бог благословит, а там видно будет, – ответил мне Батюшка.

31 мая 1910 г. Понедельник.

Сегодня <...> Батюшка сказал так:

– Становитесь на ноги, ибо после меня будет на вас напор. А мне что-то думается, что я скоро умру. И тогда на вас, как на меня после смерти батюшки о. Анатолия, все обрушится. Когда батюшка Анатолий был жив, я имел поддержку. Даже тогда, когда Батюшка лежал больной, никого не принимал, я все еще имел надежду, что встанет он, я все-таки чувствовал его присутствие. Но когда он скончался, тогда словно во мне что-то оборвалось. <...>

9 июня 1910 г. Среда.

11 июня, в день Святого Духа, до обеда Батюшка побеседовал со мной о молитве Иисусовой. Началось с того, что Батюшка задал мне вопрос: "Какой признак Промысла Божия о человеке?" Я не умел ответить. Тогда Батюшка начал говорить: – Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промысла о человеке. Они посылаются или для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы. Например, заболел человек и скорбит об этом, а между тем этою болезнью он избавляется от большого зла, которое он намеревался сделать.

Отсюда перешли уже к молитве.

– "Ее начало – тесный путь". Но приобретение внутренней молитвы необходимо. Без нее нельзя войти в Царство Небесное. Внешняя молитва недостаточна, ибо она бывает у человека, в котором присутствуют страсти. Одна внешняя недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: "Какой же смысл творить молитву? Какая польза?" Великая! Ибо Господь дает молитву молящемуся, дает человеку молитву или перед самой смертью или даже после смерти. <...>

13 июня 1910 г. Воскресенье.

10 июня Батюшка делал мне напоминание, что со сном надо бороться.

– Надо иметь желание и решение встать, тогда вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во чтобы то ни стало, то, если бы над тобой колокольня была, и то проспидь. <...>

Послушник Николай Беляев

Скит Оптиной пустыни. 13 июня 1910 г.